

[Polaris]

Пьер Жиффар

ЛЕДЯНАЯ МОГИЛА

Роман приключений

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXVI

Salamandra P.V.V.

**Пьер
ЖИФФАР**

ЛЕДЯНАЯ МОГИЛА

Роман
приключений

Salamandra P.V.V.

Жиффар П.

Ледяная могила: Роман приключений. Илл. Ш. Лапьера. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 144 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXXVI).

Герой фантастическо-приключенского романа французского журналиста и писателя Пьера Жиффара (1853-1922), гениальный ученый Макдуф, отправляется в Антарктику на поиски своего пропавшего сына, возглавлявшего амбициозную полярную экспедицию. Задача новой экспедиции — найти тела погибших и привезти их на родину. Но профессор Макдуф лелеет иные планы...

ЛЕДЯНАЯ МОГИЛА

РОМАН
Пьера Жиффара

I

ГИБЕЛЬ «ПРОКТОРА»

«Вечерние газеты!... Последние телеграммы!.. Гибель “Проктора”!..» — выкрикивали мальчишки-газетчики, шныряя в толпе, наполнявшей главные улицы Филадельфии. Стоял май, погода была прелестная, толпа была огромная, и мальчишки бойко торговали своим ходким товаром.

В вечерних листках была напечатана следующая телеграмма, возбуждавшая всеобщие толки:

«Буэнос-Айрес, 15 мая 1905 года. Два судна, вернувшиеся сегодня в наш порт с охоты на тюленей в южном Ледовитом океане, доставили точные сведения, подтверждающие, ко всеобщему огорчению, уже давно ходившие слухи и предположения о судьбе экспедиции Джорджа Макдуфа. Сам молодой и ученый глава экспедиции и его 14 спутников — офи-

церы, ученые, матросы, — несомненно погибли в полярных льдах. Упомянутые выше тюленеловы доставили несколько найденных ими под 65° южной широты обломков орехового дерева, представляющих, без сомнения, остатки судна экспедиции “Проктор”. Между прочими обломками им попались два спасательных буйка, помеченных названием судна, затем коечная рама и кусок стола из офицерской каюты с инкрустацией из бронзы. На одной из пластинок бронзы ясно видна надпись: “Экспедиция Д. Макдуфа”.

Все это было сдано в Аргентинское географическое общество, сохраняющее драгоценные находки для передачи их в распоряжение консула Соединенных Штатов».

В Филадельфии телеграмма произвела сильное впечатление, потому что экспедиция Макдуфа была снаряжена именно там, на средства филадельфийского миллионера Пауэлла, тестя злополучного Джорджа Макдуфа.

В Америке, как известно, есть свои короли: нефтяные, железные, сахарные, хлопчатобумажные, шерстяные, медные, стальные. Они короли промышленности, торговли; их скипетр — доллар. Джон Генри Пауэлл был одним из таких королей — он был королем землевладельческих машин!

Дочь этого многомиллионного янки, Эмма, была выдана в 1894 году за Джорджа Линкольна Макдуфа, который в ту пору служил мичманом на военном флоте. Выдавая за него дочку, старый Пауэлл питал тайную надежду на то, что молодой зять, женившись, бросит морскую службу и сделает-ся его компаньоном. Но ему вскоре пришлось распротиться с этими мечтаниями. Молодой Макдуф, увлеченный примером знаменитых путешественников, только и грезил, что о географических да о научных экспедициях. Ему мерещились великие открытия; он завидовал славе своего отца, профессора хирургии в Филадельфийском университете, имя которого уже давно гремело в ученом мире. Ему хотелось усилить блеск этого имени еще и своей славой.

Мечты эти зародились у него еще в юности и никогда его не покидали. Но раньше у него не было средств на экспедицию в отдаленные края, а когда он женился, средства хотя и появились, но нельзя же было покинуть молодую же-

ну немедленно после брака. Поэтому Джордж Макдуф крепился и мечтал тайно, не высказывая ни жене, ни тестю своих заветных мыслей. Так прожил он шесть лет. За это время он стал отцом прелестного мальчугана. На седьмой год он не вытерпел и открылся во всем жене.

Надо полагать, что его юная супруга была из «одного теста» с мужем, потому что она и не думала его отговаривать, а напротив, поощряла и ободряла Макдуфа в его планах. Он замыслил экспедицию к Южному полюсу. Жена выслушала его восторженные тирады и сказала ему:

— Ну что же, Джордж, иди, куда тебя зовет и манит слава. Ты прав. Надо же стать кем-нибудь, надо служить своей стране, открывать новые земли и водружать на них усеянное звездами знамя! Пусть твое имя будет занесено в список великих путешественников рядом с именами стольких знаменитых англичан, французов, голландцев. Пусть имя Макдуф произносят с таким же почтением, как имена Росса, Кука, Дюмон-Дюрвиля, Тасмана. Меня сначала поразило твое желание отправиться в путешествие. Это застало меня врасплох. Я даже решила было, что ты меня не любишь, бежишь от меня. Но я обдумала твой замысел, и мои подозрения рассеялись. О деньгах нечего заботиться. У отца их довольно, и он нам не откажет... Думаю, небо будет милоствительно к нам обоим и льды дальнего юга не грозят нам бедой.

Теперь предстояло повести атаку на туго набитый кошелек тестя. Надо было, ни больше ни меньше, упросить его пожертвовать на замышляемую экспедицию миллион долларов. Необходимо было не жалеть затрат и снарядить блестящую экспедицию. На это имелись свои причины.

В то время, утомленные попытками достичь Северного полюса, путешественники устремились в противоположную сторону, к Южному полюсу. Бельгиец Герлах только что вернулся из Южного океана на своей «Бельгике». Англичане снарядили туда экспедицию на «Discovery», на котором капитан Скотт добрался до 82° южной широты. В Германии подготавливали экспедицию на «Гауссе», в Глазго снаряжали в Южный океан «Скотию», в Стокгольме «Ан-

тарктику», во Франции, в Сен-Мало, «Француза». Все эти экспедиции снаряжались основательно, с крупными средствами. Могли ли гордые янки дать себя затмить англичанам, французам, шведам, немцам? Американская экспедиция должна была быть ничуть не хуже прочих и даже не равна им, но превзойти их по великолепию и широте и задачи, и затрат. В таком именно виде дело и было представлено на усмотрение короля земледельческих орудий.

Он начал с того, что отнесся к этой затее, имевшей столь мало общего с плутами и молотилками, чрезвычайно строптиво. Но когда ему объяснили, что все, решительно все нации снаряжают экспедиции к югу, кроме американцев, и что на это нет сил взирать равнодушно, миллионер сдался. В нем заговорил дух соперничества, дух борьбы за первенство и — судьба экспедиции была решена!

Пылкие речи зятя и дочери так взвинтили старика, что он принял на себя все расходы экспедиции, даже если бы они далеко вышли за пределы того миллиона, который требовался по первоначальному плану.

Весть об экспедиции скоро разнеслась по Филадельфии, а потом и по всему широкому простору Соединенных Штатов. Пауэлл, его дочь, его зять — стали знаменитостями. Был пущен в продажу их тройной портрет в красках.

В Америке тянуть не любят. Судно для экспедиции, трехмачтовый бриг «Проктор», заботливо снаряженное и приспособленное к целям путешествия, было подготовлено за два месяца и 30 июня 1902 года вышло в море, унося к далекому югу молодого Макдуфа и его спутников. Триста тысяч народа, собравшегося на набережной города, провожали его громом приветственных кликов.

Но, увы, экспедиции, удостоившейся таких восторженных проводов, не было суждено дожидаться такой же торжественной встречи. Прошли 1902, 1903, 1904, начался 1905 год. Экспедиция была рассчитана на два года, а о ней все время не было никаких известий. За десять месяцев до роковой телеграммы из Буэнос-Айреса многие уже были непоколебимо убеждены в ее гибели, так что телеграмма эта опечалила многих, но не удивила почти никого.

II

НЕПРИЕМЛЕМАЯ ДОГАДКА

В этот роковой день, 15 мая 1905 года, в богатой загородной вилле короля земледельческих машин царило уныние; телеграмма из Буэнос-Айреса была туда немедленно передана по телефону.

Джордж Макдуф твердо обещал, что вернется домой после двух зимовок в южном океане. До июня 1904 года от него получали вести. Но с тех пор он замолк. Пробовали объяснить это молчание исключительно суровой зимой, которая препятствовала судам проникать к югу дальше 60° южной широты. Полагали, что, может быть, экспедиции пришлось прокладывать себе новый путь к северу по местам, отдаленным от материков и не посещаемым промышленниками.

Надежда с каждым днем таяла в сердце Эммы Макдуф. Телеграмма из Буэнос-Айреса не поразила ее неожиданностью, но все же нанесла ей жестокий удар. Она сидела немая, неподвижная, убитая горем. А ее отец, человек простой и прямой, угрюмо обвинял во всем не кого иного, как себя самого.

— Это моя вина! — все повторял он. — С какой стати отпустил я Джорджа в это дикое странствование? И чего ему не хватало?.. Разве я не был добр и щедр к нему? Вот нынешние дети — все они так платят родителям за их доброту!.. Забрался в эти ледяные дебри и погиб там. И как погиб?.. Какой смертью?.. Я об этом и думать-то боюсь, да и тебе, Эмма, не советую, а то ты у меня совсем потеряешь рассудок от горя и ужаса! А тебе надо заботиться не о себе одной, но и о твоём сыне. Нужно его вырастить, воспитать, поставить на ноги. Я стар, я скоро умру. Ты останешься одна. Это надо помнить. Жаль Джорджа, но ведь его уж не веротишь. А тебе, молодой женщине, нельзя быть одной. Погорюешь и утетишься... И тогда тебе надо будет серьезно подумать о муже...

Эти слова вывели молодую женщину из оцепенения. Она ужаснулась.

— Как, — заговорила она глубоко взволнованным голосом, — мне подумать о муже?.. Да ты разве не знаешь, папа, как мы с Джорджем любили друг друга?.. Разве я могу забыть его и полюбить другого?.. Выйти за другого?! Нет, этому не бывать. Притом же Джордж унес с собой в могилу мою торжественную клятву. Когда мы прощались, то дали друг другу слово, что смерть одного из нас будет сопровождаться вечным вдовством пережившего. Поэтому, папа, прошу тебя, не заводи больше об этом речь!.. Поговорим лучше о другом. Хочешь, я тебе скажу, о чем я думала все это время после того, как узнала о телеграмме? Хочешь?.. Я тебе скажу. Я думала не о новом замужестве, а о том, что надо, ни-мало не медля, отправиться на поиски мужа. Вот о чем я думаю!

Старик Пауэлл чуть не подскочил.

— Что?.. — вскричал он. — Что ты говоришь, Эмма? Разве ты еще сомневаешься в том, что судно погибло, а с ним и вся экспедиция?..

— Да, сомневаюсь.

— Ты с ума сошла, дитя мое! На что тут возможно надеяться? Ведь те промышленники нашли, подобрали и привезли обломки «Проктора»! Ведь ты это знаешь! «Проктор» погиб вместе с грузом и экипажем. Уж если в море находят обломки судна, и спасательное снаряжение, и ящики, и куски столов, то какие же могут быть после этого сомнения в том, что судно погибло?..

— Я и не говорю, что оно не погибло.

— Ну?..

— Я только допускаю, что судно могло потерпеть крушение во время бури или было затерто льдами; но из этого не следует, что все люди погибли.

— Но, дитя мое, разве ты не знаешь, что такое полярная область, особенно южная полярная область? Там ведь на необозримом пространстве вечных льдов нет ни людей, ни зверей, ни растений — ничего, кроме птиц и тюленей! Чем же там кормиться людям, потерпевшим крушение, если да-

же они попали на какую-нибудь обледенелую землю? Рассуди сама!.. И разве ты не помнишь слова самого Джорджа: «На Южном полюсе вне судна нет спасения!..» Ну?..

— Что ты хочешь, папа?.. Я не могу отрешиться от надежды, что эта формула — одни слова, и что на деле все могло произойти иначе... И что пока еще не все потеряно.

— Милое дитя мое, дай Бог, чтоб это было так! Но этой оптимистической догадке противоречат элементарнейшие географические данные. Раз найдены обломки «Проктора» — значит, верно, как дважды два четыре, что все люди на борту погибли и...

Пауэлл не успел закончить свою фразу. Эмма издала стон, вскочила с места и тут же упала без чувств.

Эмма Макдуф упала без чувств...

III

БЛАГОРАЗУМНЫЙ ОТВЕТ

Когда Эмма очнулась, она увидела возле себя какого-то человека, одетого в черное, и в первые минуты не смогла его узнать. Но вскоре она овладела собой и поняла, что перед ней был отец ее мужа, знаменитый хирург Макдуф. Он держал ее за руку и считал пульс.

Это был сухой старик с типичной внешностью ученого: бледный, тощий, с маленькими острыми глазами и носом хищной птицы, оседланным золотыми очками. Узнав о катастрофе, он поспешил к снохе. Он вошел как раз в тот миг, когда Эмма упала в обморок и старик Пауэлл кинулся звать людей на помощь.

Бросив на старого Паулла взгляд, исполненный трагической печали, Макдуф тотчас занялся молодой женщиной. Придя в чувство, она пробормотала упавшим голосом:

— Благодарю вас, дедушка! (Так прозвали все в доме старика Макдуфа после рождения его внука, Тоби.)

Хирург сам подал Эмме стакан питья, изготовленного по его указаниям, и, отослав из комнаты прислугу, сел около молодой женщины. Пауэлл сел в кресло рядом.

— Вы составили себе какое-нибудь определенное мнение, дедушка? — робко спросила Эмма.

— Конечно, милая Эмма.

— Я боюсь спросить вас, в чем оно состоит... Но мне почему-то кажется, что оно одинаково с моим.

— А какое же ваше?

Молодая женщина смущенно молчала. Ее отец пояснил вместо нее, о чем она думает и на что надеется — и тут же прибавил, что сам он убежден в несомненной гибели экспедиции.

Видно было, что отец и дочь с величайшим интересом и нетерпением ожидали слов знаменитого ученого. Макдуф смущенно помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Увы!.. Я думаю то же, что и мистер Пауэлл!.. В самом

деле, если судно и впрямь погибло, то достоверно и то, что все люди погибли.

— Все?..

— Но как же можно представить себе, что кто-нибудь из них избежал гибели?.. Ну хорошо, допустим, что экипаж попал на какой-нибудь айсберг или даже на материк. Допустим далее, что им удалось захватить с собой провизию. Этой провизии хватило бы на несколько недель. Но ведь она, в конце концов, вся будет израсходована. И тогда что?.. Как пополнить запасы? Чем питаться?.. Смерть от холода и голода неизбежна. Там ведь нет ни деревьев, ни каких-либо растений, словом, ничего, что помогло бы человеку бороться со смертью. Нет, я не питаю напрасной надежды. О, мой Джордж, мой Джордж! Я вижу его в своих снах, превращающихся в последнее время в какие-то тяжкие кошмары! Вижу, как он храбро борется с холодом, голодом, жаждой, цингой! И никогда мне не грезится, что сын мой выходит победителем из этой борьбы. Он гибнет в этих моих снах-кошмарах, гибнет, Эмма, и все зовет меня на помощь!.. О, как это ужасно!

И старик зарыдал. Глядя на него, не смог удержаться от рыданий и старый Пауэлл.

Успокоившись немного, старый ученый закрыл лицо руками, глубоко задумался и заговорил, словно в забытьи:

— Жив!.. Верить, что мой сын еще жив... Если бы я мог об этом мечтать... Но мне шестьдесят пять лет, мне не подобает тешиться мечтами. Это было бы сверхъестественно, а чудеса не вяжутся с положительной наукой... Нет, его нет в живых... Однако, если бы случая было угодно...

— Что угодно случая, дедушка?

— Если бы удалось получить какие-нибудь более точные известия о гибели судна...

— И что же тогда?

— Хорошо бы узнать, нашли ли их тела...

— Ну, это было бы не очень большое утешение, — перебил его Пауэлл.

Но Макдуф не услышал этого замечания. Он весь ушел в раздумья. Его острые глаза словно впились в какую-то при-

зрчную мысль, которая витала перед его воображением. И вдруг он резко поднялся с места.

— Пауэлл, — сказал он, — вы поможете нам найти останки сына и его товарищей?

— Нет, — отрезал машинный король. — Это была бы безрассудная трата денег. Вы, господа ученые, право, чудаки! Я дал миллион вашему сыну на его путешествие, то есть на определенную и ясную задачу, выполнение которой требовало денег, расходов. А теперь вы просите у меня денег — на что?.. Чтобы искать что?.. Следы несчастных, погибших неведомо где в южном Ледовитом океане?.. Да это ребячество!

— О, папа! — воскликнула Эмма, задетая за живое бесцеремонными словами отца.

— Да, — продолжал старик, — ребячество. Ты пойми меня! Если бы речь шла хотя бы о Гренландии, где живут дикари-эскимосы, которые могут и вести экспедицию, и доставать припасы, и знают свою сторону, и могли набрести на трупы погибших, — ну, тогда дело другое, и в таких условиях я понял бы цель и значение экспедиции. Но какой смысл имеет экспедиция в пустынные льды южного океана? Да прежде всего, куда ее направить? Где погиб Джордж? Где его искать? Разве можно обыскать весь океан и все его льдины? Зачем же тогда эта экспедиция? Чтобы к тем погибшим прибавить еще новую толпу погибших, а к напрасно истраченному миллиону долларов еще миллион?..

Старый ученый поднялся с места и сказал:

— Успокойся, дитя мое. Эта новая экспедиция все-таки состоится, хотя твой отец и оказывается снарядить ее. На этот раз нам не надо миллиона, нам хватит и четверти миллиона... А такие деньги мы найдем. Мы откроем подписку, и граждане Соединенных Штатов отзовутся на наш призыв. Да и сам Пауэлл, как ни строптиво он отнекивается, первым же и подпишет нам 25.000.

— Никогда, ни за что!.. — вскричал старый фабрикант.

— Подпишите, Пауэлл! Нельзя не подписать, когда все будут подписываться! Мы говорим о чести вашей семьи, вашего имени, о чести нашей страны. Я не богат, но я соберу

все, что у меня есть, и наберу до 20.000.

— Я наберу столько же! — подхватила Эмма. — У меня есть свои деньги.

Старый ученый взял лист бумаги и написал наверху:

*«Национальная подписка на экспедицию для поиска
погибших на “Прокторе”».*

— Ну, мой старый друг, — обратился он к Пауэллу, подавая ему лист, — начните! Ваше имя должно стоять во главе этого списка! Вы сами это хорошо понимаете!

Старик нахмурился, с минутку поколебался, но кончил тем, что взял перо, написал свое имя и поставил рядом с ним цифру 25.000.

IV

ЗАСЕДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Вечером того самого дня, когда была получена телеграмма из Буэнос-Айреса и разыгралась только что описанная сцена в доме Пауэлла, было назначено экстренное заседание Пенсильванского географического общества в Филадельфии.

В 10 часов президент общества Джон Перттридж открыл заседание прочувствованной речью, в которой помянул погибших членов экспедиции Джорджа Макдуфа, граждан Филадельфии...

— Наше общество, — сказал он среди прочего, — еще с 1862 года объявило себя сторонником той мысли, что южная полярная область не должна резко отличаться от северной, что там есть свои материки, быть может, свои полярные обитатели. И знаменитые ученые, чьи имена начертаны золотыми буквами на этих стенах, разделяли это мнение.

— И были правы! — раздались возгласы среди многочисленной собравшейся публики. — Слава и честь им!

— Подобно многим европейским ученым, подобно знаменитому Куку, — продолжал президент, — эту же мысль разделяет и наш славный согражданин, профессор Макдуг, присутствующий здесь...

Буря аплодисментов и криков сопровождала эти слова президента.

— Он тоже сторонник существования Антарктиды, — продолжал президент. — Он сумел внушить это убеждение и своему сыну Джорджу. Воздадим же наш почтительный привет погибшим, и их близким, и тем, кто способствовал осуществлению принятой ими на себя великой задачи!

Все присутствующие поднялись с места, и в огромном зале несколько мгновений царил мертвое, благоговейное безмолвие.

Затем президент продолжал свою речь. Он вкратце напомнил собранию о главных экспедициях к Южному по-

люсу и заключил свое блестящее выступление словами:

— Наше отечество не могло оставаться чуждым и равнодушным к этим доблестным трудам на пользу географической науки. Благодаря щедрости господина Пауэлла («*браво!*»), наш незабвенный сочлен Джордж Макдуф (продолжительные крики «*браво!*») снарядил «Проктора» и отправился на нем в свое плавание, так много обещавшее и так печально закончившееся. По его письмам видно было, что он уже твердо стоял на пути важных географических открытий. Эти письма опубликованы в наших «Записках». Но Провидению не угодно было увенчать успехом труды наших дорогих сограждан. Теперь уже не остается сомнений в том, что они погибли. Мы ждем сейчас только подробно-го донесения нашего консула в Буэнос-Айресе.

Президент уже предложил было на этом и закончить заседание, как вдруг перед собранием предстала сухая и характерная фигура профессора Макдуфа.

— Прошу слова, — сказал он, обращаясь к президенту.

— Слово предоставляется профессору Макдуфу! — громко провозгласил президент.

— Я не мог ожидать меньшего от вашего великодушия, — начал Макдуф, когда смолкли громы приветствий, которыми его встретило собрание. — И если что-нибудь может сравниться с моей горестью, так это то утешение, что доставило мне ваше сочувствие. Да, жалеете меня, жалеете и эту молодую женщину, которая осталась теперь неутешной вдовой. Но, насытив свое горе, овладейте собой, как овладел собой и я, и приготовьтесь помочь мне в том, что мной задумано. Все мы, родственники, друзья и сограждане жертв этой катастрофы, не можем и не должны уклоняться от лежащего теперь на нас долга. Нам надо найти наших дорогих покойников и доставить их на кладбище у них на родине! (*Всеобщее одобрение*). Мне скажут на это, что океан не выдает свои жертвы, что он поглотил навеки всех участников экспедиции. Я отвечу, что ничто этого не доказывает. Мы знаем только, что судно погибло в волнах. Но почему не предположить, что людям с него удалось спастись на пловучую льдину, а с нее перебраться на материк? Увы, я

— «Скажите все вы, прав ли я?»...

не обманываю себя тщетными надеждами. Даже в самом благоприятном случае, то есть, если им и удалось попасть на твердую землю — я знаю, что они все давно уже погибли от холода и голода. Но все-таки останки их целы и должны быть вполне сохранены в их ледяной могиле. А если это допустимо, то неужели мы равнодушно бросим их там, на ди-ком и неведомом юге, не сделав попытки вернуть их на ро-дину? Я вижу здесь людей, близких погибшим. Вот Клерк, сын которого погиб вместе с моим Джорджем! Вы, Куртис, потеряли в этой экспедиции брата! У вас, Доккет, погиб пле-мянник! Скажите все вы, прав ли я? Слов нет, новая экс-педиция требует расходов; но неужели это остановит нас? Я уже произвел приблизительный подсчет этим расходам. Нам надо собрать 250.000 долларов. Но вот, на этом листе уже стоит подпись великодушного мецената погибшей экс-педиции. Он пожертвовал на новую экспедицию 25.000. Я с своей стороны даю 20.000. И если мы обратимся, от имени нашего общества, ко всему населению Соединенных Штатов, то я уверен, что требуемая сумма будет собрана в самом не-продолжительном времени. Вот все, что я хотел сказать!

Собрание с энтузиазмом приняло это предложение. Когда шум в зале мало-помалу стих, казначей общества заявил, что в настоящее время общество располагает запасным капи-талом в 130 тысяч долларов. Если из этой суммы ассиг-новать на новую экспедицию 55.000, то вместе с взносами господ Пауэлла и Макдуфа собранная сумма достигнет уже 100.000. Таким путем общество положит почин делу, без сомнения, весьма для него почетному, и в то же время не особенно чувствительно нарушит равновесие своих финан-сов.

Когда и это предложение было единогласно принято, се-кретарь общества доложил, что он телеграфировал гене-ральному консулу в Буэнос-Айресе, прося его доставить пол-ный текст показаний тюленеловов, нашедших обломки «Проктора». Несомненно, в этом донесении будут очень ценные сведения.

— Судно купить и снарядить недолго, — сказал один из присутствовавших на заседании, бравый и бывалый моряк

Гарри Мольсон. — Но вот вопрос: кто возглавит новую экспедицию?

— Я! — ответил на этот вопрос профессор Макдуф. — Да, дорогие товарищи, я принимаю начальство над экспедицией. Разве я не имею на это особых прав? Не мой ли сын был главой погибшей экспедиции?

Предложение старого профессора было принято единодушно, но в этом согласии чувствовалось какое-то сомнение. Макдуф был стар и далеко не богатырского здоровья. Выдержит ли он принимаемую на себя роль?.. Профессор догадался об этих колебаниях.

— Отца, который отправляется на поиски своего погибшего сына, не сломят ни труды, ни лишения! — громко провозгласил он.

И, подав руку Эмме, он повел из залы едва стоявшую на ногах от волнения молодую женщину. Председатель объявил заседание закрытым.

ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ НОВОСТЬ

Прошло пять дней. Из главных городов Соединенных Штатов, вслед за воззванием географического общества, начался прилив золота в руки казначея общества, Герберта Крейга. Нью-Йорк, Бостон, Сан-Луи, Чикаго, Новый Орлеан, Сан-Франциско и Балтимор в общей сложности доставили в кассу новой экспедиции полсотни тысяч долларов. Ждали значительной суммы от ученых обществ, но они еще не успели ассигновать средства, потому что для вотирования кредитов им нужно было созывать экстренные собрания.

Результаты подписки были блестящие, но легко понять, как эти проволоочки и ожидания терзали терпение Эммы и старого Макдуфа — тем более, что президент географического общества, Перттридж, решил ничего не предпринимать до тех пор, пока вся запланированная сумма в 250.000 долларов не будет покрыта подпиской.

На исходе пятого дня Эмма по своему обыкновению сидела у себя на веранде с маленьким Тоби. Вдруг она увидела на улице каких-то двух мужчин, которые мчались в экипаже по направлению к вилле Пауэлла и широко размахивали белыми платками. Экипаж так быстро подкатил к дому, что Эмма с трудом успела разглядеть в нем своего свекра, другого же человека она не распознала.

С одного взгляда на прибывших она поняла, что те явились с каким-то чрезвычайным известием. И в самом деле, когда старый Макдуф появился на веранде, он казался преображенным. Глаза его метали молнии, на сухих губах играла чуть ли не радостная улыбка. В руках у него были какие-то листки, которыми он воодушевленно размахивал.

— Садитесь, дедушка, — проговорила Эмма, мгновенно заразившись волнением свекра и кидая взгляд на его спутника, показавшегося ей незнакомым.

— Мистер Стюарт Грей, издатель «Messenger'a», — поспешил представить его Макдуф.

Молодой, безбородый, тощий и весьма респектабельный Грей отдал церемонный поклон. Наскоро раскланявшись с ним и попросив гостей сесть, Эмма порывисто обратилась к свекру с вопросом, какие новости он привез ей.

— Предчувствую, что вы с добрыми вестями!

— Да, дитя мое, — пробормотал запыхавшийся Макдуф.

— Джордж найден?

— Да.

— Живой?!.. Боже, какое счастье!.. Тоби, твой папа жив!..

— Увы, дитя мое, ты ошиблась. Он найден, но не живой...

Страшному воплю матери, сопровождавшему эти слова, вторили резкие крики перепуганного ребенка, который кинулся к ней на шею. Молодая женщина упала на кушетку и, казалось, несколько мгновений оставалась без чувств.

— Мертвый!.. — невнятно проговорила она, открыв наконец глаза и дико оглядываясь вокруг. — Он мертв!.. Так чему же вы радуетесь?..

— Правда, Эмма, правда... то есть, лучше сказать, ты не в силах понять... Видишь ли, я тебе объясню... Конечно, смерть всех их, всех, кто был с Джорджем, и не подлежала сомнению, и вот тут, в этих бумагах, она уже окончательно подтверждается...

— Так какое же мне дело до всего остального?..

— А вот подожди, выслушай. Мистер Грей был так любезен, что телеграфировал в Буэнос-Айрес своему корреспонденту и попросил немедленно сообщить, по телеграфу же, подлинные, проверенные показания промышленников, которые нашли обломки. Вчера эта телеграмма была получена; к сожалению, в ней не было ровно ничего нового. Но вслед за тем было получено другое известие. Вот оно, Эмма, читай сама!

«Капитан Мендес Лоа, — прочитала Эмма в поданной ей бумаге, — владелец аргентинского голета "Росарио", рассказывает, что 6 числа сего мая, находясь на Грэхемовой Земле, он напал на какие-то следы, которые так его заинтересовали, что он пошел по ним и продолжал идти, пока не удалился от своего судна на значительное расстояние.

Боясь заблудиться на обратном пути ввиду наступающей ночи, он решил было уже вернуться к судну, как вдруг ему бросилась в глаза странная куча льда, которая, казалось, была нарочно кем-то сложена. Куча эта состояла из громадных, прозрачных ледяных пластин. Мендес Лоа и с ним двое его людей решили подойти к этой куче и осмотреть ее. Но едва они к ней приблизились, как оба матроса в паническом ужасе бросились прочь, затем пали на колени и начали читать молитвы. Они ни за что не соглашались подойти к ледяной гряде. Один только Лоа решился на это, вооружившись всем своим мужеством. Хотя и сам он дрожал от страха, он сделал над собой огромное усилие и заставил себя пробыть около ледяной гряды около двух минут, в течение которых ему удалось все рассмотреть.

Глазам его предстало потрясающее зрелище. Внутри огромной полости или пещеры из льда он увидел восемь или десять мертвецов. Тела располагались группами по два, по три. Одни лежали, другие стояли на коленях и словно молились. Они, очевидно, забрались сюда, чтобы спастись от холода, и все погибли голодной смертью. Одежда на них была изношена, меха вытерлись. Стоявшие на ногах показались Мендесу Лоа мраморными статуями. Он понял, что все эти люди замерзли, превратились в глыбы льда, и что трупы их оберегаются громадными ледяными монолитами, плотно сомкнутыми вокруг них со всех сторон.

Матросы умоляли капитана вернуться, и он уже собирался отойти от странной ледяной могилы; но как раз в эту минуту его глаза встретили оледенелый взгляд одного из мертвецов. Этот взгляд, полный предсмертной тоски, на миг буквально парализовал Мендеса, пригвоздил его к месту. Воображение полудикого аргентинца разгулялось; ему почудилось, что мертвец тихо шевелит своими мертвыми губами, будто говорит что-то. И вдруг он увидал, что мертвец протянул к нему руку в рукавице, точно что-то повелевая ему. «Меня словно настиг приступ холеры, — рассказывал аргентинец. — Я почувствовал ужасающую резь в животе. Мне вдруг взбрело в голову, что и я замерзну тут же, рядом с этими мертвецами». И он вместе с матросами, как сумас-

шедший, пустился бежать без оглядки к своему судну. Мендес Лоа запомнил, что он видел эту ледяную пещеру 6-го апреля и что она находится на Земле Грэхема, в той местности, где из последней выдается полуостров, называемый промышленниками “Злым Берегом” по причине часто свирепствующих там жестоких бурь. Неподалеку отсюда находятся Бискоуские острова».

— Теперь уже сомнений нет! — вскричал старый профессор, когда известие было прочитано. — Это наш Джордж и его товарищи, потому что в апреле никакой другой экспедиции в южном Ледовитом океане не было. Это наши дети! Они спаслись и достигли земли после крушения судна, но погибли от голода и страшной полярной стужи. И эта стужа сохраняет их тела целыми и невредимыми! Вот в чем вся суть, вот что теперь приводит меня в волнение, что меня занимает, подает мне надежды!.. Ты понимаешь, Эмма, все значение этого известия для нас?.. Ты помнишь, что говорил твой отец? Если, — сказал он, — будет точно указано местонахождение трупов, он примет на себя все расходы по снаряжению экспедиции для их доставки на родину. Вот оно, точное указание! Вот что меня радует!

Эмма не вполне понимала, чему тут можно было радоваться. Ей подумалось, что бедный старик просто-напросто слегка помутился рассудком от всех перенесенных им потрясений. Она несколько минут сидела молча, потом схватила в объятия своего сына, осыпала его поцелуями и, рыдая, проговорила:

— Бедное мое дитя!.. Теперь уж все, все кончено!.. Нет больше никакой надежды!

Но старый ученый сделал такой непонятный, непостижимый протестующий жест и сопровождал его такой странной улыбкой, что молодая вдова невольно бросила на него полный сострадания взгляд.

А старик все продолжал улыбаться своей странной, непостижимой, но явно радостной улыбкой. Он как будто собирался что-то сказать, но заставлял себя молчать. У него была какая-то тайна, и он почему-то сдерживался, чтобы не выдать ее...

Тем временем Пауэлл вернулся домой и прошел на веранду. Макдугф, Эмма и Тоби сразу окружили его и поспешили наперебой передать ему новость.

— Я знаю уже, все знаю! — перебил он их. — Я сейчас виделся с Пертриджем, он мне все рассказал. Я помню свое обещание. Сколько еще не хватает?

— Сто пятьдесят тысяч долларов.

— Я дам указание своему банкиру. Берите у него эту сумму, да и больше, — сколько понадобится.

Макдугф чуть не расплющил ему руки, горячо пожимая их.

— Пауэлл, — сказал он глухим, полным чувства и волнения голосом, — вы обязали меня на весь остаток моей жизни, и я хотел бы прожить как можно дольше, чтобы только иметь случай отблагодарить вас. Благодаря вам, я снова увижу своего сына. Мертвого — скажете вы! Даже и мертвого. Для меня и то великое утешение. Ну, а там... кто знает?..

И опять он замолк, не досказав чего-то.

VI

НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Все эти новости в тот же вечер были сообщены во всеобщее сведение на столбцах экстренного выпуска газеты «*Philadelphia Messenger*», а на другой день казначей географического общества Крейг получил из государственного банка извещение о том, что мистер Пауэлл открыл неограниченный кредит экспедиции профессора Макдуфа.

Через неделю весь личный состав экспедиции был уже избран. На шесть мест явилось тридцать восемь соискателей. Было из кого выбирать. Профессор набирал людей самолично, производя им тщательнейший экзамен. Командование судном экспедиции он поручил другу своего погибшего сына, лейтенанту Дугласу Кимбаллу. Само судно было старательно выбрано опытными арматорами из огромного числа американских кораблей; оно должно было, конечно, обладать свойствами и качествами, особенно пригодными для полярного плавания.

Помощником капитана был избран офицер торгового флота Джим Беннет. Врачом экспедиции Макдуф назначил своего ассистента и препаратора, доктора Манфреда Свифта.

Профессор проявил исключительную разборчивость при выборе ученых специалистов экспедиции. Он тщательно взвешивал их «научный багаж», как принято говорить, и не забыл даже лично исследовать состояние их здоровья, мотивируя эту предосторожность суровыми условиями и трудами предстоящей экспедиции. Он также предупредил их, что научные работы — это второстепенная цель экспедиции, главная же ее цель — отыскание трупов погибших; как только они будут найдены, главная задача экспедиции будет тем самым исчерпана. Однако же, ботаники, зоологи, космографы Соединенных Штатов не должны были упускать представляющийся случай исследовать области дальнего юга, а потому Макдуф очень охотно принял ученых специалистов

в личный состав экспедиции. Да и сам Макдуф, очевидно, поддался искусу научных работ, так как по указаниям профессора его ассистент устраивал на приобретенном судне такую лабораторию, которая сделала бы честь и сухопутному ученому учреждению.

Полагаем, что здесь будет кстати и уместно сказать несколько слов и о самом профессоре Макдуфе, как об ученом, поскольку до сих пор он выступал в нашем повествовании лишь как отец трагически погибшего сына. За сведениями об этом знаменитом ученом мы обратимся к «Биографическому словарю медицины и хирургии Соединенных Штатов и Канады», изданному в 1898 г. Вот что там сказано о Макдуфе:

«Знаменитый биолог, труды которого в области молекулярной деятельности клеток и структуры инертного вещества приобрели всемирную известность. Уже первые его изыскания относительно самопроизвольного зарождения у морских ежей произвели живейшее впечатление в ученом мире, так как, казалось, ими был решен вопрос о воссоздании жизни. В целом все его работы направлены были главным образом на изучение химических и физических процессов и превращений, происходящих в клетках животных тканей и на возможность вызвать эти процессы чисто опытным, искусственным путем. Так, именно в этом направлении им были произведены изыскания над оживотворением желатина под влиянием электрического тока, затем над искусственным образованием клеток под действием химического осмоса. Вообще же вся первая половина его ученой карьеры резюмируется в его обширном и капитальном труде: *«Курс сравнительной биологии клетки у человека и животных»*.

Впоследствии профессор Макдуф устремил свои исследования почти исключительно на восстановление животных тканей, и его открытия в этой области были так же важны и приобрели такую же славу, как и его прежние работы. В своем труде *о переливании крови* он пролил свет на зарождение и созидание красных кровяных шариков и подал надежду на возможность исцеления многих болезней путем

замены части крови у человека кровью человекоподобных обезьян.

И в области хирургии его труды были не менее, если не более значительны и важны. Он первым отважился на *опыты заживления сердца путем наложения швов на его разрывы* и таким образом ввел сердце, к которому хирурги не осмеливались подступиться со своими инструментами, в число органов тела, не совсем недоступных применению хирургических методов.

Что касается, наконец, последних работ Макдуфа касательно *пересадки артерий и переноса органов из одного организма в другой*, то ими он открыл в медицине такие области и горизонты, о которых до него никто не отваживался и мечтать».

Никого не удивляло, что знаменитый ученый с таким рвением и в таком широком масштабе устраивал свою походную лабораторию. На протяжении всей его долгой жизни наука была господствующей страстью Макдуфа. Что же удивительного в том, что он предвидел во время своего рискованного странствования долгие часы невольного досуга, которые не желал терять даром?

В астрономы экспедиции Макдуф избрал молодого Уильяма Паттена, сына директора филадельфийской обсерватории. Зоологические работы экспедиции он вверил такому же юному ученому, Джемсу Гардинеру. Сначала Макдуф колебался принять Гардинера: это был хилый, хворый молодой человек; но он сам усиленно напрашивался, да вдобавок за него просил президент географического общества, Перттридж.

Ботаником экспедиции был назначен Джустус Квоньям. Это был один из самых блестящих выпускников пенсильванского училища естествоведения, — богатырь 28 лет, страстный спортсмен, дышавший силой и здоровьем. Бедняга потерпел какую-то тяжкую любовную неудачу, не знал, куда деваться от тоски, и был рад-радехонек уплыть за тридевять земель от тиранки и мучительницы его сердца.

— Поедьте с нами, — сказал ему Макдуф, хорошо знавший его самого и всю его семью. — Путешествие наверняка

будет для вас целительно, — добавил он, намекая на сердечные горести молодого ученого. — Притом, вы говорите по-испански, а для нас это очень важно, потому что я хочу захватить с собой из Буэнос-Айреса тюленелова, который видел ледяную могилу моего сына: он поможет нам отыскать ее. А среди нас никто другой испанским не владеет.

Едва Макдуф покончил с выбором персонала своей экспедиции, как пришло письмо от одного арматора и судовладельца из Балтимора, состоявшего в числе членов Филадельфийского географического общества. Он предлагал приобрести у него за 50.000 долларов судно, казалось, нарочно сооруженное и приспособленное для предстоявшей экспедиции.

Через четыре дня судно было приобретено и деньги уплачены.

Было решено тронуться в путь не позже 1 августа, чтобы успеть в южное полушарие к тамошней весне и всю экспедицию закончить летом. Тем временем еще надо было приобретенное судно приспособить к новому назначению, снабдить инструментами, провизией. А между тем, начался уже июнь. Лихорадка спешных сборов мало-помалу заразила всех участников экспедиции. 30-го июня судно уже стояло в Филадельфии у набережной Рошамбо и экипаж его был весь набран. Он состоял из опытных моряков, людей сильных, обладавших железным здоровьем. Старый Макдуф самолично исследовал, выслушал и выстукал каждого из них.

5 июля на корме судна было начертано его новое имя: *«Эмма Пауэлл. Филадельфия»*.

Старый Макдуф проявлял деятельную неутомимость, поразительную для его преклонных лет. Он все осматривал, все проверял, во все вникал сам и то и дело указывал на разные мелкие ошибки, упущения и недосмотры, требуя их немедленного исправления. Особенным его вниманием пользовалась биологическая лаборатория судна, и это всем бросалось в глаза, особенно же Эмме, которая все время почти безотлучно находилась при нем. Ее даже несколько удивляло это, по-видимому, ничем не оправдываемое рвение к благоустройству той составляющей экспедиции, кото-

рая, по словам самого же старого профессора, стояла на втором плане. Разве основной задачей экспедиции не было обнаружение трупов Джорджа и его спутников и доставка их из ледяной могилы на кладбище родины? Какое же место в этой задаче отводилось биологической лаборатории, приспособленной ко всем требованиям современных научных методов, богато, изобильно и заботливо снабженной всем необходимым?.. Очевидно, у старого профессора заговорила исследовательская жилка, и, располагая средствами, он тешил свое старое сердце ученого. Ему хотелось и в дороге чувствовать себя, как в собственном университетском рабочем кабинете. Посреди его судовой лаборатории возвышались даже неведомо зачем два операционных стола!..

Старый Пауэлл тоже очень интересовался ходом приготовлений к экспедиции и все расспрашивал о них дочь, так так сам очень редко находил свободное время, чтобы посетить судно. Но однажды, уже в конце июля, когда почти все приготовления закончились, он нашел время побывать на корабле. Здесь ему пришлось стать свидетелем странной и тяжелой сцены.

Дело в том, что жена Макдуфа, старушка, была совсем больным, едва живым существом, разбитым параличом. Отправляясь в экспедицию, Макдуф задумал показать и ей свой корабль. Старушку доставили на набережную и пронесли по всему судну. Она была рада и увидеть голубое небо, и подышать чистым воздухом, и повидаться с невесткой, с внуком. Но, когда ее принесли на судно, никого из них там не было. Спустили ее и в лабораторию, и здесь профессор остался с ней на несколько минут с глазу на глаз и о чем-то заговорил с ней очень тихим голосом; остальные, из деликатности, остались за порогом лаборатории. Однако вскоре они услышали доносившиеся оттуда глухие рыдания и стоны и после утешающий голос старого профессора, который как будто все повторял одно и то же слово. Затем все уже ясно расслышали обычные слова утешения:

— Полно, полно, не плачь!.. Подожди, ты сама увидишь!.. Сама убедишься! Успокойся, верь мне! Верь в мою счастливую звезду! А главное, не плачь так громко. Нехорошо. Ведь

тебя услышат там, наверху!..

Скоро старушку вынесли из лаборатории, и тут только она увидела невестку, внука и Пауэлла. Профессор никого не предупредил о том, что собирался показать корабль своей жене, и все об этом жалели.

— Ничего, ничего, — отвечала старушка очень смущенным голосом, выслушивая эти сожаления. — Он захлопотался, забыл. Просто забыл, и больше ничего...

VII

К ЮГУ!

В течение последних дней июля на судно погрузили сотню тонн продовольственных припасов, двести тонн угля, шесть тонн керосина, якоря и пилы для льда, несколько саней, две дюжины эскимосских собак для передвижения по льду и, наконец, целое стадо кроликов, кур и морских свинок для ученых экспериментов профессора Макдуфа.

Несколько тысяч любопытствующих посетили судно и остались от него в полном восторге. Редко кому из них удавалось видеть Макдуфа, который все носился теперь по городу, отдавая последние распоряжения. И все его сотрудники также не знали отдыха, заканчивая каждый оборудование и устройство вверенной ему части хозяйства экспедиции.

31 июля, в полдень, Макдуф посетил Пауэлла и известил его, что все готово и что отъезд назначен на следующий день.

— Хорошо, — сказал король земледельческих машин. — В котором часу отплытие?

— Ровно в полдень.

— Приедем.

Под этим лаконичным множественным числом укрывался целый заговор.

Эмма Макдуф боялась, что вся измучится, если станет томиться в Филадельфии в ожидании вестей. Она хотела быть как можно ближе к месту работ экспедиции и потому решила на все это время поселиться в Буэнос-Айресе. Сперва она просилась было непосредственно присоединиться к экспедиции. Но Макдуф отказал ей наотрез, и к тому же она знала, что и отец на это не согласится. Пришлось пойти на компромисс: перебраться в Буэнос-Айрес и там ждать окончания экспедиции. Против этого Пауэлл не возражал.

Он отправлялся в Аргентину на собственной яхте «Линкольн». Там, в Буэнос-Айресе, он намеревался снять для до-

чери и внука роскошное помещение в «Paris-Palace», где останавливаются богатые путешественники и купцы.

Остаться же в Филадельфии Эмма решительно отказалась. Она жаловалась, что ее каждую ночь тревожат тяжкие кошмары. Она видела своего мужа, видела, как он жестами призывал ее к себе, слышала его голос. Всего ужаснее было то, что он представлялся ей *живым*, среди груд полярного льда, в окружении замерзших людей, которых видел аргентинский тюленелов. Джордж, живой, брел среди этих «мраморных статуй», как выразился о них аргентинец, и повторял: «Эмма, где же ты?..»

Эмма рассказывала об этих кошмарах профессору Макдуфу. Тот выслушивал ее внимательно и улыбался своей удивительной, загадочной улыбкой, что озаряла старческое, сухое, напоминавшее о хищной птице лицо профессора всякий раз, когда речь заходила о его погибшем сыне. И в этой улыбке была какая-то тайна, которую он хранил, на пороге которой он всегда останавливался, не позволяя никому в нее проникнуть.

— Странное совпадение, — сказал он однажды, когда Эмма поведала ему об одном из своих обычных кошмаров. — Странное совпадение. Я ведь тоже вижу своего сына, но вижу не во сне, а наяву, явственно вижу весь день, каждый день... Ох, как я мучаюсь и терзаюсь, и как бы мне хотелось быть на несколько месяцев старше!..

— Зачем же это? — спросила Эмма, решительно не постигавшая такого странного желания. — Вы сами себе противоречите, дедушка. Вы, должно быть, верите, как и я, что Джордж жив, что тот промышленник ошибся, что он испугался живых, приняв их за мертвых, и в страхе убежал от них?..

— О, нет, увы, дитя мое! Я не тешу себя тщетными мечтами. Нет, наши мертвецы — настоящие мертвецы. Это ты все цепляешься за напрасные надежды, а я — нет!.. Но кто знает?..

Опять это загадочное «кто знает»? Эмма много раз пыталась выяснить, что профессор хотел сказать этими словами. Но он упорно молчал и только каждый раз с новым жа-

ром обнимал ее и тяжело вздыхал.

Пауэлл, конечно, не мог оставаться в Буэнос-Айресе все это время, пока должна была длиться экспедиция, и намеревался совершить несколько поездок домой, где обширные предприятия требовали его пристального внимания.

Это решение Пауэлл с дочерью скрывали от профессора до самого дня отъезда.

«Линкольн» готовили к плаванию, но, когда капитана спрашивали, куда направляется яхта, он отвечал, что Пауэлл с дочерью собираются проводить «Эмму Пауэлл» и распространиться с экспедицией в море.

Лишь 1-го августа, в самый день отплытия, Пауэлл объявил доктору Макдуфу о своем решении. Старик с жаром поблагодарил его, обнял сноху. Потом схватил на руки внука, поцеловал его и прошептал ему на ухо несколько слов. Их никто не слышал, кроме ребенка, но мальчик ровно ничего не понял и вскоре забыл сказанное профессором.

На прощание президент географического общества Пертридж произнес прочувствованную речь.

— Наши дети, братья погибли, — сказал в ответ Макдуф, — это факт, который мы должны принять *a priori*. Нам остается теперь только найти ту точку на земном шаре, где покоятся их останки, подобрать их тела и перевезти их на родину. Мы не пощадим трудов, чтобы доставить своим согражданам это последнее утешение. Не спешите пока рыть для них могилы. Быть может, наше предприятие потерпит неудачу; быть может, и мы погибнем, не успев доставить дорогие останки в эти могилы. Тогда помяните нас добрым словом; скажите себе, что мы, прежде чем погибнуть, сделали все возможное, чтобы выполнить нашу задачу!

Все собравшиеся к отплытию судна прошли вереницей мимо старца-профессора и все сердечно пожали ему руку.

Вслед за тем «Эмма Пауэлл» снялась с якоря и вышла в море. «Линкольн» последовал за ней.

VIII

«КТО ЗНАЕТ?»

Плавание до Буэнос-Айреса продолжалось двадцать пять дней. «Линкольн» шел впереди, но делал всего по 8 узлов в час, поскольку «Эмма Пауэлл» не могла идти быстрее. Это было парусное судно, у которого паровой двигатель служил лишь подсобным средством.

По утрам и по вечерам оба судна сходились, и тогда офицеры обменивались сигналами, а Пауэлл, его дочь и профессор Макдуф — приветствиями.

Макдуф пожелал свести личное знакомство со всеми своими людьми, и все они один за другим были им вызваны и выдержаны на продолжительной аудиенции, во время которой старый профессор подверг их самому обстоятельному опросу и экзамену. Первым он вызвал к себе механика Торна, по происхождению немца, родом из Канады. Торн был поражен необычайной методичностью, точностью, существенностью всех его вопросов. Это был настоящий экзамен, словно бы механик предстал не перед хирургом, а перед комиссией профессоров какой-нибудь политехнической академии.

Механик был крайне удивлен глубиной и основательностью познаний профессора в специальности, казавшейся совершенно ему чуждой. Это же чувство глубокого изумления испытывали потом все, кого Макдуф призывал после Торна — боцман Давид Скотт, повар Смит, плотник Черч, стюард Думбартон, кочегары Адамс и Гунтер и, наконец, юнга Вилли Сполдинг.

У одного из этих людей, Черча, был брат, плававший на «Прокторе» и погибший вместе с прочим экипажем. Макдуф это знал и был доволен тем, что на судне, кроме его самого, имелся еще человек, который мог узнать в ледяной могиле одного из погибших, своего брата. Это могло устранить известную долю сомнений в том, действительно ли виденные аргентинцем тела были трупами экипажа «Прок-

тора». Макдуф говорил об этом как-то странно, неясно; упомянул он также о чувстве, с каким Черч увидит своего брата.

Матрос не понял его слов. Ему показалось, что доктор говорил о его брате словно не как о мертвом, а о больном, которого можно вылечить!

— Но ведь они все мертвы, — решился он ответить Макдуфу, — и, значит, болезнь их такова, что вы им помочь будете не в состоянии.

— Ну, *кто знает?*.. — вырвалась у Макдуфа его изумительная фраза, над которой матрос крепко, но бесплодно призадумался.

Вообще говоря, рядовые члены экипажа судна были и очарованы старым профессором, и одновременно будто страшились его; он казался им каким-то почти сверхъестественным существом.

Капитан судна, его помощник и ученые, конечно, знали Макдуфа ближе и относились к нему не с суеверным страхом, а со всем уважением, какое он заслуживал как знаменитый ученый и убитый горем отец. Все они, во главе с Макдуфом, ежедневно сходились за столом. Против доктора сидел капитан Кимбалл или его помощник Беннет, а между ними ассистент Макдуфа и судовой врач Макфред Свифт, астроном Паттен, зоолог Гардинер и ботаник Квоньям.

Молодой ботаник, терзаемый своими сердечными кручинами, был все еще подавлен и уныл. Все замечали, что Макдуф относился к бедному молодому богатырю с особой сердечностью, и никого это, конечно, не удивляло. Знали, что профессор был старым другом его семьи, что он всегда принимал участие в судьбе Квоньяма, знали, наконец, и причины кислого настроения молодого ботаника. Макдуф, значит, интересовался им и как близким человеком, и как больным. Он даже начал лечить его, опасаясь, чтобы этим атлетическим организмом не овладела неврастения, возможная при таком состоянии духа. Он заставлял Квоньяма принимать какое-то питье, силясь успокоить его расшатанные нервы.

Первое время за столом было тихо и даже скучно. Макдуф сидел молчаливый, задумчивый, а другие тоже не решались пускаться в легкую и приятную беседу, щадя горе престарелого отца. Профессор вскоре это заметил и постарался оживить застольный кружок, что ему и удалось. Мало-помалу сотрапезники разговорились.

Но старого профессора явно снедало нетерпение. В самом деле, судно шло медленно, цель была еще далека, и корабль подвигался к ней черепашьям шагом. Он горько жаловался капитану Кимбаллу.

— Полноте, доктор, — урезонивал его капитан. — Вспомните, что мы окажемся на месте как раз в самое благоприятное время. Ведь сейчас август, следовательно, там, на дальнем юге, лютая зима. Допустим, что мы отплывем из Буэнос-Айреса в сентябре. Здесь начнется тогда осень, а ведь там наступит начало весны. Предположим, что поиски того места, где Мендес Лоа видел трупы, отнимут у нас месяц, полтора, даже два. Как вы можете заметить, я нарочно называю длинные сроки, учитывая всяческие неудачи и препятствия. Значит, мы прибудем на место в ноябре, то есть летом, в самое подходящее время для плавания по полярному морю. Скажем, несколько недель у нас затем уйдет на выемку замерзших тел, их перевозку и доставку на судно. Следовательно, в обратный путь мы тронемся летом же и успеем выбраться из полярных льдов заблаговременно, к началу осени. Все наше плавание состоится в самое удачное время года.

Рассуждения молодого капитана были совершенно основательны и успокаивали нетерпение старика Макдуфа.

Однажды вечером их беседа, как это случается между образованными людьми, коснулась разных философских вопросов из области общего мировоззрения. Старый профессор был суровым и решительным сторонником материализма, моряк же был пантеистом. И вот, в то время как все кругом на судне успокоилось и наступила прелестная и тихая тропическая ночь, они стали горячо обмениваться своими взглядами относительно происхождения мира и жизни в нем.

Профессор энергично отстаивал воззрения Геккеля и Бюхнера, а капитан Кимбалл противопоставлял им идеи великих мыслителей и поэтов, Клода Бернара и Виктора Гюго. Макдуф выставял в качестве доводов все новейшие научные открытия, ссылаясь в том числе и на собственные работы. Он уже брал верх над своим молодым собеседником, когда тот, что называется, прижатый к стене, выдвинул последний и решительный аргумент.

— Ну хорошо, — сказал он, поднимая голову к небу, усеянному яркими звездами тропического пояса, — допустим, что истина на стороне материализма. Я готов принять монеру*, из которой зародилась вся вселенная, хотя мне и трудно вполне это понять и усвоить. И все же ваша наука ни сегодня, ни завтра, ни через тысячу лет, да и вообще никогда не создаст жизни! Тут тайна, тут граница человеческого ума, знания, творчества, через которую человеку не дано переступить.

Возражать на это, казалось, было нечего. Но вдруг старый ученый положил свою сухую руку на плечо капитана и, глядя на него с каким-то горделивым сожалением, снова произнес свою загадочную фразу:

— Кто знает?..

Он словно хотел еще что-то прибавить, что-то пояснить, но сдержался, как и раньше всегда сдерживался при этих необъяснимых словах. Быстро попрощавшись с капитаном, профессор ушел к себе.

* Монера — у немецкого естествоиспытателя и философа Э. Ф. Геккеля (1834-1919) простейший одноклеточный организм без ядра (*Прим. ред.*).

IX

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Прошло не больше трех дней с начала путешествия, как на «Эмме Пауэлл» установился твердый и неизменный порядок. Каждый из участников экспедиции вполне освоился с кругом своих обязанностей. Офицеры и матросы управляли ходом судна с машинной аккуратностью. Молодые ученые упражнялись в разных мелких работах и наблюдениях, чтобы привыкнуть к ним и вести их с такой же машинной точностью. Паттен созерцал звезды, Гардинер ловил рыб и тех мелких тварей, что ходят целыми массами в воде океана и составляют так называемый «планктон», служащий обычным пастбищем для китов, кашалотов и других крупных обитателей водной стихии.

У бедного ботаника все резче проявлялись признаки неврастении, которой так опасался доктор Макдуф. Старик ухаживал за ним, как за родным сыном, и собственноручно делал ему какие-то успокоительные впрыскивания. Джу-стус Квоньям целыми днями меланхолически перебирал сухие стебли захваченного им с собой гербария. После обеда он, впрочем, охотно усаживался на юте под плотным тен-том и курил в обществе своих ученых коллег.

Всякое другое судно, путешествующее в тех условиях, в каких находилась «Эмма Пауэлл», прошло бы через всю экваториальную полосу на парусах, сберегая свой уголь и пользуясь пассатами. Но такое плавание потребовало бы, вместо 25 дней, не менее 33 дней для перехода в 5760 миль, отделяющих Филадельфию от Буэнос-Айреса. Макдуф на это ни за что бы на свете не согласился, и потому судно шло все время на парах.

Пока оно делает свои восемь узлов в час, медленно, спокойно и уверенно подвигаясь к югу, воспользуемся свободным временем, чтобы познакомиться с последним, очень интересным членом экспедиции Макдуфа, о котором мы раньше только упоминали, а именно с его ассистентом Ман-

фредом Свифтом. Каждый день старый профессор уединялся с ним на несколько часов в своей лаборатории и проводил время в работах и беседах, подробности которых никому другому на борту не были известны.

Широкая публика и даже ученый мир почти не знали Манфреда Свифта; только в кругах американских врачей и физиологов он был хорошо известен, да и то лишь, как искусный помощник и сотрудник Макдуфа, его правая рука в лабораторных работах. На самом же деле Свифт был гораздо ближе к Макдуфу; он был не только его, так сказать, чернорабочим пособником, но и поверенным, перед которым старый ученый раскрывал все свои научные планы, замыслы и мечтания.

Свифт был уже не молод: ему было сорок лет. Это был человек крупного роста, худой, костлявый, безбородый, с ясными, острыми и резкими зелеными глазами.

В сущности, он был ближайшим и почти равноправным участником научной славы Макдуфа, но, но своей скромности, всю свою долю этой славы спокойно и простосердечно отдавал Макдуфу. Он был нечестолюбив и полон признательности к знаменитому ученому, удостоившему его безграничного доверия; науке же был предан до фанатизма. В области хирургии он был настоящим учеником Макдуфа, смелым, отважным, готовым на самый дерзкий опыт и уверенным заранее в его успехе, если только за него брался или одобрял Макдуф. Он был всей душой предан Макдуфу, и, не желая расставаться с ним, отказывался несколько раз от самых лестных и выгодных предложений, от профессорских кафедр, даже от женитьбы!

Само собой разумеется, что, как только Макдуф собрался в экспедицию, вопрос о выборе ассистента не мог даже и подниматься; очевидно, с ним должен был отправиться не кто иной, как Манфред Свифт. Вдобавок, как уже сказано, лаборатория на «Эмме Пауэлл» была так богато обустроена, что оба могли спокойно продолжать в ней свои текущие работы, начатые в университетской лаборатории. К чему было их прерывать?

Надо заметить, что как раз в эти годы прошумели на

весь научный мир смело задуманные опыты Алексиса Карреля, француза родом, переселившегося в Америку и там продолжавшего свою блестящую ученую карьеру. Каррелю первым удалось произвести очень удачные опыты пересадки и прививки органов от одного животного другому. Опыты эти, само собой разумеется, производились над живыми животными, то есть прививка органа делалась живому, но соответствующий орган брался и от живого, и от мертвого животного, конечно, только что умершего. Так, например, он брал почку молодой собаки, вырезал ее, и, вырезав такую же почку у другой, старой собаки, прививал ей почку молодого животного; и эта почка приживалась, старая собака выздоравливала и жила с новой почкой. Нечего и говорить о том, до какой степени эти опыты заинтересовали ученых, а особенно доктора Макдуфа, вся жизнь которого была посвящена — как мы видели из его краткого биографического очерка — именно этим темным, неисследованным еще вопросам внутренней жизни тканей и клеток. Ободренный успехом первого опыта, Каррель решил произвести пересадку обеих почек, взяв их от кошки и привив другой кошке; и на этот раз пересаженные почки вполне прижились, и оперированное животное благополучно прожило два месяца; потом оно погибло, но, как это было тщательно установлено, совсем по другим причинам. Макдуф, конечно, знал об этих опытах и давал о них подробный отчет в своих лекциях. Слушатели его не могли не заметить, что старый профессор говорил об этих счастливых попытках ученого собрата не без горечи. Его, видимо, терзала зависть. Она была понятна: кто-то вторгся в его область и опередил его; Макдуф со всем своим блестящим прошлым как бы отодвинулся на второй план, должен был посторониться, дать дорогу другому...

Макдуф с жаром принялся и сам за те же опыты, и скоро ему удалось взять верх над счастливым соперником. Он осуществил пересадку не почки, органа второстепенного, — а печени, органа несравненно более крупного и важного. Затем он пошел еще дальше; ему хорошо удалась пересадка легкого от только что умершей обезьяны другой обезья-

не, страдавшей легочной болезнью*. Но в самый разгар этих работ они были внезапно прерваны роковой телеграммой из Буэнос-Айреса.

Теперь, пользуясь своим невольным дорожным досугом, доктор и его неизменный ассистент снова взялись за временно прерванные опыты. Они начали с того, что умертвили собаку.

Когда эта первая жертва науки была принесена, они взяли другую, живую собаку, и, по всем правилам искусства висекции, распялили ее рядом с первой на операционном столе. Несчастная жертва ученого застенка была так пронзительно, что встревожила весь экипаж. Но Кимбалл поспешил успокоить людей: это, дескать, такая музыка, которая тут, у нас, будет постоянно раздаваться, и надо к ней приучать ухо. Впрочем, бедное животное вскоре было оглушено какими-то врачебными зельями и замолкло.

К сожалению, опыт пришлось прервать из-за налетевшего крепкого ветра. В этот день за обедом сидели только Макдуф, его ассистент и капитан. Помощник капитана стоял на вахте, а молодые ученые валялись по своим койкам, измученные морской болезнью.

За столом Макдуф, быть может, припомнив отчаянный вой жертвы своего эксперимента и подумав о впечатлении, какое он мог произвести на экипаж, счел нелишним заговорить об удивительных работах Карреля, а затем упомянул и о своих опытах.

— Вот видите ли, капитан, — обратился он к Кимбаллу, вспоминая их вчерашнюю ночную беседу, — мы пока еще

* Летом прошедшего года парижский профессор Дуайен, один из знаменитейших и отважнейших хирургов нашего времени, произвел, и вполне удачно, операцию, имеющую гораздо более важное значение, потому что он имел своим пациентом человека, а не собаку и не обезьяну. Он вырезал у больного, страдавшего неизлечимым пороком подколенной вены, весь пораженный участок этого сосуда и заменил его отрезком вены, взятым от живого барана. Операция вполне удалась, и больной через три недели окончательно оправился.

не создаем жизнь наново, но все же научились уже переносить ее, перемещать из одного организма в другой. Вот, например, сегодня мы намереваемся пересадить здоровое легкое, взятое от умерщвленной собаки, другой, живой собаке. Нам сейчас помешала качка, но можно отложить опыт на некоторое время, потому что вырезанный орган не утратит своей жизнеспособности; мы его подвергли такой обработке, после которой он может храниться без изменения. Но все это пока лишь первые, пробные опыты, в которых нет ничего разительного — в сущности, они служат лишь повторением и некоторым развитием опытов Карреля; мы берем только более важный орган, чем те, с какими работал Каррель. Через несколько дней, я рассчитываю показывать вам опыты пересадки гораздо более важных органов. Вы увидите сами... Пройдет еще несколько лет, и в любой благоустроенной биологической лаборатории студенты будут иметь под руками, в качестве учебных пособий, рядом с обычными инструментами и препаратами, также и «обменные» ткани и органы, то есть фрагменты артерий, вен, связок, внутренних органов, даже целые части тела. Это будут «консервы», заготовленные на случай хирургической надобности; сломал себе пациент руку, ногу, расстроились у него почки, печень, легкое, — все это можно будет удалить и заменить новой, исправной частью, как теперь заменяют колесико или пружинку в часах. Да, наши преемники...

Старик вдруг смолк. Это был один из тех моментов молчания, которыми он останавливал полет своей затаенной мечты, давно уже отмеченной всеми, кто общался с ним в последнее время.

Замолк старый руководитель экспедиции, молчали и остальные собеседники. Друг и помощник профессора Манфред Свифт мечтательно смотрел вверх, словно уносясь в ученых грезах вслед за своим учителем.

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

26 августа, выдержав несколько дней плавания среди палящего тропического зноя, оба судна вошли в устье Ла-Платы.

На набережной уже стояла группа людей, ожидавшая экспедицию. Тут был уполномоченный Соединенных Штатов Стоун, генеральный консул Корбетт, корреспондент филадельфийского «*Messenger'a*» Олдхазбанд и множество янки-коммерсантов.

После обычных церемоний и приветствий Пауэлл и Макдуф отправились в «*Paris-Palace*». Король земледельческих машин снял там на полгода целый этаж.

Макдуф был теперь занят только одной мыслью: неотложно повидаться и переговорить с бесценным свидетелем и очевидцем, самолично видевшим погибшую экспедицию сына в ее ледяной могиле. Но прежде ему еще нужно было подавить на время свое нетерпение и принять несколько официальных визитов. Первым явился председатель аргентинского географического общества Хосе Робледо. Он поднес доктору Макдуфу карту последних открытий в южном полярном море, сделанных экспедицией Шеклтона. Робледо проявил себя человеком деликатным и полным такта: он не стал утомлять знаменитого хирурга длинной приветственной речью, а произнес лишь коротенький спич, предоставляя себя и свое общество в полное распоряжение доктора Макдуфа и его семейства.

Макдуф ответил ему таким же кратким словом. Все были поражены, услышав в его ответе какой-то удивительно странный проблеск надежды на то, что жертвы, заточенные в «ледяной могиле», быть может, еще не мертвы... Это было, в самом деле, нечто необъяснимое, и Робледо успокоился на том, что удрученный горем старец, должно быть, немного заговаривался. А Эмма при этих туманных намеках снова предалась женским грезам: быть может, ее Джордж как-

нибудь уцелел и она увидит его живым, а старый Макдуф нарочно притворяется, будто уверен в гибели сына, в действительности же, как и она, все еще питает надежду, что найдет его живым.

Вслед за Робледо явился представитель правительства Аргентинской республики. Это был командир канонерки «Азуль», лейтенант Пепито Уррубу, — статный молодой человек, очень красивый и хорошо воспитанный. Он заявил, что правительство предписало ему оставаться в распоряжении профессора Макдуфа все то время, пока экспедиция будет находиться в южном полушарии. Канонерка «Азуль» должна будет встретить «Эмму Пауэлл» в конце лета около Огненной Земли, а в случае, если ее там не окажется и возникнет подозрение, что с экспедицией случилось какое-нибудь несчастье, «Азуль» немедленно отправится на поиски «Эммы Пауэлл» или ее экипажа, чтобы подать им помощь.

Макдуф горячо поблагодарил правительство в лице его изящного представителя и выразил надежду, что «Эмма Пауэлл» не будет нуждаться в помощи «Азуля».

Затем Уррубу, деликатно угадывая нетерпение Макдуфа, предложил немедленно свезти его к капитану Мендесу Лоа, с которым был хорошо знаком, поскольку раньше служил с ним на одном судне. Макдуф с радостью ухватился за это любезное предложение. Отправились тотчас же, захватив с собой и корреспондента Олдхазбанда, который мог стенографировать весь разговор с тюленепромышленником.

Мендес Лоа жил в собственном домике, в пригороде Буэнос-Айреса, носящем имя «Ракушек» (Las Conchas). По дороге лейтенант Уррубу много рассказывал о Мендесе Лоа, стараясь уверить Макдуфа в том, что на этого человека, с виду грубого и неуклюжего, можно вполне положиться; он не станет и не способен сочинять и вводить в заблуждение, и если утверждает, что видел страшную ледяную могилу с ее трупами, то можно не сомневаться, что она ему не почудилась и что он ее в самом деле видел.

Мендес Лоа встретил гостей на пороге своего чистенького домика, и, мигом догадавшись, кто и зачем к нему пожаловал, пригласил их в дом.

Макдуф схватил и крепко сжал обе руки старого моряка. Перед ним стоял единственный человек, который видел его погибшего сына в ледяной могиле!.. Моряк, казалось, был тронут, но и смущен этим горячим приветствием незнакомого человека. Доктор немедленно рассеял его смущение, приступив, при посредничестве Уррубу, к переговорам с ним, которые корреспондент Олдхазбанд тут же и записывал слово в слово опытной рукой стенографа.

— Вы Мендес Лоа? Вы видели моего сына и его спутников, заключенных в ледяную могилу?

— Да, сеньор. Говоря точнее, я видел заключенные во льду трупы белых людей в меховых одеждах. Ничего другого я не могу сказать, потому что лица их были мне неизвестны.

— Конечно, конечно... Но вы видели их лица?

— Я видел лица троих из них.

— Троих? И вы хорошо рассмотрели лица этих троих?

— Да, я их рассмотрел так же хорошо, как сейчас вижу вас.

— И могли бы их узнать?

— О, сеньор, — проговорил моряк с жестом ужаса, — кто раз видел подобную вещь, тот ее никогда до смерти не забудет.

— Тот, кто был на ногах, стоял посреди других и смотрел на вас...

— О, помню, помню!.. Я прямо вижу его и помню этот взгляд.

— Можно ли было по каким-нибудь приметам узнать в нем начальника остальных?

— Нет, но само его положение среди остальных было такое, как будто он отдавал приказание или давал совет в ту самую минуту, когда все они замерзли.

— Он высокого роста?

— Не очень.

— Похож на меня?

— Как только вы вошли, сеньор, мне показалось, что в вашем взгляде есть что-то схожее с его взглядом.

— А нос? Нос у него такой же, как у меня?

— Право, не сумею вам сказать. Бороду я запомнил; она была такая же длинная, как у вас, и почти такая же белая; но ведь там все было белое от снега, инея и изморози. А насчет носа... не помню...

— Но глаза мои напоминают вам его глаза?

— О, да!.. — ответил аргентинец, которому становилось как-то жутко от этого допроса.

Между тем, доктор Макдуф порывисто достал из кармана несколько фотографических карточек.

— Вот три портрета, — сказал он. — Один из них — портрет моего сына, и притом очень схожий. Это он?

Тюленелов взял карточку, всмотрелся в нее и, отдавая назад, сказал:

— Нет, это не тот.

— Может быть, вот этот? — продолжал доктор, подавая ему другую карточку.

— Нет, и не этот.

Оставалась еще одна карточка. Доктор дрожащей рукой протянул ее Мендезу Лоа.

— Ну, а эта?.. — спросил он.

— Пресвятая Дева! — воскликнул моряк, весь встреपешившись. — Это он! Ей-Богу, это он!..

Лоа со страхом переводил глаза от карточки на лицо доктора и вновь на карточку.

— Он, он, он!.. — вновь вскричал он с трепетом, вызванным воспоминанием о ужасном замогильном видении.

Доктор весь сиял и почти машинально, не сознавая этого, крепко пожимал руки Манфреда Свифта, Уррубу и Стоуна.

— О, господа! — восклицал злополучный отец. — Теперь я ведь впервые окончательно и бесповоротно убедился в том, что мой сын погиб и что этот человек видел его замерзший труп!

Волнение почтенного старца было понятно всем присутствовавшим. Но их удивлял и почти пугал тот непостижимый факт, что профессор принимал это «окончательное и бесповоротное» подтверждение гибели сына чуть ли не с радостью.

— Итак, — продолжал доктор свой допрос, — теперь мы можем быть вполне уверены в том, что замерзшие тела, которые вы видели в той ледяной могиле, — это тела людей с погибшего «Проктора».

— Мне самому думается теперь, что это так; ничего иного и подумать нельзя, — ответил Мендес Лоа.

— А сейчас, будьте добры, расскажите мне еще кое-какие подробности, имеющие для нас огромнейшую важность.

— Но мне кажется, — возразил моряк, — что я уже сообщил вот этому господину, Олдхазбанду, все, что знал и мог сказать.

— Это мне известно, и весь ваш рассказ я давно уже выучил наизусть. Но нам нужно, необходимо узнать еще кое-что. И прежде всего, географическое положение места, где вы натолкнулись на эти трупы.

Аргентинец явно затруднялся с ответом.

— Право, не сумею вам в точности указать...

— Да и не надо. Дайте хоть приблизительное указание.

— Ну, коли так, могу вам сказать, что это будет, примерно, 65.5° или 65.6° южной широты и 64° западной долготы. Всего вероятнее, что так... Но я не говорю наверняка. Видите ли, мы тогда заплутали и попали в такие места, куда наш брат-промышленник обычно не заходит, потому что делать там нечего, да и опасно...

— Хорошо, — продолжал Макдуф. — Теперь скажите, когда это было, в какой день?

— 6 апреля. Тогда уже начиналась жестокая стужа, все дни градусник показывал 15° ниже нуля. Вот мы втроем, чтобы немного поразмяться, и сошли на берег поохотиться на птиц. Зима была самая лютая, даже редкостная по лютости. Вы можете быть спокойны: все тела сохранились, как живые, при таком морозе.

— А помните ли вы местность, где выходили на берег? Какие там имеются приметы?

— Как же, помню. Если стать лицом к морю, то влево будут две круглые высокие скалы, а вправо, в отдалении, цепь высоких гор, конечно, вся белая от снега, как и все вокруг.

— И тотчас после того вы двинулись домой, на север?

— И вовремя! Нельзя было терять ни единого дня, иначе нас затерло бы во льдах. И то насилу выбрались.

Профессор вперил в аргентинца свои ястребиные глаза.

— Скажите, мой друг, вы своим промыслом зарабатываете в год, как говорил мне лейтенант Уррубу, в среднем сотен пять аргентинов?*

— Точно так, сеньор.

— Я хочу сделать вам предложение. Поезжайте с нами, на нашем судне, на Землю Грэхема. Вы послужите нам проводником. Вам, конечно, придется в этом году не выходить на промысел, и значит, потерять свой ежегодный заработок. Но я вам с избытком возмещу эту потерю. Я еще до отъезда выплачу вам три тысячи аргентинов, то есть средний доход за шесть ваших промысловых походов. Вы согласны?

К великому изумлению всех присутствовавших, Мендес Лоа надулся и насупился, словно упрямый ребенок, и угрюмо отвечал:

— Нет, не хочу... не согласен!

Изумленные и раздосадованные посетители начали его уламывать, но он уперся, как баран. Все усилия, все уговоры остались тщетными.

Тогда доктор Макдуф, не терявший надежды поладить с упрямым, обратился к нему с убедительной просьбой приехать в «Paris-Palace» и повторить свой рассказ вдове погибшего, которой, естественно, захочется поговорить с человеком, видевшим тело ее пропавшего мужа. На это аргентинец очень охотно согласился.

Когда все другие гости уехали, Уррубу нарочно, пошептавшись предварительно с Макдуфом, остался с Мендесом и снова стал убеждать капитана принять участие в экспедиции.

— Ну вот, мы теперь с тобой одни. Мы земляки и друзья и можем говорить откровенно. Скажи ты мне, Бога ради,

* Местная золотая монета = 9 р. 37 к. Аргентино содержит 5 песо.

— *Никогда не поеду я с этим человеком!* — отвечал Мендес.

из-за чего ты упрямисься? Ведь тебе дают три тысячи! Неужели тебе этого мало?

— Никогда и ни за что не поеду я с этим человеком! — решительно заявил Мендес Лоа.

— Почему?

— У него дурной глаз!

— Будет тебе ребячиться!

— Нет, сеньор, это не ребячество! Вспомните Хосе Торреса и его судно «Анды». Он тоже был желтоглазый, как и этот. Он тогда меня нанимал, я отказался. И хорошо сделал. Помните вы? Ведь он тогда сгинул. Святая Дева в то время явилась мне во сне и прямо так и сказала: «Не связывайся с людьми, у которых такие желтые глаза!..» Спросите мою жену, она все это помнит.

Уррубу знал все семейные дела Лоа; знал он и то, что капитан собирался выдавать замуж свою хорошенькую дочку Кармен. Приданое для нее было приковано очень скудное, и жених был не совсем этим доволен. Очень политично он затронул эту струну родительского сердца, заставив жену и дочь Мендеса залиться слезами, а самого капитана разразиться тяжкими вздохами.

Больше Уррубу решил пока не настаивать, а дать тюленову возможность подумать, главное же, предоставить жене и дочке Лоа время приналечь на него с капитальным доводом, ломающим всякое мужское упрямство — женскими слезами, перед которыми, как известно, пасовал сам Наполеон.

Вечером того же дня Мендес Лоа предстал перед Эммой Макдуф и рассказал ей о своем приключении. Когда повествование было закончено, к нему вновь обратились с уговорами. На сей раз Пауэлл, хорошо понимавший, как преклоняются люди перед золотым тельцом, сразу повысил предлагаемый куш с трех до пяти тысяч аргентинцев. Это было уже целое богатство для скромного рыбака, блестящее приданое для его дочки. Мендес Лоа не устоял. Но вид у него был, как у помешанного. Он, похоже, твердо верил, что «желтоглазые» — настоящие посланцы самого сатаны, направленные нечистым на землю для соблазна и гибели людей.

— Ладно! — вскричал он, дико ворочая своими громадными испанскими глазами. — Будь, что будет!.. Вам нужна моя шкура? Берите ее! Я ее продаю за пять тысяч! Пусть они идут в приданое Кармен! Я знаю, жених был недоволен; ему было мало того, что я даю! Ну, теперь и он, и Кармен будут радехоньки! Ради дочки я пойду к черту на рога! Но помните, лейтенант Уррубу, мое слово: не видать мне больше Буэнос-Айреса! Этот человек ведет всех нас на смерть! Эх, да что говорить, теперь уже дело кончено! Пресвятая Дева и все святители, простите мне это самоубийство! Жертвую собой ради дочки!

Просвещенные янки не могли не изумиться этому странному и дикому взрыву суеверия. Но их радовало благополучное завершение трудного дела. Теперь у экспедиции был надежный проводник, благодаря участию которого время розысков ледяной могилы могло значительно сократиться. А это было в высшей степени важно.

СНОВА К ЮГУ. ТРЕВОЖНЫЕ ПОИСКИ

Как ни спешил доктор Макдуф добраться до области вечных льдов, из Буэнос-Айреса невозможно было отплыть раньше, чем через две недели. Нужно было взять на борт полный груз каменного угля, а перед тем еще провести тщательный технический осмотр всей подводной части судна. Осмотр показал, что корабль несколько не пострадал за время продолжительного плавания по Атлантическому океану. Это было, конечно, очень утешительно, но для того, чтобы в этом убедиться, потребовалось время, и как ни терзался старый Макдуф нетерпением, ему волей-неволей приходилось смиряться и ждать, понимая, что подобные проводочки совершенно необходимы и неизбежны.

Осмотр судна занял неделю, другая прошла за погрузкой угля. Пауэлл, между тем, был весь в хлопотах, устраивая дочь в гостинице «Paris-Palace». Макдуф, не имея возможности работать в своей лаборатории на судне, поселился пока в том же отеле и проводил время в семейном кругу.

Лейтенант Уррубу часто навещался к профессору, оказывая ему мелкие услуги. Вся семья большую часть времени сидела дома, чтобы избежать проявлений внимания со стороны местного населения, которое, конечно, крайне интересовалось судьбой экспедиции.

Весна наступала медленно; она несколько запоздала в этом году, и опытные моряки предсказывали, что холода затянутся.

— Тем лучше, если зима затянется, — рассуждал профессор Макдуф. — Чем холоднее будет там, тем лучше сохранятся тела во льду.

Правда, под 65° южной широты нечего было опасаться, что трупы оттают — ни зимой, ни даже летом.

Можно было рассчитывать, что поиски роковой ледяной могилы потребуют, вместе с переходом от Буэнос-Айреса до Земли Грэхема, не больше 7 или 8 недель. К тому же в ро-

зысках могилы поможет Мендес Лоа, и это несомненно их ускорит. Суеверный аргентинец, вероятно, ни на минуту не забывал о том, что за 5.000 золотых продал душу черту. Но он больше ни разу не возвращался к своим страшным разговорам и вообще вел себя образцово. Из-за него, однако же, вышла небольшая задержка. На 10 сентября было назначено обручение его дочери Кармен, и он непременно хотел присутствовать на этом торжестве. Отказать ему было невозможно, и таким образом отплытие из Буэнос-Айреса по неволе пришлось отложить до 11-го сентября.

Экспедиция тронулась в путь 11-го сентября в 11 часов вечера. Суровые условия плавания в Южном Ледовитом океане вскоре дали себя почувствовать. Но ветра и стужи мало смущали отборный экипаж, состоявший из старых морских волков. В первые дни глава экспедиции был молчалив и сосредоточен, однако вскоре преодолел это настроение и сделался очень общителен. С особой заботливостью относился он к своему молодому другу, ботанику экспедиции Джустусу Квоньяму. Злополучный влюбленный все еще пребывал в самом кислом состоянии духа, и было даже заметно, что ему день ото дня становилось все хуже и хуже. Его черная меланхолия все усиливалась, и во время пребывания в Буэнос-Айресе за ним приходилось даже присматривать: возникло подозрение, что его неудержимо тянет на родину, к мучительнице его сердца, и что в один прекрасный день он не совладает со своими чувствами, сядет на первый попавшийся пароход и умчится в Филадельфию.

Но когда, наконец, тронулись в путь, Квоньям несколько оправился и отвлекся от мрачных дум. Этому отчасти способствовал Макдуф, сосредоточивший на нем свои дружеские и врачебные заботы, отчасти — текущие работы по ботанике и роль переводчика, которую ему пришлось на себя взять. Мы уже упоминали о том, что из всего состава экспедиции только он один свободно говорил по-испански, и потому все объяснения с Мендесом Лоа велись через него. Это их сразу сблизило между собой. До прибытия к Земле Грэхема Мендесу Лоа нечего было делать на судне. Он был совершенно свободен и, изнывая от скуки, весьма охотно бол-

тал с ботаником, описывая ему в величайших подробностях охоту на тюленей.

Макдуф большую часть времени проводил в лаборатории. Он обычно наглухо запирался в ней со своим неизменным Манфредом Свифтом. Что они делали там вдвоем, о чем говорили, — этого никто не знал.

День за днем продолжался долгий путь. В одну темнейшую ночь с судна увидели вдали яркий огонек. Это был маяк Аньо-Нуово, — последний светоч цивилизации, мелькнувший перед экспедицией. С этого момента она вступала в дикую полярную область. «Эмма Пауэлл» теперь держала курс от мыса Горна к Шетландским островам. Начались буйные ветра, судно жестоко трепало, и непривычные к морю члены экспедиции терзались морской болезнью. Особенно доставалось от нее несчастному зоологу Гардинеру, чье состояние начинало внушать тревогу.

30 сентября впервые увидели пловучие льды. Судно приближалось к громадному айсбергу. Эта гора льда выдавалась из воды на 200 сажен и на такую же глубину уходила в воду. Ее длину и ширину не было возможности определить даже приблизительно, поскольку весь айсберг нельзя было окинуть взглядом. Судно потратило не менее трех часов на то, чтобы осторожно обойти эту громадину. Когда айсберг остался позади, лейтенант Беннет вскричал:

— Эта льдина была едва ли больше 10 миль в длину... Это что! Такие ли еще горы мы увидим...

Предсказание Беннета много раз оправдывалось впоследствии, но скоро все члены экспедиции привыкли к зрелищу пловучих ледяных гор, слишком обычному в тех местах, куда они забрались. С таким капитаном, как Кимбалл, человеком осторожном, внимательном, спокойном и глубоко знающем свое дело, опасность столкновения с айсбергами сводилась к нулю. Таков же был и его помощник, лейтенант Беннет. Очень важные услуги оказывал теперь и Мендес Лоа. Он много лет плавал в этих местах на своем маленьком судне, и его опыт оказался драгоценным. Чем дальше двигались к югу, тем более скученно выступали навстречу судну айсберги. Около 14 октября стало невозможно разли-

чать, какие ледовые горы стоят на месте и какие носятся по океану. Примерно в это же время на западе начали обрисовываться какие-то очертания, напоминавшие землю. Очевидно, судно приближалось к южному полярному материку. Об этом свидетельствовали и морские карты, да и Мендес Лоа подтверждал это. Вскоре «Эмма Пауэлл» прошла мимо группы больших островов. Температура быстро падала, но экипаж, прекрасно снабженный теплой одеждой, несколько не страдал от стужи. Вдобавок, все знали, что в южном полушарии наступает лето, и, утешаясь этой мыслью, некоторые члены экспедиции вздумали пощеголять в более легкой одежде. В числе неосторожных был и зоолог Гардинер. За это он и поплатился. Утром 20-го октября у него проявились явные признаки воспаления легких.

Профессор Макдуф несколько не был этим удивлен.

— Я его предупреждал, — сказал он, пожимая плечами. — Но ведь эта молодежь ничего не хочет слушать. Ну, надо как-нибудь выручать его. А между тем, что тут поделаешь, в особенности в такую собачью погоду!

А погода, в самом деле, с каждым днем становилась все хуже и хуже. Начались снежные бури, не унимавшиеся по несколько часов подряд. За бурями последовала гроза со страшным ливнем, а на другой день опять повалил снег. Так продолжалось несколько суток.

Наконец, небо прояснилось, ветер стих. Наступила хорошая погода, и судно благополучно дошло до островов Петерманна.

В последние два дня Мендес Лоа почти не спал, опасаясь пропустить место, которое искала экспедиция. И вот настал долгожданный миг: старый аргентинец вдруг вздрогнул, выпрямился и, протягивая руку к ледяным вершинам, едва видневшимся вдаль, громко воскликнул:

— Вот оно! Мы должны плыть туда!

Немедленно определили географическое положение. Вычисления показали, что в тот момент судно находилось под 65 градусами южной широты и 64 градусами западной долготы. Доктор Макдуф уже распорядился отправить шлюпку, чтобы разведать безопасный путь к месту, указанному

Мендесом Лоа. Но аргентинец попросил обождать. Он не был вполне уверен.

— Я вижу, — сказал он, — две ледяные горы, но я не замечаю той цепи гор, которая должна быть за ними. Тут недолго и ошибиться. Не надо спешить. Нужно спуститься к югу еще на один градус. Мне теперь припоминается, что мы тогда находились несколько южнее, и что к западу от нас лежали Бискоуские острова.

Было решено последовать совету аргентинца. Оказалось, что он был прав и был просто обманут случайным сходством. Оно и понятно: все эти островки, проливы, обледенелые скалы сплошь и рядом выглядели совершенно одинаково. Снеговой покров сглаживал все формы и придавал им гнетущее однообразие.

А среди экипажа уже начинался ропот. Матросы переговаривали о том, что хитрый аргентинец просто-напросто наддувал профессора и издевался над ним. Все знали, какое огромное вознаграждение обещал ему Пауэлл. Но никто не был уверен, видел ли Мендес Лоа на самом деле ледяную пещеру с замерзшими трупами, а, главное, хорошо ли запомнил, где она находится, и может ли указать к ней дорогу. Если Лоа не в состоянии дать эти указания, судно, очевидно, будет зря блуждать среди этих мрачных льдов все лето, а когда лето окончится, волей-неволей придется повернуть обратно на север, так как экспедиция не подготовлена к зимовке. Этим все предприятие и завершится. Хитрый аргентинец ни за что ни про что положит себе в карман 5.000 золотых. Так судачили между собой матросы.

Боцман Давид Скотт особенно усердно поддерживал в экипаже сомнения в честности Мендеса Лоа. Он невзлюбил аргентинца с первой минуты появления тюленелова на судне. Капитан сообщил об этих толках среди матросов доктору Макдуфу, но тот отнесся к ним очень спокойно. Он знал, что такие разговоры всегда поднимаются среди экипажа, когда цель экспедиции остается неопределенной и неясной для самого ее вождя. Знаменитым примером такого настроения людей служила ему экспедиция Христофора Колумба. Сам же он был уверен, что аргентинец говорил правду.

Он не сомневался в том, что старый ловец тюленей действительно набрел на страшную могилу и видел ее на самом деле, а не во сне. Кроме того, он принимал в расчет, что от простого охотника, да еще и потрясенного неожиданным зрелищем, нельзя было требовать совершенно точных указаний. Макдуф и не требовал от Мендеса Лоа ничего сверх того, что старый моряк ему сообщил. Он счел небесполезным поговорить об этом с Мендесом и успокоить аргентинца: профессор предполагал, что, хотя разговоры матросов и велились на незнакомом Лоа языке, тот все же ощущал царящее вокруг враждебное настроение.

— Друг мой, — сказал ему Макдуф, — когда я пригласил вас ехать с нами, вы первым предупредили меня, что не беретесь с точностью указать место, где находится ледяная могила, в которой заключены дорогие для нас покойники. Помните, что я вам на это отвечал? Я сказал вам: «Приведите нас только в те места, где вы видели ледяную могилу; пусть это указание будет сделано с ошибкой миль в 40. Это ничего. Мы поищем и найдем». И в настоящую минуту я ничего другого от вас не требую. Теперь скажите мне, находимся ли мы вблизи того места, где вы видели ледяную пещеру?

— Да, конечно! — ответил аргентинец, которому было ужасно досадно за свою первую ошибку. Кроме того, Мендес действительно понимал, что матросы настроены против него. — Безусловно, мы, то есть я и мои люди, были в то время в этих самых местах, к югу от пролива Бисмарка. Я слышал, как капитан говорил сейчас, что мы дошли уже до 65° 30'. Ну, хорошо... Нужно еще спуститься на полградуса к югу. Тогда мы окажемся около тех островов, что виднеются вдаль. Это Бискоуские острова. Вы скажете мне, что таких островков тут бесчисленное множество. Но в том-то и дело, что тогда мы зашли гораздо дальше к югу, чем в любое другое время. Нас загнало туда ветром. А если так, в настоящую минуту мы еще не дошли до того места. Оно должно лежать еще дальше к югу, и мы несомненно все более и более приближаемся к нему. Затем, напомним вам еще раз, что мы тогда зашли в глубокую бухту, около которой находится далеко выдающийся в море мыс. В глубине этой бухты возвы-

шаются две скалы высотой более тысячи футов. Те две скалы, что мы видели раньше, очень походят на них — это и ввело меня в заблуждение. Но там недоставало другой важной приметы, а именно цепи гор на горизонте. Ведь я не во сне все это видел! Я высадился с моими людьми в этой самой бухте и мы бежали на лыжах добрых полчаса, все по прямой линии, пока не набрали на ту пещеру... Ну, что ж теперь делать? Не буду спать круглые сутки, не сойду с мостика до тех пор, пока не распознаю местность. Я продал товар, взял деньги и должен поставить покупателю то, что продал. Будьте спокойны, у нас на юге люди так же честно ведут дела, как у вас на севере.

Последние слова аргентинца были обращены главным образом не к Макдуфу, а к матросам, стоявшим кругом.

Доктор Макдуф был совершенно удовлетворен этим объяснением, да, впрочем, и не нуждался в нем. Он только начал с усиленным вниманием осматривать море, по-прежнему сгорая от нетерпения.

Между тем, барометр поднимался. Погода была ясная, но холодная. 1-го ноября около 11 часов утра Мендес Лоа, все время стоявший на капитанском мостике, испустил громкий радостный вопль, который поднял на ноги весь экипаж. Капитан Кимбалл схватил бинокль, осмотрел местность и во всеуслышание подтвердил, что видит приметы, указанные Мендесом. Макдуф в свою очередь, услышав шум, поднялся на мостик, взял бинокль и сразу распознал и бухту, и обе высокие скалы, поднимавшиеся на тысячу футов, и цепь гор вправо от них.

Потребовалось не больше часа, чтобы отыскать удобное место для якорной стоянки. Ровно в полдень Кимбалл по возможности точно определил местоположение судна. Оно остановилось, по странному и случайному совпадению, на одном и том же градусе широты и долготы — под 66° южной широты и 66° градусов западной долготы от Гринвича. Таким образом, оказалось, что Мендес Лоа ошибся на целый градус; но надо было отдать ему должное, так как он эту ошибку предусматривал и предупреждал о ней.

Макдуф облачился в меховую шубу и шапку и решил

первым вступить на эту роковую землю, похитившую его сына. Профессор был так нетерпелив, что Кимбалл с величайшим трудом сдерживал его. Он напомнил Макдуфу, что ледяная могила находится в получасе лыжного бега от берега и что прежде всего необходимо выгрузить на берег сани и упряжных собак. И вообще все это дело, ввиду позднего времени, разумнее было отложить до утра.

Доктор возразил, что необходимо сейчас же, не откладывая до утра, послать двоих людей на разведку, чтобы они нашли ледяную пещеру, точно отметили ее местоположение и наметили, если получится, самый легкий санный путь к ней. Совет был резонный, и капитан немедленно отдал соответствующие распоряжения.

Люди экипажа, теперь вполне уверовавшие в Мендеса Лоа и искренне с ним примирившиеся, наперебой предлагали свои услуги. Было решено, что на разведку отправятся Мендес Лоа, как руководитель поисков, а с ним плотник Черч (чей брат, как известно, был в числе погибших на «Прокторе») и ботаник Джустус Квоньям. Последний напросился на разведку вследствие какого-то странного возбуждения, владевшим им в последние дни; Макдуф энергично боролся с этим состоянием при помощи каких-то подкожных впрыскиваний. Все трое запаслись лыжами. Их свезли на берег, и они пустились в путь.

Разведчики сначала направились прямо к югу, а потом повернули к первой горе видневшейся вдали цепи. Доктор Макдуф старался все время следить за ними в сильную подзорную трубу. Рядом с ним стоял лейтенант Беннет. Его молодые зоркие глаза видели гораздо лучше, чем старые глаза Макдуфа. Внимательно всмотревшись, Беннет вдруг вскричал:

— Кэрн!* На скате горы я ясно вижу кэрн! Доктор! Вы видите?..

* Кэрнами у северных народов называются надгробные камни на могилах вождей. Это название часто распространяется на всякие кучи камней в тех случаях, когда можно заключить, что они навалены руками людей, а не являются случайной грудой.

— О, да, конечно, — воскликнул старый профессор, весь дрожа, как в лихорадке. Он вспомнил о груди льда, про которую рассказывал Мендес Лоа. Без сомнения, аргентинец распознал ее и устремился прямо к ней.

Теперь все, кто только мог вооружиться каким-нибудь оптическим инструментом, с самым пристальным вниманием следили за тремя разведчиками. Те, в свою очередь, зная, что их видят с судна, подавали сигналы, явно спрашивая, должны ли они немедленно доставить на корабль то, что было ими найдено внутри кэрна.

— Да, да, конечно! — закричал профессор. — Пусть захватят с собой все, что найдут!

Лейтенант подал обычные сигналы флагами, приказав разведчикам возвращаться назад, захватив с собой все найденное. Черч ответил, что он понял сигнал. Затем разведчики пробрались внутрь кэрна. С мостика судна видно было, что на верхушке кэрна не имелось никакого опознавательного знака, из чего следовало заключить, что у погибавших не было под руками никакого предмета, который можно было бы водрузить на нем. Но могло случиться и так, что знак все же имелся, но не устоял против ветра и был повален и снесен.

Вскоре разведчики вернулись назад. Джустус Квоньям нес под мышкой доску, на которой углем были начертаны следующие слова:

«“Проктор” погиб в льдах. Половина из нас утонула. Остаются в живых: Бейли, Уильямс, Догерти, Чепмен, Черч, Грандсон, Хобби и я, Макдуф. Припасов нет. Стужа жесточайшая. Идем наудачу. Прощай, отец, прощай, бедная мама! И вы, Эмма и Тоби, прощайте!»

Доктор не мог дочитать эту надпись вслух. Его душили рыдания. Он протянул доску Манфреду. Тот вслух дочитал написанное, и после доска с роковым завещанием погибших пошла по рукам...

ХП

ЗАМЕРЗШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В эту ночь на всем судне никто не спал.

Доктор Макдуф заперся в лаборатории со своим помощником Манфредом Свифтом. Он только и делал, что бесконечно читал и перечитывал надпись на доске. Капитан производил разведку на берегу залива, отыскивая место, где можно было стать на якорь. Через некоторое время нашли небольшую бухточку, хорошо защищенную от ветров, и было решено ввести в нее судно. Но Кимбалл колебался. В самом деле, была найдена доска с предсмертными словами сына Макдуфа, но разведчики не нашли саму могилу, и было пока еще неизвестно, будет ли она найдена и в этом ли месте она находилась. Видимо, Мендес Лоа правильно распознал местность. Ледяная могила должна была находиться где-нибудь неподалеку от кэрна. Но кто поручился бы, что на нее не грохнулась какая-нибудь колоссальная снежная или ледяная лавина и не уничтожила ее, не схоронила ее под своей неприступной массой? Поэтому, как считал Кимбалл, надо было подождать с окончательной стоянкой — преждевременные приготовления могли дурно повлиять на настроение экипажа.

Что касается старого профессора, то он почти не колебался и отнесся к благоразумной осмотрительности Кимбалла даже с некоторой раздражительностью. Он непоколебимо верил, что найдет труп своего погибшего сына.

— Ваши сомнения удивляют меня,— сказал он капитану. — Наше дело ясное. Мы должны действовать так, как будто мы вполне уверены, что доведем его до конца. А там — будь, что будет. Прошу вас, как только наступит утро, сейчас же войти в бухточку и стать на якорь.

Так и сделали. Ранним утром 2-го ноября вошли в бухточку, устроили в ней причал и поставили судно на якорь. Теперь «Эмма Пауэлл» твердо стояла на приколе. Можно было оставить судно и расположиться на берегу.

Окончательное определение местоположения судна и сверка с картой подтвердили, что экспедиция находилась на Земле Грэхема, открытой в 1832 году капитаном Биско.

Скоро все предварительные работы были закончены, и весь экипаж во главе с профессором Макдуфом сошел на землю. Немедленно были изготовлены сани, которые могли вместить по три седока. В них запрягли собак. Захватили с собой на всякий случай всевозможную провизию. Мендес Лоа все время повторял, что ледяная могила будет найдена не больше, чем через полчаса. Макдуф внимательно слушал его с таким же глубоким чувством, с каким выслушал его первый рассказ в Буэнос-Айресе.

Капитан Кимбалл, подгоняемый нетерпением старого профессора, самолично возился около саней, помогая снаряжать их. Трое матросов, усевшись на одну из повозок, сделали пробный пробег, чтобы испытать собак. Добрые животные с честью выдержали этот экзамен. Тогда все, не теряя времени, немедленно уселись в сани и тронулись в путь. Корабль остался под надзором боцмана.

— Не беспокойтесь, — сказал он уезжающим. — Судно останется целехоньким. Здесь некому его похитить!

Сани с Мендесом Лоа двигались впереди прочих. Собаки бежали прытко. Дорога была вначале ровная, гладкая. Местность лишь слегка повышалась к внутренней части материка. На равнине аргентинец внимательно огляделся кругом и направил свои сани прямо к югу, к видневшейся вдаль цепи гор. Вскоре начались дорожные невзгоды. Путь пошел неровный, весь усыпанный глыбами льда. Пришлось сойти с саней и идти пешком. Миновало уже добрых полчаса, а все еще не видно было никаких признаков, указывающих на близость ледяной могилы. Путники утрумо молчали. Все с замиранием сердца думали о возможном провале экспедиции. Что, если в самом деле ледяная пещера была погребена под лавиной?..

И аргентинец, хотя и не показывал виду, тоже начинал беспокоиться. Перед ним простиралась однообразная равнина, на которой он не мог найти никаких примет. Между тем, он помнил, что за равниной должна была находиться доли-

на. В этой долине он и нашел тогда ледяную могилу. Однако ни вдаль, ни вблизи никаких неровностей почвы не было видно. Что, если он и на этот раз ошибся?..

Кимбалл начал волноваться.

— Где же ваша долина? — спросил он Мендеса Лоа. — Никакой долины тут нет... Да уверены ли вы, Мендес, что вы тогда шли на юг, а не в другую сторону? Вы постойте, остановитесь, подумайте, припомните...

В разговор вмешался старый профессор. Ему не нравилось, что Кимбалл, увлеченный общим настроением экипажа, выказывал аргентинцу явное недоверие. Сам он не утратил веры, о чем и заявлял уже не раз.

— Послушайте, мой друг, — обратился он к аргентинцу через Квоньяма, — вы, в самом деле, подумайте, припомните. Когда вы впервые здесь очутились, вы откуда шли? Из той же бухточки, где теперь стоит наше судно?

— Нет, не оттуда.

— Откуда же?

— Право, теперь я не могу этого припомнить.

— Быть может, вы пристали к этой земле с другой стороны?

— Я припоминаю только, что мы шли вправо.

— Прекрасно. Значит, можно допустить, что вы на сей раз сбились именно по этой причине. Такое бывает. Люди принимают правую сторону за левую и наоборот. Мы двинулись вправо и ничего не нашли. Значит, в этой стороне нам нечего больше делать. Попробуем свернуть налево. Хотя, по правде сказать, слева ничего не видеть, кроме бесконечной снежной равнины. Может быть долина, о которой вы говорите, давно уже занесена снегом?..

В это время лейтенант Беннет, усиленно всматривавшийся во что-то, вдруг воскликнул:

— Доктор, капитан, взгляните туда! Не обманывают ли меня глаза? Вы видите стаю бакланов?..

— Да, — раздалось со всех сторон.

— Видите?.. Только что вся стая была на виду, а теперь, смотрите, птицы исчезают одна за другой. Значит, они скры-

ваются за какой-то неровностью почвы. Очевидно, в той стороне есть какая-то лощина...

Черные глаза Мендеса Лоа и желтые глаза старого профессора мгновенно вспыхнули самым живым огнем. До того места, где виднелись бакланы, было около полумили. Все смотрели теперь в этом направлении. И вот через несколько минут птицы вылетели из низины, где скрывались, и вся стая вновь оказалась на виду. Всем стало ясно, что на том месте должна быть какая-то впадина и, быть может, именно та, о которой так упорно твердил аргентинец.

Не теряя ни минуты, все бросились бежать. Мендес Лоа бежал впереди всех, за ним Беннет и Черч. Скоро они скрылись из виду в каком-то углублении. Но не прошло и минуты, как Беннет снова появился. Он мчался во весь дух на встречу профессору и его спутникам и во весь голос вопил:

— Они здесь, доктор! Они все здесь!.. На них страшно смотреть! Они замерзли во льду!..

Старый профессор, бледный как снег, покрывавший все вокруг, изо всех сил спешил к лощине, которую теперь уже можно было ясно рассмотреть. Рядом с ним шли Манфред Свифт и капитан Кимбалл, каждую минуту готовые подхватить старика, если бы силы изменили ему.

Вскоре все вступили в лощину и перед ними предстало жуткое зрелище.

Вся неглубокая долинка была занесена снегом. На дне ее возвышалась груда больших прозрачных льдин. Эта груда имела довольно правильную форму и представляла собой что-то вроде громадной полости с ледяными стенами, сходившимися под почти прямыми углами. Она имела около сажени в высоту и сажени две-три в длину и ширину. За передней, прозрачной, как стекло, глыбой льда виднелись человеческие фигуры — в том самом виде, как описывал их аргентинец. Вся картина напоминала какой-то громадный аквариум, куда вместо рыб поместили людей. Эти мертвые люди, эти замороженные трупы, были одеты в звериные меха. Вправо, на полу ледяной пещеры, лежали трое — беспорядочной кучей, сплетаясь руками и ногами. В левом углу четыре трупа стояли, наклонившись друг к другу и словно

...Перед ними предстало жуткое зрелище.

совещаясь. Один стоял, протягивая руку и как бы торопясь поддержать соседа, готового упасть. Еще двое обнимали друг друга; они будто ожидали смерти, обмениваясь последними словами утешения.

Острые глаза старого профессора быстро скользнули по всем этим ужасным деталям и неподвижно остановились на фигуре его сына.

Глава экспедиции погибшего «Проктора» Джордж Макдуф стоял посреди всей группы, оборотясь лицом как раз в ту сторону, откуда подошли доктор и его спутники. На нем была большая медвежья шуба и меховая шапка. Он твердо и прямо держался на ногах. Его правая рука была вытянута вперед. Он словно указывал своим спутникам перед самой смертью куда-то в неопределенную даль, откуда им следовало ожидать помощи. Длинная, как у отца, и вся заиндевелая борода, меховой воротник шубы и шапка скрывали часть его лица, оставляя на виду лишь мертвые, остановившиеся глаза и характерный, отцовский орлиный нос. Всех особенно поразили эти глаза, недвижные, но продолжавшие смотреть живым, пронизывающим взглядом.

Каким чудом все эти трупы в течение целых семи месяцев могли сохраниться в таком свежем, в таком первозданном состоянии? Манфред Свифт в нескольких шепотом произнесенных словах постарался разъяснить это капитану Кимбаллу. Люди замерзли, очевидно, в течение нескольких мгновений под влиянием ужасной стужи, обычной для полярных краев. Эта стужа сначала парализовала их, заставив их тела остаться в тех самых позах, в каких их застиг паралич замерзания. А потом ледяная полость, где они укрывались, сомкнулась над ними и сохранила их от разложения.

Теперь предстояло осторожно пробить лаз внутри ледяной пещеры, поднять замороженные трупы один за другим и вынести их. Так как температура окружающего воздуха была ниже нуля, перемещение из пещеры на открытый воздух не могло оказать на тела ни малейшего влияния. Затем их можно будет перевезти на санях к месту стоянки судна, поместить в барак, который будет выстроен на берегу, там согреть, чтобы они оттаяли, после забальзамировать, уло-

жить в гробы и в таком виде доставить на родину. Впрочем, спешить со всем этим не было надобности, и потому прежде всего следовало заняться устройством барака. Все это вполголоса обсуждали люди, собравшиеся перед ледяной могилой. Профессор Макдуф не принимал участия в этих разговорах. Его спутники отошли в сторону, и он стоял один у самой ледяной пещеры, лицом к лицу со своим погибшим сыном.

Мало-помалу он вышел из оцепенения и взмахом руки подозвал к себе Манфреда. Взяв под руку своего ассистента, он тихо простонал:

— О, друг мой, смотри, вот он! Это он. Но как он удивительно сохранился!..

Он замолк на несколько мгновений, силясь овладеть собою. Потом он обвел взглядом кучку своих спутников и сказал им:

— Взгляните на него, господа! Не правда ли, он стоит, как живой?! Так и кажется, что он собирается сейчас заговорить!

— Да, — пробормотал Квоньям прерывающимся голосом, — ужасная картина!.. Ему недостает только жизни... Как жаль, что я не могу отдать ему свою, ставшую для меня бесполезной обузой!

Старый профессор бросил многозначительный взгляд на злополучного влюбленного, который уже не впервые говорил о своем отвращении к жизни. Об этом давно знали все участники экспедиции. Потом старик обратил желтые хищные глаза на своего ассистента, словно высказывая ему этим взглядом какую-то затаенную мысль, которая ими обоими не раз обсуждалась. Понял ли его Манфред Свифт?.. Ассистент только покачал головой с выражением глубокого сожаления и тяжело вздохнул.

Между тем, старый профессор вплотную подошел к ледяной пещере и, положив руку на ее переднюю стенку, произнес, обнажив голову:

— Все эти люди — дети Филадельфии. Мы приветствуем их от имени наших сограждан и воздаем дань уважения их героизму и мученической смерти. Я говорю так, потому что

смерть в таких условиях — смерть мученическая. Я обращаю к ним прощальное слово великого города и свидетельствую им признательность великого народа!

Затем он обратился к трупу своего сына:

— Тебе же, дитя мое, тебе, как бы призывающему меня на помощь в надежде, что я верну тебе жизнь, я принес горестный вопль твоей бедной матери, твоей возлюбленной жены, твоего сына и достойного господина Пауэлла, который предоставил нам средства, чтобы прибыть сюда и найти тебя и твоих спутников. Подождите еще немного. Дайте нам время соорудить последнее приличное убежище для ваших останков, злополучные дети Пенсильвании! Потом мы вернемся сюда и извлечем вас из этой могилы!

Люди стояли вокруг и отирали слезы. Плотник Черч, чей брат лежал в этой же могиле, громко рыдал. Он узнал брата в одном из трупов.

— Каковы будут ваши приказания, доктор? — спросил Кимбалл.

— Я полагаю, — ответил профессор, — что теперь нам нужно поскорее вернуться к судну и сейчас же приступить к постройке барака. Ведь у нас есть в запасе целый разборной дом. Надо немедленно выгрузить его на берег и собрать. Как вы думаете, сколько времени уйдет на это?

Обратились к плотнику Черчу, и тот, прикинув в уме, сказал, что, если взяться за дело вшестером, можно закончить всю сборку часов в двенадцать.

На том и порешили, и все тотчас засобирались в обратный путь. Макдуф долго жал руку аргентинца и горячо благодарил его. Но охотник на тюленей был, видимо, мало тронут этими изъявлениями чувств. Его мнение о докторе, как о воплощенном дьяволе, судя по всему, никак не изменилось.

Передние сани уже тронулись в путь. У ледяной могилы оставались Макдуф, Кимбалл и Квоньям. Капитан возился у саней, а доктор разговаривал с ботаником. Тот в последнее время, по-видимому, окончательно решил покончить все счеты со своей плачевной жизнью.

— Скажите, доктор, ведь в конце концов морфин должен же доконать меня? — спрашивал ботаник.

— Да, конечно. Но не сегодня же?!

— Ну, хорошо, пусть не сегодня. Не сегодня, так завтра.

— Вы слышите, что он говорит, капитан?

И вслед за тем, с какой-то странной и жестокой настойчивостью, старый профессор дважды повторил:

— Он хочет, чтобы это случилось завтра!

В ответ капитан только пожал плечами.

Вскоре все вернулись к судну и немедленно приступили к выгрузке разборного дома.

Зоолог Гардинер в последние дни расхворался еще больше, и профессор по временам давал понять, что его конец близок. Но в этот самый день Манфред Свифт дал ему какое-то новое лекарство, и Гардинер совершенно неожиданно сразу почувствовал себя лучше.

Зато бедному ботанику пришлось совсем плохо. В этот же вечер он впал в обморочное состояние, внушавшее самые серьезные опасения. Доктор и его ассистент усердно хлопотали около него, но без всякого результата. Все задавали себе тревожный вопрос — доживет ли он до утра?

ХІІІ

ЕЩЕ ОДИН ТРУП

На судне началась лихорадочная деятельность. Весь экипаж, без различия чинов и обязанностей, принялся за выгрузку бревен и плах, входивших в состав разборного барака. Профессор наблюдал за людьми с капитанского мостика, а лейтенант Беннет руководил работами. Но настоящим командиром стал теперь Черч: он указывал, как складывать части барака, и крепил их. Весь день среди полярной пустыни раздавались удары молотков и топоров, визг пил и рубанков.

Около трех часов дня повалила снежная пурга, но люди, засыпаемые снегом, не оставляли работы; профессор ободрял их, предсказывая скорую перемену погоды. И в самом деле, вскоре тучи разошлись и засияло солнце.

Из всех участников экспедиции в работе не принимали участия только Гардинер и Квоньям. В самый разгар работ Манфред Свифт навестил больного Гардинера, который, как уже сказано, почувствовал себя гораздо лучше, приняв новое лекарство.

— А уж я думал, что мне капут! — проговорил Гардинер все еще слабым голосом. — Но ваше лекарство — просто какое-то волшебное зелье! А между тем, от тех средств, что мне давал в последние дни профессор Макдуф, я чувствовал себя все хуже и хуже. Конечно, вы об этом ему не скажете доктор! Ведь это только личное впечатление больного, а вы знаете, насколько можно на такие впечатления полагаться. В условиях нашего странствования, да еще за тысячи миль от родины, что только не придет в голову больному человеку!

— А это, последнее-то лекарство, кто вам прописал? Вы думаете, не тот же профессор Макдуф? Ведь лечит вас он, и поверьте, что на него вы можете положиться.

— Можно ли в этом сомневаться!

— Он ухаживает за вами, как за сыном.

— Я и не сомневаюсь, и не замедлю его поблагодарить,

когда он посетит меня... Однако, поиски наших покойников не очень затянулись. Я, конечно, этому радуюсь. Но ведь если тела нашли, то значит, и экспедиции конец? А я ровно ничего не успел сделать. Ах, этот проклятый бронхит!.. Бронхит, пневмония, плеврезия!.. Как вы мою болезнь называете?

— Ну, не все ли равно как! Главное в том, чтобы поставить вас на ноги, и это уже сделано.

— Спасибо, спасибо вам. Я чувствую себя намного лучше. Раньше я день ото дня все слабел, а теперь сразу окреп. Дайте мне еще этого лекарства, и завтра, и послезавтра, куда я совсем не поправлюсь. Но ведь вот горе-то: все-таки я еще проваляюсь еще дня четыре, пять, пожалуй, и все десять, а тем временем тут все будет покончено, и мы тронемся в обратный путь...

— Очень вероятно, что так.

— Вот это досадно!.. А сколько времени, как вы думаете, мы еще простоим здесь?

— Если все пойдет в добром порядке, то на оттаивание тел, их бальзамировку и укладку в гробы уйдет всего несколько дней. Больше нам нечего будет здесь делать.

— А я было думал...

— Видимо, вы собирались заняться тут вашими зоологическими изысканиями?.. Ну, ничего. Соберется новая экспедиция, вы с ней и отправитесь; теперь то и дело снаряжаются полярные экспедиции.

Гардинер с сожалением вздохнул и тотчас насторожился, как и Манфред Свифт. До каюты, где доктор беседовал с зоологом, донесся громкий болезненный стон:

— О, какая мука! Голова, как в огне! И в горле горит! Нет, должно быть, близок мой конец!

— Бедный Квоньям! — протянул Гардинер жалобным тоном, узнав голос страдающего товарища. — Он недавно упал в обморок — повалился, как мертвый. На него, должно быть, ужасно подействовало то, что вы там увидели... Значит, у него опять начались эти головные боли?.. А я считал, что они у него прошли. Вообще-то ему было уже лучше, и его любовные терзания как будто утихли. А теперь вот опять...

В последние дни он что-то очень волновался. А ведь какой здоровяк! Кто бы подумал, что он хуже всех нас будет переносить трудности пути. Теперь он определенно болен, опасно болен. Я говорил с ним сегодня, и он произвел на меня впечатление человека, которому жизнь стала в тягость. Это все морфий!.. Он морфинист... Я не понимаю, зачем профессор дает ему морфий?..

Свифт улыбнулся.

— Какой там морфий! Он получает почти чистую воду. Как видите, мы в подобных случаях даем больным обманчивое утешение, говоря, что они принимают морфий. А иначе, что делать с такими больными? Связать их, заковать?..

— Слушайте!.. — перебил его Гардинер.

На этот раз слышался мягкий, жалобный стон, словно голос больного ребенка. Очевидно, больной прибег к своему роковому успокоительному средству.

— Все-таки это удивительно! — задумчиво проговорил Гардинер. — Здоровый молодой мужчина вдруг ослабел, увял, дошел до потери сил, до бреда!.. И это в несколько дней...

— Амурные напасти, друг мой! — спокойно ответил Свифт. — Тут черт ногу сломит! Недуг его душевный, наши медикаменты перед ним теряют силу. Да признаться, и вся обстановка нашего путешествия, с ее однообразием, мало пригодна для душевнобольного... Ну, лежите спокойно! Поправляйтесь, не унывайте! Навещу вас завтра. Вам недолго осталось валяться!

К десяти часам вечера барак был готов, и Кимбалл пригласил Макдуфа осмотреть его. Затопили печку, и она сейчас же весело затрещала. Барак имел десять сажен в длину, шесть в ширину и две в высоту. В нем было просторно, светло, тепло, сухо. Стены его были плотны, крыша прочна, водоупорна. Два огромных окна щедро освещали помещение. Все было готово к приему останков участников экспедиции «Проктора».

На другой день с утра все, кроме Гардинера, Квоньяма и юнги, оставленного сторожить судно, отправились к ледяной могиле. Приступили к проламыванию большого лаза в передней стене. Макдуф просил действовать как можно осторож-

нее, чтобы глыбы льда не упали на трупы, не повредили их.

Скоро под ударами ломов лед поддался, и в передней стене ледяной полости образовалось отверстие, куда мог протиснуться человек. Макдуф первым кинулся внутрь и принял в объятия тело своего сына. Труп пошатнулся, и эта тяжелая глыба льда повалила бы старого ученого, если бы на помощь ему не подоспели другие.

Трупы бережно, один за другим, вынесли и положили в сани. Макдуф не отходил от своего сына. Он тихонько говорил ему нежные, ласковые слова, как больному ребенку. Он все повторял: «Твоя бедная мать, твоя жена, твой мальчик!»

В полдень замороженные трупы уже покоились в бараке. Затопили печку и поддерживали в бараке температуру, рассчитанную так, что полное оттаивание трупов должно было завершиться не ранее, чем через сутки.

Доктор Макдуф решил, что проведет в бараке всю ночь; с ним должен был посменно оставаться человек из экипажа, для присмотра за печкой. Мендес Лоа потребовал было, чтобы около каждого покойника, в изголовье, была поставлена восковая церковная свеча. Но их не оказалось в запасе, да притом, ввиду большой важности точной регулировки температуры, было гораздо удобнее освещать барак одной керосиновой лампой. Узнав, что около покойников свечей не будет, Мендес, добрый католик, наотрез отказался дежурить в бараке. Макдуф добродушно разрешил ему это.

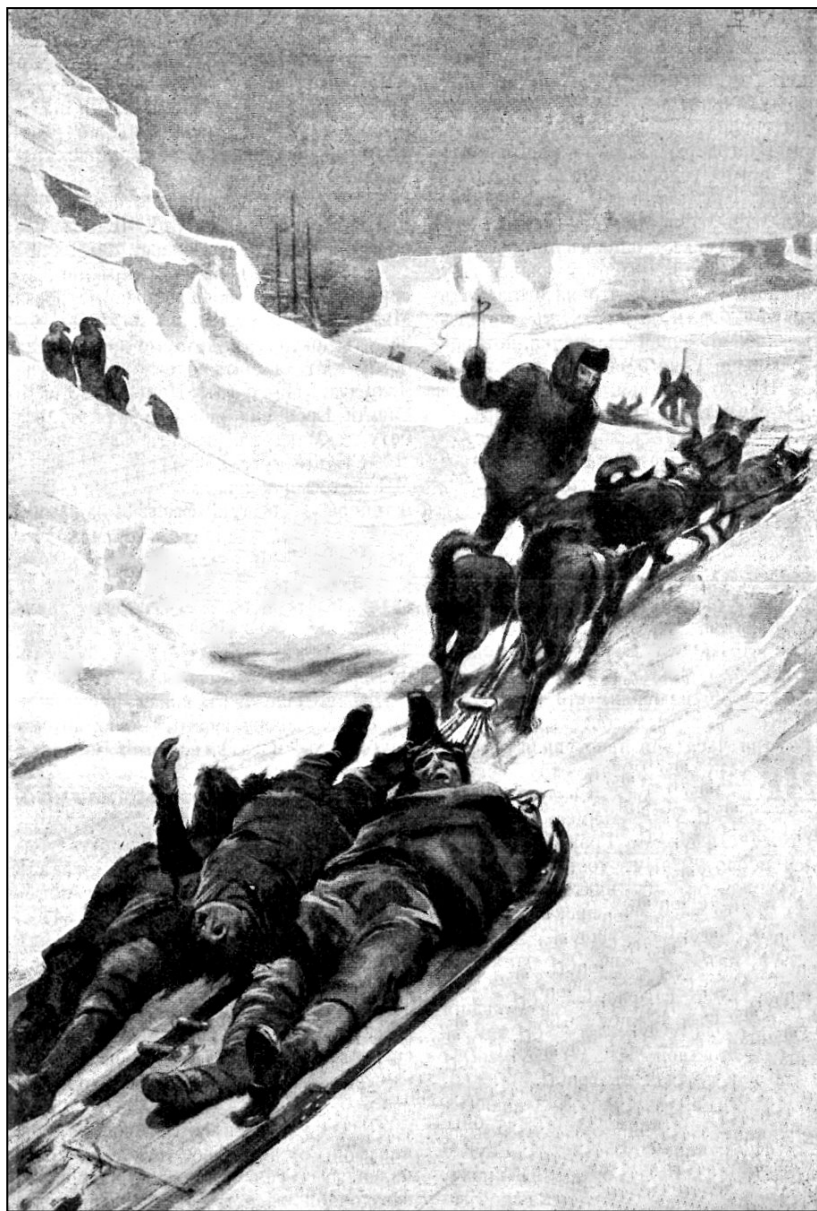
— Делайте, как знаете, — сказал он. — Да и в самом деле, вам, пожалуй, лучше будет оставаться всю ночь около вашего друга Квоньяма. Идите, развлеките его, усладите его последние часы.

— Как последние?.. — воскликнул Мендес. — Разве молодой человек так опасно болен?..

— Не знаю, но все может случиться, — уклончиво ответил Макдуф.

— Но отчего ему умирать, от какой болезни, Боже ты мой милостивый?..

— Ну, это не так легко вам объяснить. Могу вам только сказать, что он злоупотребляет морфием; пожалуй, никакой другой болезни у него и нет, но и этого одного за глаза

Трупы бережно, один за другим, вынесли и положили на сани.

хватит, чтобы отправиться на тот свет.

Весь этот разговор происходил по-английски; аргентинец, за истекшие два месяца, успел кое-как научиться этому языку и мог поддержать недлинную и несложную беседу. Он понял доктора.

— Зачем же вы даете ему морфий? — спросил он.

— Ему дается не морфий, а вода.

— Ничего не понимаю! — проговорил аргентинец, полагая, что он просто не уловил смысл слов доктора, потому что плохо понимал язык, на котором тот говорит.

— А вот вы последите-ка за ним, подстерегите его, и увидите сами, что у него где-нибудь в потайном местечке припрятана скляночка с настоящим морфием. Ею он и пользуется по секрету, она же и сведет его в могилу.

Эти слова, казалось, мало убедили охотника. Но он не сказал больше ни слова и вышел.

Как уже упоминалось, Квоньям, единственный человек из всей экспедиции, говоривший по-испански, сделался закадычным другом Мендеса. Состояние здоровья ботаника глубоко заботило и печалило аргентинца, особенно в связи с его суеверными мыслями насчет «желтоглазого» вождя экспедиции.

Макдуф, судя по его поведению и словам, тоже был до крайности озабочен состоянием Квоньяма. Он ежедневно навещал молодого атлета и беседовал с ним наедине целыми часами. О чем они беседовали? Квоньям никому не говорил, кроме своего закадычного друга-аргентинца, да и с ним был откровенен лишь по причине его немоты: Мендес, не владея английским, не имел возможности проболтаться.

Всем бросалось в глаза, что после каждого посещения Макдуфа Квоньям на некоторое время становился особенно весел, оживлен и возбужден; а через несколько часов после того — лежал пластом на своей койке, обессиленный, слабый, весь в поту, с пеной на губах. Тогда он брал шприц (доктор в этом не ошибался), доставал из-под подушки пузырек с раствором морфия и делал себе привычной рукой уколы в разные места тела. Об этом знали, и от этого не ожидали ничего доброго. И, тем не менее, всех определен-

но поразила та значительная и явная перемена к худшему, что произошла с ботаником в последние дни.

Мендес Лоа из барака пошел прямо в каюту своего друга. Тот спал тяжелым сном. Вдруг он встрепенулся, его лицо исказилось ужасом, и он начал громко бредить. Вскоре он пришел в чувство, знаком подозвал к себе аргентинца и начал что-то быстро шептать ему на ухо. Мендес слушал с жестами явного ужаса, изредка цедя сквозь стиснутые зубы энергичнейшие проклятия, которыми так богат испанский язык.

Между тем, приближалось время ежедневного визита доктора Макдуфа. Он не замедлил явиться, и аргентинец вышел.

Квоньям стал расспрашивать доктора о ходе дел с замерзшими трупами. Макдуф сказал ему, что тела уже лежат в бараках и что одежда скоро оттает. Тогда ее снимут с трупов, тщательно осмотрят все карманы, перепишут все найденные вещи, чтобы потом, на родине, погибших могли опознать по ним родственники, так как в настоящее время известны имена только двоих — Джорджа Макдуфа и Черча, опознанного братом.

— Итак, — заключил Макдуф, — скоро все наши дела тут будут закончены, и мы двинемся в обратный путь. Вам хочется домой, Квоньям?

— Да! — ответил больной, и его глаза загорелись самым радостным чувством. — Знаете, доктор, говорят, что любовь можно забыть, что расстояние и время способны потушить ее. Все это одни разговоры! Вздор! Никакие препятствия и никакие полюса, ни южный, ни северный, здесь не помогут. Коли любишь, надо оставаться в той же обстановке, в которой пребывает тот, кого любишь. Чем дальше уедешь, тем только больше измучишься. Поверьте мне, я это испытал на себе. Но ведь я не умру, вы не дадите мне умереть?.. Я успею вернуться домой?.. Знаете, это известие о скором возвращении на меня подействовало лучше, чем уколы... и мои... и ваши.

Он протянул профессору руку. Тот заметил, что она очень горяча, и сразу стал определять температуру больного обыч-

ным путем, поставив термометр под мышку. Показания термометра раздосадовали профессора.

— Температура ваша мне не нравится, друг мой, — сказал он. — Надо ее понизить. Я вам сделаю впрыскивание, которое приведет вас в порядок.

— Доктор, я не хочу упрекать вас, но ведь вы повторяете это каждый день. Вы делаете впрыскивание, и мне после него становится хорошо на несколько часов, а потом... Если бы вы видели, как я ворочаюсь без сна на постели!..

— Успокойтесь, успокойтесь!.. Вы не будете больше ворочаться. Скоро все это кончится...

На больного эти слова произвели какое-то странное действие. Он встревожился. Он даже попытался отдернуть руку, которую держал Макдуф, готовясь сделать впрыскивание. Его словно пугала какая-то новая, неведомая опасность. Но он ослабел и покорился пронзительному взгляду хищных желтых глаз старого ученого.

— Благодарю вас, — проговорил он слабым голосом, когда маленькая операция завершилась. Он машинально наблюдал, как Макдуф укладывал свой градусник и шприц в футляры, как клал футляры в карманы. Ему бросилось в глаза, что на этот раз Макдуф набрал жидкость в шприц из какой-то синей скляночки, которую он раньше у него не видал.

— Ну, до свидания, до завтра, друг мой! — сказал на прощание доктор. — Завтра вам будет гораздо лучше.

Завтракали всей компанией в салоне капитана судна. За столом недоставало только зоолога и ботаника экспедиции. За первого Манфред Свифт ручался: ему лучше, он в скором времени поправится. О втором доктор Макдуф выразился очень глухо. Он попросил распорядиться, чтобы больному дали покой и чтобы в каюту к нему никого не впускали. По его отрывистым словам все заключили, что часы бедного Квоньяма были сочтены...

В три часа дня приступили к раздеванию трупов и осмотру вещей. По этим вещам удалось точно установить личности Уильямса, Догерти, Бейли, Чепмена и Грандсона. Оставался неопознанным только один; но это, вполне очевидно, был не кто иной, как Хобби, упомянутый в списке

на доске, найденной внутри кэрна.

Тела погибших были после оттаивания тщательно вымыты. Затем, посредством впрыскивания в кровеносные сосуды и ткани, тела пропитали сильным противогнилостным средством. После этого их положили в гробы.

Напоследок собирались заняться телом Джорджа Макдуфа, как вдруг со стороны судна донесся громкий, отчаянный крик, заставивший матросов сломя голову выбежать из барака.

На палубе судна стоял Мендес Лоа и вопил во все горло испанские и английские слова и фразы, призывая Непорочную Деву и всех святых. Он казался обезумевшим. Он знал, что никто из американцев не говорил по-испански и, как умел, кричал по-английски:

— *My dear Quoniam is dead!**

И он все повторял это слово:

— *Dead, dead!*

— Как?.. Квоньям умер?!.. — переспрашивали его пораженные матросы. Многие из них тотчас побежали доложить докторам, которые продолжали осторожно снимать одежду с трупа Джорджа Макдуфа. При известии о смерти Квоньяма они прервали свою работу, и Макдуф сказал Свифту:

— Идите туда поскорее, Манфред! Мы потом покончим с этим делом! А теперь идите туда! Я последую за вами!..

Манфред бросился бежать. Макдуф заторопился вслед за ним. В каюте ботаника уже находился капитан судна, и это явно раздосадовало Макдуфа.

— Заприте дверь на замок! — крикнул он своему ассистенту.

Он подошел к койке, приложил к сердцу скончавшегося одно, потом другое ухо и затем, выпрямившись, сказал:

— Умер!.. Освидетельствуйте и вы, Манфред.

Ассистент наклонился, стал выслушивать. Он то и дело сменял одно ухо на другое, словно не доверяя себе. Обследование длилось, длилось без конца. Макдуф стоял в сторо-

* Мой дорогой Квоньям умер! (*Прим. ред.*).

не, вперив в ассистента свой хищный взгляд. Его внешность, вся его фигура в эти минуты могла бы испугать самого спокойного наблюдателя. Он чему-то глубоко радовался, он торжествовал, весь трепетал от торжества...

А Свифт все прослушивал, все никак не мог закончить, все, казалось, колебался. Загадочная радость Макдуфа быстро сменилась сильным раздражением.

— Вы что же это, Манфред, — насмешливо обратился он к ассистенту, — не научились до сих пор распознавать, жив человек или умер?

— Мне все кажется... — начал с видимым замешательством Свифт.

— Что же вам кажется? — резко перебил его Макдуф.

— Мне кажется, что можно еще различить слабое бие-ние сердца...

— Вам чудится, Свифт!.. У вас галлюцинации!

— Уверяю вас, доктор! Когда вы выслушивали, наступила, вероятно, временная остановка; а потом...

— Я слушал — сердце молчало; а вы начали слушать — и оно снова затикало?.. — проговорил Макдуф с едкой усмешкой.

Он вновь склонился над телом ботаника, внимательно прослушал его и сказал ассистенту:

— Повторяю вам, что он мертв! Потрудитесь еще раз выслушать и постарайтесь же, наконец, прийти к окончательному мнению. Ведь нас ждут! Надо составить законный акт о смерти.

Манфред Свифт поспешно приник к телу и с минуту слушал с минуту. На сей раз его мнение совпало с мнением учителя. Он больше не сомневался.

Капитан Кимбалл, все время с беспокойством и недоумением следивший за этим странным ученым спором, выслушал окончательное заключение докторов и вышел из каюты. Макдуф снова запер дверь на замок.

— Что с вами? — обратился он к своему ассистенту. — Вы, очевидно, не поняли того, что я толковал вам, о чем сказал с самого начала?..

— Виноват-с, я хорошо понял вас, как мне кажется. Вы говорили, что если тело вашего сына будет найдено в совершенно невредимом состоянии, а под руками будет свежий труп только что скончавшегося человека, мы постараемся пересадить сердце умершего, привить его вашему сыну... Это была гениальная мысль!

— Ну-с?..

— Я, конечно, ответил вам, что эту дивную операцию испробовать стоит, если представится случай, и что она, вероятно, будет успешна. Но ведь для этого нам был прежде всего нужен свежеумерший человек. Некоторое время я думал, что случай посылает нам зоолога Гардинера. Но он внезапно стал поправляться. Вы сами же так решили... Ну... потом я понял, что зоолога нам заменит ботаник с его любовными напастями. Но ведь надо же дождаться его смерти!.. А он еще жив!..

На лице доктора появилась ироническая и презрительная усмешка.

— Дождаться, пока он не умрет? — ответил он. — Вот этого-то я и опасался, Манфред. Выходит, что вы меня поняли только наполовину... Что же, позвольте вас спросить, — что же нам делать с сердцем человека, который *совсем* умер?.. На что оно нам? Ведь мы с вами не собирались повторять жалкие опыты Карреля — брать *второстепенный* орган у мертвого животного и прививать его живому животному. Поймите, речь идет о человеке, а не о животном, и не о второстепенном органе, а о сердце. Речь идет о безумно смелом опыте пересадки органов, о невероятной операции. Вдобавок, дело сводится к тому, чтобы воскресить умершего. Поймите это: отец собирается воскресить своего погибшего сына! Тут представляются такие трудности, так велика возможность неудачи, что нельзя пренебрегать *никакими* шансами на успех. Нам нужно не *мертвое*, а *живое* сердце! Вы сами понимаете, что, если человек умер, ну, хотя бы всего только двенадцать часов тому назад, то нам нечего и время терять, принимаясь за такую операцию. Она будет наверняка безуспешна! А я хочу, чтобы она была успешна! Я должен быть в этом уверен!.. Да, наш ботаник еще *жив*, хотя и

может быть выдан за мертвого. *Это-то* и обеспечивает успех задуманного нами!

Ассистент молчал, терзаемый мучительной нерешительностью.

— Теперь подумайте, — продолжал демон-искуситель, — какая же тут разница? Ну хорошо, подождем до завтра; завтра он умрет; но с ним умрут и все наши надежды. Это же мертвый человек; вы сами врач и сами это понимаете. Я и спрашиваю вас: какая разница для него — взять ли сердце сейчас или подождать несколько часов? Его уже нет, сознание не вернется к нему; он труп и теперь. Для нас же в этих нескольких часах вся сила и вся суть, на этом пункте зиждятся все шансы нашей удачи. О чем же нам задумываться, из-за чего колебаться? Речь идет о воскрешении человека и об успехе самой знаменитой операции, о какой хирурги наших дней и мечтать не смели. Вспомните, какую славу мы с вами разделим, если эта операция удастся! В летописях науки не будет более славных имен, нежели наши!

— Учитель, — ясным и твердым голосом прервал его Свифт, — с меня достаточно того, что вы сказали. Я ваш и последую за вами всюду, куда вы меня поведете. Я счастлив и горд тем, что приму участие в таком славном научном подвиге. Я сейчас, при вас, совершил неосторожность, но при вас же и искупил ее. Рассчитывая воскресить вашего сына, вы хотели влить в его жилы вашу кровь. Это не годится, вы человек старый. Я отдаю в ваше распоряжение всю свою кровь.

— Вот это дело! Теперь я вижу перед собой настоящего ученого и горжусь им, поскольку он мой ученик. Не будем же терять время. Позовите капитана.

Вскоре Свифт вернулся в сопровождении Кимбалла. Капитан произнес несколько обычных соболезнующих слов, прибавив, что молодой ботаник пал жертвой сурового климата и злоупотребления морфием.

— Тут было всего понемногу, — отозвался Макдуф, открывая тело покойного, покрытое сотнями точек — маленьких следов иглы шприца. После непродолжительного молчания капитан спросил врачей, пришли ли они к согласию

относительно смерти Квоньяма.

— Судите сами, — ответил Свифт, взяв палец Кимбалла и прижав его к руке умершего.

— В самом деле, пульса нет, — сказал Кимбалл. — Эх, бедняга! Исполнилось-таки его желание! Помните, как он вчера говорил, что хотел бы сегодня умереть?.. Ну, что же! Надо составить акт. Мы, конечно, отвезем его тело на родину вместе с прочими.

— О, разумеется! Забальзамируем его, отвезем на родину и передадим его семье.

Манфред Свифт, бросив подозрительный взгляд на труп Квоньяма, предложил перейти в лабораторию, чтобы там закончить обсуждение вопроса с капитаном судна, а к телу приставить кого-нибудь. Кликнули людей, и на зов явился аргентинец, словно ждавший, что его позовут. Ему объяснили, что от него требовалось, и он энергичными жестами дал понять, что все исполнит.

Когда ученые и капитан пришли в лабораторию и обменялись здесь обычными выражениями сожаления по поводу смерти спутника, Макдугф обратился к Кимбаллу со следующими словами:

— Капитан Кимбалл! Сын мой умер. Там лежит его бездыханное тело, сохранившееся во льду в нерушимой целости. Как вы знаете, тела его спутников уже забальзамированы и положены в гробы. Но тело моего сына еще лежит нетронутым. У меня было какое-то предчувствие, я чего-то ждал. И хорошо, что подождал. Теперь я могу предпринять попытку оживить это тело, остававшееся мертвым семь месяцев...

Капитан весь встрепенулся и несколько мгновений оставался нем.

— Разве это возможно? — пробормотал он.

— Это мы увидим через несколько дней. Я, во всяком случае, хочу попытаться. Ведь уже делали опыты с пересадкой и прививкой печени, почек, легкого; почему же не попытаться произвести пересадку сердца? Все возможно, все заслуживает испытания. Но для замены сердца, остановившегося семь месяцев тому назад, нужно сердце свежее, ко-

торое только что перестало биться. И вот, случаю было угодно, чтобы такое благоприятнейшее стечение обстоятельств осуществилось на деле. Несчастный Квоньям скончался как раз вовремя... Вот мы и решились, пользуясь таким исключительным совпадением случайностей, приступить к самой удивительной, неслыханной хирургической операции. Мы возьмем сердце из трупа несчастного молодого ученого, который только что скончался, введем его в грудную полость моего сына, закрепим его там нашими опытными, привычными к операциям руками — и посмотрим, что из этого выйдет... Пройдет два-три дня — и сын мой оживет!..

Пока Макдуф говорил, Кимбалл то и дело машинально хватался рукой за лоб. Он спрашивал себя: сам ли он спит, или сошел с ума, или слушает человека, который лишился рассудка?.. Но он взглядывал на Манфреда Свифта, видел его спокойное, уверенное лицо, и его сомнения рассеивались. Очевидно, старый профессор не шутил и не бредил. Капитан мало-помалу примирялся с мыслью об этой чудовищной операции и уже начинал обдумывать, как отнесутся к ней люди экипажа и что он, их командир, должен им сказать, чтобы их успокоить.

Обдумав все это, он сказал:

— Вам, вероятно, понадобится помощник. Позвольте, в таком случае, предложить вам свои услуги. Будет лучше, если вашим помощником стану я, чем кто-нибудь из матросов. К тому же, покойный Джордж, ваш сын, был моим другом, и я буду рад принять участие в его оживлении.

Доктор Макдуф охотно принял предложение услуг Кимбалла. Собираясь уже уходить с этого потрясшего его до глубины души совещания, Кимбалл попросил инструкций у главы экспедиции.

— Пока что, — отвечал ему Макдуф, — составьте законный акт о смерти Квоньяма. Затем осторожно предупредите людей о нашей попытке. После распорядитесь, чтобы сюда перенесли тела Квоньяма и моего сына. Необходимо, чтобы в течение нескольких дней мы оставались здесь, в лаборатории, совершенно одни. Никто не должен нам мешать. Лучше всего было бы на это время удалить с судна всех лю-

дей. Теперь тепло, и они могут жить в бараке; вдобавок, в нем имеется печь.

— Хорошо, все это будет исполнено, — сказал Кимбалл.
— Можете на меня положиться.

ЧУДОВИЩНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Когда мертвенно-бледный Кимбалл вышел, Свифт сказал своему учителю:

— Вы слышали и видели его! Остановитесь, пока есть время, доктор! Меня охватывает ужас!

— О, Манфред! Вы, в свою очередь, приводите меня в ужас своей слабостью, своим ребячеством! — воскликнул Макдуф. — Кимбалл человек умный, развитой, образованный. Неужели, по-вашему, он не понял, в чем тут суть?.. Не понял, что мы его обманываем, что Квоньям вовсе не умер, а только оглушен, парализован?.. Будьте уверены, что он сознает это, и, тем не менее, не противится нашему предприятию, а, напротив, берется пособить нам, помочь во всем, что от него зависит.

— О, не обманывайте себя! — взмолился Свифт. — Если бы никто, кроме нас двоих, не знал об этом деле и не участвовал в нем, мы еще могли бы действовать спокойно. Мы совершили бы злодеяние, но нас оправдало бы нечто высшее, чему мы служим — Наука! Но кто теперь поручится за этого капитана?.. Что, если он спохватится, поймет, что является пособником преступления, одумается, расскажет обо всем? Ведь эти люди нападут на нас, свяжут, увезут в Америку и там предадут нас в руки правосудия! Вспомните, что Квоньям еще жив; морфин еще далеко не сделал свое дело. Он жив и не скоро еще умрет, может быть, и вовсе не умрет. Другое средство, которое вы пустили в ход, вызвало только временное окоченение тела, но ведь эта иллюзия через несколько часов пропадет... и тогда...

— Ну?.. И тогда?.. Что же будет тогда, обдумали ли вы это, Манфред?.. Если Кимбалл все понял и все взвесил, и обещал нам помогать, мы тем спокойнее можем на него положиться. Он не только не предаст нас, но, наоборот, найдет средство защитить нас от толпы невежд и изуверов, из которой состоит наш экипаж. Джордж был его другом; если

он будет знать, что его участие способствует оживлению его друга, его воскресению, это не ослабит его решимость, а подкрепит ее. А разве вы ни во что не ставите сознание, что он участвует в таком поразительном, феноменальном торжестве науки, что его имя будет навеки связано с этим торжеством?.. Наконец, я прошу вас подумать, что произойдет, если мы отступимся от своего намерения. Я ввел Квоньяму аконитин* в количестве одного миллиграмма. Вы знаете, что действие такой дозы продолжается всего четыре часа. Время идет. Скоро четыре часа пройдут, наш покойник проснется, потянется, зевнет и попросит пить!.. Хорошо это будет?.. А мы, врачи, светила медицинского мира, тем временем подмахнем официальный протокол о его смерти!..

— Ну так что же?.. Признаемся в своей ошибке... — попытался еще протестовать впавший в малодушие ассистент.

— Полноте, Манфред! Что попусту разговаривать! Если уж вы так пали духом, то ступайте и ложитесь в постель. Я скажу, что вы внезапно захворали. Я тогда один возьмусь за дело. Кимбалл мне поможет.

И снова слабовольный Свифт сдался под этим решительным натиском свирепой родительской любви и не менее свирепой жажды научной славы.

— Довольно, учитель, довольно с меня того, что вы сказали, — проговорил он. — Простите мою минутную слабость. Я готов! Не будем же терять время.

Раздался стук в дверь. Пришел капитан. Он принес акт о смерти Квоньяма и просил ученых просмотреть его, занести в него название болезни, ставшей причиной смерти, и подписать бумагу. Когда все это было выполнено, Макдуф попросил капитана немедленно распорядиться о перенесении тел Джорджа Макдуфа и Джустуса Квоньяма в лабораторию.

* Аконитин — солеподобное вещество, извлекаемое из некоторых растений сем. лютиковых, главным образом из представителей рода *Aconitum*, откуда и его название. Это один из самых сильных ядов; его смертельная доза 3-4 миллиграмма.

Тела перенесли, все вышли, лаборатория была наглухо заперта, и двое ученых стали готовиться к операции. Все это делалось молча. Говорить им было и вправду и не о чем, поскольку каждый до последней мелочи знал, что следовало делать; за плечами обоих была колоссальная хирургическая практика. Макдуф только молча указал Свифту на обнаженное тело своего сына, который лежал на столе, словно спящий, — до такой степени свежим и сохранным было это тело, семь месяцев пробывшее в замороженном состоянии.

Настала страшная минута. Следовало еще раз удостовериться в том, что сердце ботаника не перестало биться.

Свифт, собираясь приложить ухо к груди Квоньяма, невольно отшатнулся. Но суровый и непреклонный взгляд учителя заставил его подавить волнение. Он слушал с минуту, потом выпрямился и кивнул головой Макдуфу.

— All right! — спокойно сказал тот, готовясь приступить к делу.

Учитель и ученик с засученными рукавами приблизились к телу Квоньяма. Артистическим движением ножа старый хирург вскрыл грудную полость, чтобы открыть доступ к сердцу. Но в эту минуту откуда-то сверху донесся душевраздирающий крик.

Ученые подняли головы и увидели в вентиляционном отверстии, проделанном в углу потолка, растрепанную голову и искаженное ужасом лицо Мендеса Лоа. Он просунул голову в эту дыру и, казалось, застрял в ней, не мог оттуда высвободиться.

Макдуф был раздражен, Манфред испуган до полусмерти: ему почудилось, что этот вопль вырвался из распоротой груди Квоньяма...

Но дикой сцене был тотчас же положен конец. Люди, слышавшие крик аргентинца, прибежали и вытащили его. В шуме и гомоне голосов раздавались сухие, отрывистые, ясные приказания капитана.

Аргентинец вопил, как бешеный, и его вопли были ничуть не менее страшны оттого, что никто не понимал их. Людей, которые приближались к нему, он бил изо всех сил,

раздавая удары направо и налево. Капитан встревожился, потому что среди града испанской ругани у аргентинца вырывались и английские слова, явно метившие в профессора и его ассистента. Он распорядился связать бесноватого и заточить его в карцер.

Операция продолжалась.

Макдуф расширил отверстие на груди Квоньяма, рассек ребра и обнажил сердце. Оба оператора припали к зияющему разрезу и, затаив дух, посмотрели на сердце. Оно еще билось. Жизнь в нем не угасла.

На лице-маске Макдуфа появилась довольная улыбка.

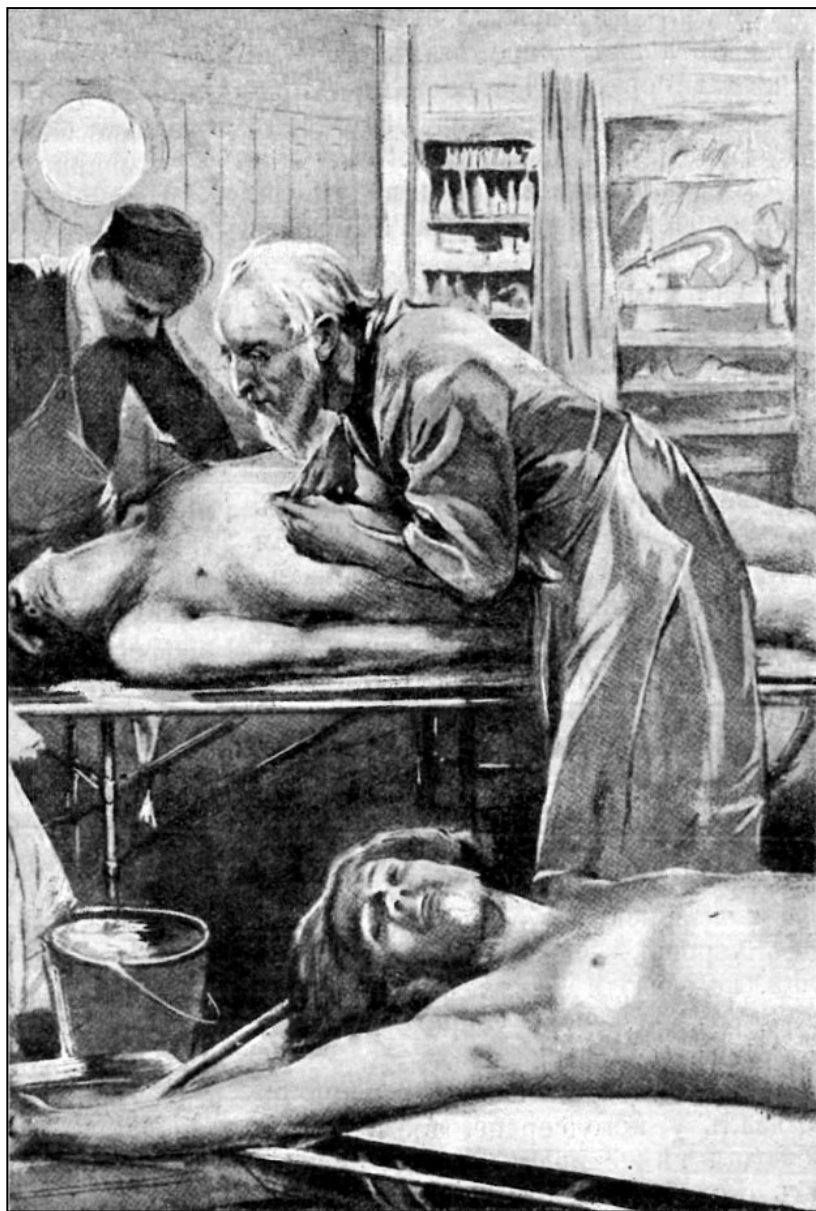
— Оставим пока этого, — сказал он.

Они перешли к соседнему столу и повторили ту же операцию на трупе Джорджа Макдуфа. Рука Свифта была тверже и, пожалуй, даже опытнее. Старик поручил вскрытие сына ему, напомнив при этом об ответственности, какая ляжет на него за малейший промах. Свифт искусно выполнил свою задачу.

Вскоре на груди трупа уже зияло такое же отверстие, как у Квоньяма. Ткани и мускулы предстали перед хирургами в удивительной сохранности. Манфред перерезал аорту на четыре пальца выше сердца; затем перерезал легочные вены, верхнюю и нижнюю полые вены.

— Хорошо, — похвалил его Макдуф, следивший за его ножом, не отводя глаз. — Теперь уберите все это. Теперь моя очередь!

Он вернулся к телу Квоньяма и вырезал у него сердце, в точности соблюдая те же приемы, какие применял его ассистент на трупе Джорджа. Затем поднял это, еще бьющееся, вырванное из живого тела сердце и перенес его в грудь сына. Игла и шелковые нитки были наготове. Трепещущее сердце жертвы было вставлено на место вынутого из трупа, и Макдуф приступил к его закреплению, налагая всюду, где требовалось, швы. Эта кропотливая, требовавшая чрезвычайного внимания, знания и искусства работа длилась два часа. Под рукой оператора возникала точная копия живой природы, детальное воспроизведение всех подробностей анатомии сердца и окружающих его важных сосудов. Видно

Старик перенес сердце в грудь сына...

было, что старый профессор полностью держал себя в руках. Он задушил в себе отцовские чувства и превратился в оператора, который в эту минуту не знал других переживаний, кроме желания блестяще провести и закончить несслыханное хирургическое предприятие.

Наконец, сердце было на месте, твердо, точно, правильно закрепленное. Оставалось зашить разрез на груди и наложить повязки.

Когда со всем этим было покончено, настала очередь последней, решающей фазы операции. Надо было влить в сердце Квоньяма струю живой человеческой крови, чтобы под ее влиянием сердце начало свою обычную физиологическую работу — забилося! Мы уже знаем, что первоначально на это дело хотел отдать свою старую кровь сам профессор Макдуф, но Манфред Свифт просил воспользоваться его более свежей и молодой кровью.

Для переливания крови были нелишни услуги третьего лица. Позвали капитана Кимбалла.

Прежде всего, тело Квоньяма завернули в саван, вызвали двух матросов, приказали им принести гроб, положили в него тело, и матросы отнесли гроб в трюм.

Пока совершалась операция, сердце Квоньяма по необходимости должно было остановиться, и эта остановка длилась два часа. Теперь возникал роковой вопрос — начнет ли оно снова работать, возбужденное притоком живой крови?.. Теория говорила: да. Но что скажет практика?..

Подавая Кимбаллу какой-то сосуд с отходившими от него резиновыми трубками, профессор сказал:

— Будьте добры, подержите эту вещь, прямо и твердо. Сейчас Манфред вскроет себе вену и пустит свою кровь, а вы будете крепко держать этот сосуд: это облегчит мне перекачивание крови в тело моего сына.

Он ввел наконечник трубки в разрез, сделанный Свифтом на своей руке, а другую трубку ввел в соответствующую вену на руке сына. Потом он начал нажимать грушу.

Наступила немая сцена. Старик склонился над трупом сына, работая насосной грушей. Свифт спокойно стоял, про-

тянув руку, из которой выкачивали его кровь. Между ними неподвижно, с аппаратом в руке, застыл капитан судна.

Скоро живая кровь с автоматической правильностью потекла по жилам покойника... Время шло... Перекачали уже около полбутылки крови... Манфред был бледен, не столько от потери крови, сколько от тревоги за исход операции. Что, если чужое сердце в чужом теле откажется ожить?.. К чему же тогда были совершены все эти ужасы?.. На каменном лице старого ученого читалось жесточайшее, боязливое нетерпение...

Но вот ухо его уловило слабый, чуть слышный ритмический толчок. Кровь заставила сердце биться!

— Сердце забилося! — вскричал профессор тоном победоносного торжества. — Бьется!.. Еще одну минуту, дорогой Манфред!.. Да... оно бьется, бьется!.. Раз, два, три, четыре!.. Ура!.. Теперь и пульс слышен! Началось правильное кровообращение. Ура!..

Он попросил капитана поставить аппарат на стол, бросился к своему ассистенту и быстро остановил кровь. Потом все трое наклонились над телом оживленного покойника.

Профессор был словно в экстазе. Он трепетал от блаженства при виде оживающего сына и успешного результата этой фантастической операции, — неслыханного триумфа хирургии, который обессмертит его имя.

— Бьется! — подтвердил Свифт.

— Бьется! — подтвердил в свою очередь и капитан Кимбалл, весь даже побелевший от изумления. Ему стало хорошо, он был готов лишиться чувств и оперся рукой о плечо Свифта, прошептав:

— Никогда бы не поверил в подобное чудо, если бы не увидел воочию!..

XV

ВОСКРЕСЕНИЕ

Старик-профессор провел две ночи и два дня в опасливом ожидании. Сын его продолжал медленно «воскресать». Сердце работало, разгоняло кровь по всему телу, и мертвые органы один за другим пробуждались.

К концу второго дня стали заметны движения в ногах, на третий день — задвигались руки. Грудь начала чуть-чуть приподниматься — обозначались первые, слабые шаги восстановившегося дыхания. Старый профессор, не смыкая глаз, сидел около сына и ловил признаки его оживания.

— Я не лягу спать раньше, как через 8-10 дней, когда мое дитя до такой степени вернется к нормальной жизни, что в его воскресении не останется никакого сомнения, — заявил

он Манфреду Свифту. Ассистент также не покидал своего кресла около постели воскресающего. Все заботы о возбуждении круговорота жизни в этом, пока еще бесчувственно лежавшем теле, Манфред взял на себя. Он вливал в желудок Джорджа обеззараженное молоко, впрыскивал ему в вены физиологический раствор соли, проделывая с неподражаемым мастерством и тщательностью все, что предписывала наука. Как и профессор, он решил не спать, пока успех операции не будет окончательно доказан.

Оба они сидели около оперированного, по временам переглядывались, и в их взглядах сверкала гордость ученых, которые удачно совершили нечто небывалое, неслыханное и невозможное.

Тем временем капитан Кимбалл созвал всех людей экипажа в барак, чтобы подготовить их к ожидаемому необычайному событию: восстанию из мертвых человека, замерзшего полгода тому назад. Он, конечно, не мог вдаваться во все подробности ужасной операции; «обмен сердцами» мог еще быть постигнут Беннетом, Паттенотом и Гардинером, но остальным пришлось дать лишь общие и сбивчивые объяснения. Впрочем, никакие объяснения не помогли бы простым матросам постигнуть сам по себе чудовищный факт воскресения заведомого мертвеца.

Впечатление, произведенное сообщением капитана, оказалось колоссальным. Юнга был так им поражен, что совершенно ошалел, ничего не понимал, ни за что не мог взяться. Попробовали послать его в лабораторию, чтобы там прибраться; но при одной мысли, что он увидит в лаборатории ожившего покойника, у него подгибались ноги от ужаса, и он весь дрожал, словно его бросили голым на лед.

Общее же мнение обо всем этом происшествии сложилось в умах экипажа немедленно после сообщения капитана: такое дело не могло совершиться без участия чертовщины. А тут, как раз вовремя и кстати, припомнили и слова бесноватого аргентинца, ни на мгновение не сомневавшегося в том, что старый доктор связался с дьяволом. Словом, вслед за сообщением Кимбалла среди экипажа воцарился почти панический ужас; таково было господствующее наст-

роение. Ждали чуда и чуда страшного, невероятного...

Во время оживленного обмена мнениями, среди которых владычествовала «чертовщина», из общего гула выделился голос боцмана. Этот впал в другую крайность; если матросы видели в качестве центральной оси событий черта, боцман, напротив, готов был счесть старого профессора существом едва ли не божественным, одаренным силой самого Господа Иисуса, воскресавшего мертвых.

На третий день после операции, как уже сказано, Джордж Макдуф начал пошевеливать руками, а затем у него появилась слабая дрожь в веках; около углов губ также обозначилась как бы попытка сокращения мышц. Врачи поспешили растереть ему уши, лоб, щеки, и на этих местах выступил румянец.

На четвертый день в лаборатории наступило сущее торжество и ликование: Джордж Макдуф открыл глаза. Взгляд его был мутен, бессмыслен, он еще ничего не видел, — это не подлежало сомнению, — но этот признак оживания был, по своему значению, не менее важен, чем первые удары сердца.

Старый Макдуф ждал, забывая себя, и нетерпение его все возрастало. Он видел проблески жизни, но появятся ли проблески сознания?.. Овладеет ли воскресший словом, мыслью?.. Что, если он остановится на ступени животной жизни и дальше не пойдет?..

На пятый день в глазах появилось первое осмысленное выражение; Джордж стал походить на человека, пробуждающегося от сна. Макдуф и Манфред ожидали полного возвращения сознания не позднее следующего дня.

Теперь они не сводили глаз с лица своего пациента. Заметив, что лицо воскресающего задержалось, старый профессор крикнул Манфреду и Кимбаллу, только что вошедшему в лабораторию:

— Поднимите его под руки! Прислоните спиной к подушке, чтобы он сидел!.. Я сам буду следить за ним!.. Мне что-то показалось...

Джорджа осторожно приподняли; теперь он сидел, облокотившись на подложенные за спину и с боков подушки.

Все трое впились глазами в его лицо.

Губы воскресшего дрогнули, потом разомкнулись, задвигались... Он говорил... Это была первая, рудиментарная попытка членораздельной речи. Из уст Джорджа вылетали тихие, смутные, непонятные звуки, но старый профессор даже не старался расслышать их; он был теперь глубоко убежден, что его сын вскоре заговорит осмысленно.

Воскресший, очевидно, узнал лицо отца: его глаза ожились, в них появилось выражение умиленной радости. Он повел глазами по сторонам. Он кого-то искал взглядом. И вдруг послышались уже ясные и отчетливые, хотя тихие, как шепот, слова:

— Эмма, Тоби, где вы?..

Радостный и гордый, старый профессор склонился над сыном, стараясь не упустить ни единого признака возрождения его разума. Едва ли с самого дня сотворения мира существовал отец, который смотрел бы в лицо своего ребенка с такими странными чувствами и мыслями, какие овладели сейчас ученым старцем.

Кимбалл, в свою очередь, разинув рот, смотрел на человека, которому удалось совершить такое чудо из чудес. Что же касается Манфреда Свифта, он беспокоился. Он боялся, что старик Макдуф может увлечься, что отец может взять в нем верх над ученым, что он утомит воскресшего, истощит его еще слабые силы.

Макдуф, на вопрос сына о жене и ребенке, тихо и нежно ответил:

— Погоди, ты скоро их увидишь, и свою Эмму, и своего Тоби. Мы приехали за тобой и отвезем тебя туда, к ним. Только надо быть очень, очень осторожным. Слушайся меня. Тебе вредно любое сильное волнение. Тебе надо еще долго спать. Потом мы наговоримся досыта. Успеет еще! А сейчас не надо разговаривать. Ты слышишь меня, понимаешь, что я сказал?..

Джордж болезненно сморщился. Его мысли уже вязались одна с другой, но дело шло еще туго.

— Еще спать? — пробормотал он. — А мне казалось, что я и так уже спал... долго, долго!..

Глаза воскресшего оживились...

— Да, дитя мое, но этого мало; надо еще поспать. Поверь в этом своему старому отцу, который приплыл издалека сюда, к тебе, чтобы спасти тебя.

— Отец, — проговорил воскресший, чьи глаза вновь ожило сознание, — да... отец!.. Так это ты здесь, отец?..

— А ты и не узнал меня?.. Ну, тут нечему удивляться. Ведь ты вернулся из далеких краев, дитя мое.

— Ах, да!.. Я помню эти ужасы... льды... А где же другие?..

— погоди, потерпи... Мы поговорим и о них, поговорим обо всем. На сегодня довольно. Ты и так уж совсем утомился. Спи! Надо еще спать!

— Надо?..

— Надо, дорогой мой, необходимо, ради твоего же блага.

— Моего блага?..

Воскресший, видимо, затруднялся понять эти слова. Общие представления у него еще не сформировались.

— Спи же, спи, мой Джордж, — продолжал старый профессор. — Ты теперь упрямисься, как в те годы, когда ты был малюткой, помнишь?.. Когда мать укладывала тебя в твою теплую постельку...

— Мать, мама... Бедная мама!..

И впалые глаза забегали по сторонам, ища знакомый образ любимой матери.

— Увидишь и маму. Она тебе споет колыбельную песенку. Помнишь, и я тебе напевал.

Воскресший легко воспринимал воспоминания детства. Он понял, о чем говорил отец. Должно быть, он вспомнил и песенку. Старый Макдуф запел ее своим старческим голосом, и его сын, словно снова превратившись в ребенка, которого убаюкивают родители, слушал, слушал, тихо улыбаясь, потом задремал и заснул. Его снова уложили и укутали. Чтобы обеспечить долгий и спокойный сон, отец сделал ему впрыскивание какого-то снотворного.

— Смотрите, не ошибитесь! — невольно вырвалось у Кимбалла, когда старый профессор выбирал склянку с нужным снадобьем среди бесчисленного множества других.

Макдуф и внимания не обратил на его предостережение, но Свифт вздрогнул, и это не укрылось от старика. Он поспешил выпроводить Кимбалла из лаборатории и обратился к своему ассистенту:

— Слушайте, Манфред. Вы определенно ведете себя как одержимый! Вам, должно быть, неотступно чудится ад, и мне думается, что вы в самом деле туда попадете!

— Я принял участие в этом злодействе, но не раскаиваюсь и не жалею, потому что оно помогло вам вернуть к новой жизни вашего сына. Но, как бы я ни был убежден в нашем праве распоряжаться жизнью бесполезного человека, каким бы сильным ни сознавал я себя под защитой этого права, как бы твердо ни был я убежден в отсутствии бесплотной души внутри нашего тела, я все-таки не в состоянии отделаться от того чувства, которое обычно называют угрызениями совести, и это повторяется каждый раз, когда я слышу хоть какой-нибудь, самый отдаленный намек на смерть того человека...

— Угрызения совести? — иронически перебил его старик. — Что такое совесть? Что это за орган? В какой части тела он помещается? Простонародье, сколько помнится, верит, что угрызения совести происходят где-то около кишечника. Это, пожалуй, недурно придумано... Знаете что, Манфред? Бросьте вы, наконец, все эти глупости! Вы обещали мне, что мы больше не будем возвращаться к этому предмету. Наблюдайте-ка лучше повнимательнее за нашим пациентом. Подежурьте, у вас сил больше. А я немножечко посплю. Затем сменю вас.

И усталый старик почти немедленно заснул.

Проснулся он уже на другой день. Он протер глаза и с некоторым неудовольствием увидел, что сын его не спит, а разговаривает с Манфредом.

— Отчего же вы меня не разбудили? — сказал он ассистенту. — Давно ли он проснулся?

— С четверть часа, не больше. Ему гораздо лучше. Он совсем оправился и первым заговорил.

Старик встал с кресла, на котором спал, склонился к сыну, поцеловал его в лоб. Джордж подал одну руку ему, дру-

гую Манфреду, помолчал с минуту, потом тихим голосом сказал:

— Отец, я вчера не сразу заснул... Я слышал, как вы разговаривали с Манфредом... Вы говорили о каком-то злодействе, об угрызениях совести, о чьей-то смерти... О каком злодействе вы говорили?..

Злодейство? Какое злодейство? И кто говорил о злодействе? Врачам нетрудно было убедить своего немощного пациента, что все это ему только померещилось. Однако взгляды, которыми они при этом обменялись, красноречиво говорили, как они упрекали себя за неосторожность.

Внимательно осмотрев сына, старик воскликнул:

— Bravo! Пройдет еще несколько дней, и тебе можно будет встать с кровати, ходить по комнате, а потом и на воздух выйти, сойти на землю!

— Ох, не говорите мне о земле! — взмолился бедный Джордж. — Увезите меня как можно скорее из этих проклятых мест! Увезите меня к маме, к Эмме!.. Но где же мои спутники?

На последний вопрос ученые ловко избежали ответа. Больного приподняли, усадили на постели. День был прекрасный, теплый, солнечный. Макдуф позвал Кимбалла. Они были друзья детства, школьные товарищи с Джорджем. Старику хотелось, чтобы сын увидел и узнал своего закадычного друга.

Когда Кимбалл вошел, Джордж всмотрелся в него, затем протянул ему руки, обнял его, поцеловал, назвал по имени.

— Вот это хорошо! — весело воскликнул Кимбалл. — Он узнает друзей, значит, все у него наладилось, все как следует!

Старик Макдуф, опасаясь, что восхищенный Кимбалл может сболтнуть что-нибудь лишнее, поспешил овладеть разговором.

— Ну вот, дитя мое, — начал он, — здоровье теперь вернулось к тебе, ты овладел силами и телесными, и духовными. Ты поставлен на ноги. Ты смотришь, видишь, слышишь, узнаешь своего отца, узнаешь его старого друга Манфреда,

узнал и своего приятеля Кимбалла. Ты не спишь, не грезишь, все это происходит наяву. Я вижу, что теперь ты достаточно окреп и оправился, и хочу разрешить тебе сегодня поведать нам о гибели твоей экспедиции. Если только это не очень тебя взволнует, постарайся припомнить все; если же чувствуешь, что память у тебя еще плохо работает — оставь пока, не вспоминай и не рассказывай нам ничего. Время терпит.

— Мне вовсе нетрудно припомнить, я и так все помню, — отвечал Джордж. — Но, Боже, как все это было страшно, ужасно!.. Это было в конце марта, мы уже тронулись в обратный путь... У нас были собраны великолепные коллекции, мы составили новую карту обследованных местностей... Но тут вдруг на нас налетел циклон.

— Это мы знаем, — вставил свое слово профессор.

— Как же это?.. Кто вам сказал?

— А вот эта доска!.. Разве ты не помнишь, как оставил в кэрне эту доску с надписью?

И Макдуф показал ему доску, которую хранил, как святыню.

— Ах, да!.. Кэрн!.. Помню... О, я не могу забыть эти дни... и эти ночи!.. Все у нас вышло, ничего не было, есть было нечего... Ели сырое мясо птиц, даже птичий помет... А вокруг снег... Началась буря, и мы брели вперед, сами не зная куда, лишь бы только быть спиной к ветру, который колот и резал лицо острыми льдинками... Потом, помню, все выбились из сил, идти дальше не могли... Я завел всех в какой-то сталактитовый грот и сказал им, что нам надо тут остаться, ждать смерти... И все согласились... Нам больше ничего и не оставалось... Помню, Черч и Хобби плакали... А Чепмен говорил: «Черт бы побрал эту науку, которая завела нас сюда на бесполезную гибель!..» И это, кажется, были последние слова, какие я слышал... Да... помню еще, как переругивались между собой Уильямс и Грандсон... они от голода собирались отгрызть друг у друга уши... Я стоял на ногах, пока мог, старался подать пример другим... Должно быть, это было в полдень, было светло... Припоминаю еще, как я протянул руку и сказал: «Родина, которая издала сле-

дит за нашими усилиями, рано или поздно почтит нашу память...» Дальше уж ничего не могу припомнить... Ночь, тьма, смерть... Но как случилось, что я не умер?.. Как я ожил?.. Объясните мне это!

Отец нежно успокоил его, просил подождать. Все будет ему рассказано в свое время, обо всем он будет знать.

Вдруг Джордж обернулся к окну лабораторной каюты, в которое целым потоком вливались лучи солнечного света. Он, видимо, был поражен и взволнован.

— Я ничего не понимаю, отец, — заговорил он. — Право, мне все еще думается, что я во сне, в кошмаре... Да... конечно, все это сон. Иначе откуда бы взялось это теплое, яркое, весеннее, если не летнее солнышко?.. Я в бреду, во сне... Подумайте сами, подсчитайте. После крушения мы добрались до земли 30 марта. Последняя картина, которая встает в моей памяти — это я и мои спутники в том гроте, сталактитовом... Это было, самое позднее, 2, ну, 8 апреля. Значит, стояла осень?.. Когда же вы нашли и оживили меня?.. Теперь лето... Это сон, сон!.. Я вижу вас всех во сне... Это не вы, а ваши тени... Мы с вами блуждаем где-то в преисподней, как Данте... Ну, сон так сон, я рад жить и видеть вас хоть во сне. Но в этом есть какая-то тайна, которую я не постигаю. Отец, ты отрицаешь всякие тайны... Как ты объяснишь все то, что тут у нас сейчас происходит? Где мы? В Елисейских Полях?.. Но разве они существуют?.. Если да, то значит, душа бессмертна. Значит, сказания древних об Ахероне — не пустой миф?.. Милый мой Дуглас, ты помнишь, как мы с тобой зубрили мифологию в школе? Помнишь?..

Старый Макдуф, не говоря ни слова, наполнил шприц снадобъем и подошел к сыну.

— Дай-ка руку, — сказал он ему. — Вот так. Чувствуешь ты укол, ощущаешь его?

Джордж ясно ощутил укол, даже негромко вскрикнул.

— Вот тебе, дитя мое, лучшее доказательство, что ты не спишь. Слышишь? Ты не спишь, и мы вовсе не тени, и ты не во сне видишь нас. Постараюсь как можно скорее объяснить тебе все, что кажется тебе непостижимым и сбивает тебя с толку. Но пока что успокойся, доверься своему отцу,

своему другу. Ты еще слаб. Лишние разговоры, лишние объяснения подорвут твои еще не окрепшие силы. Твое выздоровление было долгим, трудным, тянулось месяцы. Мы приложили так много усилий, чтобы спасти тебя, и не можем допустить, чтоб эти усилия пропали даром.

— Как?.. Тянулись месяцы?..

— Да, месяцы, — ответил старик, успев перемигнуться с Манфредом и Кимбаллом, чтобы те не выдали его.

— А-а!.. Это другое дело... Теперь я понимаю... Но зачем же вы столько времени пробыли здесь?.. Почему не вернулись в Филадельфию?.. Я вижу, что нахожусь на судне?..

— Мы перезимовали здесь, только и всего. Когда мы увидели, что тебя все нет, что ты не возвращаешься из экспедиции, Пауэлл...

— Славный Пауэлл! — перебил его Джордж. — Значит, он и эту новую экспедицию снарядил на свои средства?

— Именно! Вот мы и отправились на этом судне отыскивать тебя. И знаешь, как называется наше судно? «Эмма Пауэлл».

— Это очень мило придумано!

— А капитаном судна мы взяли твоего приятеля Кимбалла. Ну вот, мы и тронулись в путь и прибыли сюда в марте, значит, как раз в то время, когда ты двинулся в обратное плавание.

— Но когда же вы нашли нас?

— Да, выходит, что в тот самый день, когда вы гибли, замерзали.

— Вот удивительное совпадение!..

— Именно что удивительное, не правда ли? А главное, какое счастливое совпадение!

— Где же вы нас нашли? Далеко отсюда?

— Нет, здесь и нашли, поблизости. Вот подожди, когда ты совсем поправишься, я сведу тебя в ту пещеру, где ты едва-едва не был погребен навеки.

— Значит, вы нас нашли там уже бездыханных, без чувств, немедленно вслед за тем, как мы впали в оцепенение?

— Да, вероятно, спустя два-три часа после того, как вы лишились чувств.

Впалые, бледные щеки Джорджа зарделись лихорадочною любопытства, и он все продолжал свои расспросы, не проявляя видимого утомления.

— Это настоящее чудо!.. Диковинное стечение благоприятных случайностей.

— Да, конечно. Ну, теперь уже ты и сам поймешь, что трогаться в обратный путь было не время, наступала зима. Да и нельзя было думать вернуть тебя к жизни среди встряски на волнах бурного полярного моря. Мы и зазимовали в этой закрытой бухте. Тебя перенесли сюда, превратили нашу лабораторию в больницу. Натура у тебя мощная, сильная, здоровая. Благодаря этому нам и удалось оживить тебя... Так минули апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь. Вот уже семь месяцев, как мы живем в этой Антарктиде, на завоевание которой ты отправился. И только на днях я, наконец, смог с уверенностью сказать и себе, и Манфреду, и Кимбаллу, что мой Джордж спасен, что борьба между жизнью и смертью для него кончилась, что жизнь победила... Да, сын мой, повторяю тебе, ты вернулся издалека! Мы успешно разморозили тебя, но потом ты перенес тиф, после тифа скарлатину. С тобой пришлось возиться, как с малым ребенком. Скажи спасибо доброму Манфреду и своему ближайшему другу Кимбаллу.

Наступило молчание. Джордж, понурившись, о чем-то раздумывал. Затем он снова вспомнил о своих злополучных спутниках. Сколько раз уже он о них спрашивал и не получал ответа...

Отец медлил с ответом. Сказать ли правду?.. Надо ли, полезно ли это будет?

Но Джорджем овладевало неодолимое нетерпение. Он настойчиво повторил вопрос:

— Другие, другие, отец! Мои спутники?..

— Дитя мое, твои спутники не так легко отделались, как ты, хотя и ты не легко отделался. Только ты, ради Бога, не волнуйся! Против законов природы...

— Значит, они погибли?

— Погибли...

— Все?

— Все, — еле внятно ответил отец. Кимбалл и Манфред подтвердили его слова молчаливыми кивками.

— Умерли!.. Все!.. Боже, какое пробуждение досталось мне на долю! — воскликнул несчастный Джордж, хватаясь за грудь, в которой вдруг жутко и болезненно забилося чужое сердце. — Отец, о, отец!.. Манфред!.. Вы были правы!.. Рано было говорить мне об этом! Мое бедное сердце еще не в силах это перенести... Теперь мне конец... я этого не вынесу... я умру...

ГРОЗНЫЙ ОБЛИЧИТЕЛЬ

Доктора бросились к нему, опасаясь, что слова больного могут оправдаться. К счастью, дело обошлось простым обмороком. Воскресшего быстро привели в чувство. Но Макдуф тут же дал себе слово не открывать рта в присутствии сына по крайней мере неделю. О том же он просил Кимбалла и Манфреда. Тщетно в течение этой недели быстро оправлявшийся Джордж задавал им сотни вопросов; они отвечали ему одним и тем же условным жестом: не произнося ни слова, прижимали палец к губам.

Только один раз верный Кимбалл решился нарушить этот договор, да и то лишь затем, чтобы прошептать:

— После! Ты и так немало пострадал от этих преждевременных тревожных разговоров. Тебе все расскажут и объяснят, но не прежде, чем ты вполне справишься.

— Ты клянешься?

— Клянусь, но в то же время умоляю тебя не разжимать рта, пока тебе этого не разрешат. Тебе придется потерпеть еще четыре дня. Ешь хорошенько, спи, отдыхай, набирайся сил. Все это, ты и сам понимаешь, необходимо для твоего выздоровления.

Джордж и впрямь понимал всю основательность этих требований. Он грустно улыбнулся и вздохнул.

— Ты прав, — сказал он, — я должен уговориться хотя бы для того, чтобы дать отдых бедному отцу и Манфреду, которые из-за меня не знают покоя ни днем, ни ночью.

— Это верно. Ведь они не спали, как следует, столько ночей!.. Не меньше, как шесть или семь...

— Только? — с удивлением вставил Джордж.

Кимбалл понял, что невольно проболтался, но быстро нашелся:

— Я хотел сказать, что они не меньше шести-семи месяцев не высыпаются как следует.

Прошла неделя, и за это время все успели хорошо от-

дохнуть. Больной вновь вполне оправился, и его состояние быстро улучшалось. Было решено разобрать барак, погрузить его на судно и вслед за тем двинуться в обратный путь.

Среди людей экипажа все еще царил ужас, и они с трепетом ожидали, когда им покажут воскресшего покойника. Завзятые фанатики веры рассказывали товарищам истории о покойниках, воскрешенных при посредстве снадобий, доставленных самим дьяволом людям, продавшим ему душу. От этих историй волосы у слушателей становились дыбом. Мало-помалу такая же легенда сложилась и о профессоре Макдуфе. Он тоже продал душу черту, и черт дал ему бутылку с живой водой для воскрешения мертвых. Сначала Макдуф хотел воскресить всех людей погибшего экипажа. Когда их нашли, он начал с своего сына, попробовал чертово зелье на нем. Проба вышла удачной. Тогда он начал просить у дьявола еще того же зелья, чтобы воскресить остальных. Но тут нечистый слукавил; да он и вообще никогда ничего не дает даром. Он потребовал в обмен душу за душу. Хочешь получить порцию зелья для того, чтобы воскресить человека — давай за нее душу другого человека. Вот доктор-чернокнижник и будет платить дьяволу людьми экипажа, или выдаст дьяволу расписки на каких-нибудь своих недругов, оставшихся на родине. Дьявол потом их и приберет к рукам. А тут, кстати, Черч припомнил, как старый доктор говорил ему, что если, мол, хочешь воскресить своего брата, пожертвуй свою душу. Речь, положим, шла о сердце; но — душа, сердце, не все ли равно? И это совпадение дела со словом в свою очередь производило сильное впечатление. Однако, среди экипажа нашлись и скептики, своего рода нигилисты, которые только пожимали плечами, слушая бредни матросов. К этой скептической группе примыкали машинист Торн и боцман Скотт. Таким образом, на судне образовались две партии, и между ними уже обозначались зачатки вражды.

Кимбалл следил за настроением умов и сообщал о нем Макдуфу. Они решили как можно скорее положить конец всем этим толкам о чертовщине, представив весь экипаж в полном составе новому, «воскресшему» пассажиру «Эммы

Пауэлл». Церемония была назначена на воскресное утро.

Люди собрались перед входом в лабораторию и стояли, почти трепеща от страха. Лейтенант Беннет стоял впереди, чтобы войти первым, как только дверь откроется. Он просил людей держаться потише, не разговаривать громко, чтобы не встревожить еще слабого, выздоравливающего человека. Но это предупреждение было совершенно излишним, потому что люди и без того молчали, как немые, видимо, подавленные мыслью о предстоящем невиданном зрелище.

Торн побаивался за будущее. Он знал, что повар Смит, лидер партии сторонников чертовщины, решил не пожимать руку «мертвеца», если тот протянет ее ему, и своим единомышленникам советовал воздерживаться от прикосновения к страшному существу. Механик Торн не вытерпел и назвал его ослом. Вражда между партиями от этого изрядно усилилась, и сторонники повара готовы были причислить Торна и Скотта к числу сообщников старого профессора.

Наконец, дверь лаборатории отворилась. Люди молча вошли один за другим и стали полукругом, в три ряда. В первом ряду были лейтенант Беннет, астроном Паттен и зоолог Гардинер.

Среди воцарившегося молчания доктор Макдуф обратился к собравшимся со словами:

— Господа ученые сотрудники экспедиции и вы, друзья мои, я позвал вас сюда для того, чтоб представить вам моего сына Джорджа Макдуфа, начальника той самой погибшей экспедиции, на поиски которой мы отправились. Мой сын разделит судьбу всех участников своей экспедиции. Он замерз, как и все остальные, и оставался в виде замороженного трупа с апреля этого года. И вот теперь, благодаря новым методам, которые выработаны медицинской наукой, благодаря также особо благоприятному стечению некоторых обстоятельств, наконец, благодаря помощи, которая была мне оказана двумя моими друзьями, доктором Манфредом Свифтом и нашим капитаном Дугласом Кимбаллом, мне удалось вернуть этому человеку утраченную жизнь. И я вдвойне горжусь и ликую при этом успехе: и как ученый, которому удалось совершить неслыханное и почти невероят-

ное дело, и как отец, вернувший себе погибшего сына. Теперь он еще слаб и будет простым пассажиром на нашем судне. Я уверен, что все вы полюбите его и подружитесь с ним, когда он вполне оправится, выйдет из этой каюты и появится среди вас. Но он уже и теперь настолько оправился, что я впервые решаюсь заговорить с ним, при всех вас, обо всех обстоятельствах его воскресения из мертвых.

Старик во время своего спича не сводил глаз с сына. Манфред и Кимбалл тоже внимательно следили за ним. Он был еще слабоват, и неизвестно было, как он вынесет известие о том, что был не просто приведен в чувство после чего-то вроде обморока и потом вылечен от тифа и скарлатины (как он до сих пор думал), а в самом деле воскрешен из мертвых, ибо оставался трупом семь месяцев. Когда Джордж услышал, что он «оставался трупом с апреля этого года», на его лице ясно отразилось сильное впечатление, оказанное на его этой новостью. Чтобы не дать ему времени на излишние размышления, Кимбалл поспешил приступить к церемонии представления членов экспедиции и людей экипажа. Беннет, Паттен и Гардинер поочередно подошли к Джорджу, пожали ему руку, обменялись словами приветия и отошли в сторону.

Настала очередь второго круга.

— Вот наши скромные спутники и соратники, — сказал Кимбалл, представляя машиниста и боцмана.

Оба они скромно пожали руку Джорджу.

К счастью, повар и его сторонники не решились выполнить свою угрозу и подали руки Джорджу, так что и с этой стороны все обошлось благополучно. Когда дошла очередь до Черча, капитан напомнил Джорджу, что на «Прокторе» был его брат.

— Да, это так!.. Бедный Черч!.. — сказал Джордж.

Юнга, к своему удивлению, не умер от страха. «Мертвец» ласково потрепал его по щеке своей слабой и бледной рукой.

Когда все люди поприветствовали его, Джордж пожелал обратиться к ним с коротенькой речью.

— Дорогие друзья мои, — сказал он, — не знаю, как бла-

годарить вас за отвагу и преданность, с какими вы явились в эти ужасные места к нам на выручку. Увы, я счастлив, — но мои злополучные спутники не смогли разделить мое счастья! Спасибо вам за то, что вы пришли ко мне и протянули мне ваши дружеские руки. Я навеки останусь другом всем вам, вплоть до этого милого мальчугана... Итак, теперь я видел всех, кто прибыл сюда на этом судне?

Чей-то голос в задних рядах тихо и сдержанно ответил:

— Нет, тут не все. Одного нет.

— Здесь нет двоих, — добавил другой голос.

Кимбалл поспешил разъяснить, что они понесли потерю в лице одного из членов экспедиции, а именно ее молодого ботаника, Джустуса Квоньяма.

— Ах, бедный!.. — сказал Джордж. — Ну, а другой?..

— Другой-то жив и здоров, — ответил капитан, — но пришлось его заковать и засадить в карцер. Это тюленепромышленник, аргентинец; мы взяли его с собой, потому что он хорошо знает эти места, много лет охотился тут на тюленей и мог служить проводником. Он, как раз, первым и набрел на вашу могилу во льду.

— Как же можно оставлять человека в карцере в такой день? — с упреком вымолвил Джордж, обращаясь к отцу и капитану.

Отец что-то тихонько ответил ему, но Джордж возразил:

— Ну так что же! Все равно, уж надо его простить, что бы он ни сделал. Я уверен, что вы мне не откажете. Ведь это моя первая просьба по возвращении к жизни. Прикажете освободить этого беднягу! Или приведите его сюда хоть в цепях. Я сам и сниму с него цепи, если позволите. Не правда ли, друзья, хорошо начать новую жизнь с прощения?

Послышались тихие одобрительные возгласы.

Капитан Кимбалл, захватив с собой людей, пошел за Мендесом, а Джордж тем временем снова принялся горячо благодарить отца и его ассистента за их труды и заботы о его воскресении из мертвых. Затем он спросил:

— Но что такое совершил этот человек, за что его заковали?

Отец снова что-то шепнул ему, и могло показаться, что

симпатия Джорджа к арестанту несколько охладела. Но все же он сказал отцу:

— Ну, что уж там! Разве есть такие преступления, которые совсем невозможно простить?

Между тем, Кимбалл вернулся в лабораторию, приведя с собой скованного аргентинца. Тот был всклокочен, взволнован; он вошел, выпучив свои черные, яркие глаза и, едва взглянув на Макдуфа и Манфреда, сейчас же от них отвернулся. Макдуф немного тревожился по поводу исхода свидания сына с Мендесом. Но что мог сказать аргентинец со своим убогим знанием английского языка? Каково же было его изумление, когда Джордж сразу обратился к Мендесу с вопросом на испанском! Аргентинец мгновенно так и расцвел от удовольствия. Вопросы и ответы, никому из присутствовавших не понятные, быстро следовали друг за другом; видно было, что эти два человека совершенно свободно объяснялись и вполне понимали один другого.

— Разве ты знаешь испанский, Джордж? — спросил его отец. — Ведь у вас в школе не преподавали этот язык?

— Это верно, отец. Я, уезжая из Филадельфии, не знал ни слова по-испански. Но к югу от Магелланова пролива мы подобрали в море двух испанцев-рыбаков с погибшего судна. Высадить их было некуда, мы их и взяли с собой, чтобы на обратном пути доставить на родину. От одного из них я и выучился говорить по-испански. Разве никто из вас не знает испанского?

— Никто. Переводчиком нам служил умерший ботаник Квоньям.

Едва кончился этот разговор доктора с сыном, как аргентинец разразился резкими, отрывочными фразами, грозно обвиняя старого профессора, его ассистента и капитана. Ни один из них не понимал слов аргентинца, однако все трое чувствовали, что речь шла о них, и опасались впечатления, которое могли произвести на Джорджа обвинения Мендеса. А Лоа все говорил и говорил; его глаза метали молнии, он поворачивался всем корпусом, потрясал связанными за спиной руками, и с каждой минутой его речь становилась все бешенее и бессвязнее.

Джордж хотел о многом его расспросить, о многом потребовать разъяснений, но ему не удавалось вставить ни слова; аргентинец не позволял ни остановить, ни прервать себя. В начале его бурной филиппики Джордж только пожимал плечами; он, видимо, не верил словам аргентинца и считал их бредом. Но затем он невольно начал вслушиваться. Очень вероятно, что покойный Квоньям рассказал Мендезу все, сказал и о том, что старый профессор намеренно его чем-то отравлял под видом лечения...

Мало-помалу исхудавшее лицо Джорджа приняло выражение, глубоко встревожившее Макдуфа, его ассистента и капитана. Он поддавался Мендезу, начинал находить в его рассказе какие-то связующие нити с тем, что ему было известно. Фантазии аргентинца и факты действительности начинали сцепляться и складываться в нечто целостное...

Пока Мендес продолжал разглагольствовать, Джордж все больше и больше бледнел. Это бросилось в глаза и Макдуфу, и его ассистенту, и капитану. Отец решил положить этому конец. Он наклонился к сыну и сказал ему:

— Ты позвал его за тем, чтобы собственноручно снять с него оковы. Такними же, и пусть он убирается ко всем чертям. Он всех нас оглушил своей болтовней, да и тебя явно расстроил.

— Дуглас, — обратился Джордж к своему другу, — вели отвести этого аргентинца обратно в карцер. Я просил за него, отец согласился его простить. Пусть так и будет. Но я сначала хочу обдумать его слова.

— Это какой-то слабоумный, — заметил Кимбалл.

— Я и сам вижу, что слабоумный, так что всего разумнее будет оставить его еще на некоторое время под надзором.

— Но что же такое он тебе рассказывал?

— Так, глупости, — ответил Джордж, обеда усталым взглядом отца, его ассистента и капитана, и снова повторил: — Пусть его отведут назад в карцер.

Силы, очевидно, покинули его. Он глубоко вздохнул и упал на подушки.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Джордж попросил, чтобы его оставили в покое, дали ему подумать. Он сослался на утомление, на беспокойство, возбужденное в нем всем, что ему пришлось узнать за последние дни. Старый Макдуф был этим очень доволен и окружил сына строжайшим карантинном. Молчание, одиночество, сон, отдых и укрепляющая пища, — это был как раз тот режим, о котором он давно уже мечтал для своего пациента.

25-го ноября Джорджу, очень окрепшему, позволили встать с постели. Его тепло одели, он походил по каюте, посидел в покойном кресле. Отец решил, что такой порядок жизни он должен выдержать месяц, а потом можно будет разрешить ему выходить на палубу, дышать живительным морским воздухом. Скоро «Эмма Пауэлл» должна была выйти из бухты Воскресения (как назвали и обозначили на карте заливчик, где совершилось все описанное); оставалось только разобрать барак и погрузить его на судно. Отплытие было назначено на 1-е декабря; следовательно, в Филадельфию экспедиция могла прибыть в марте, считая, конечно, остановку в Буэнос-Айресе.

Люди экипажа охотились в окрестностях стоянки, а Паттен и Гардинер собирали все, что им попадалось, чтобы хоть вернуться домой с не совсем пустыми руками. Оба врача почти не выходили из лаборатории, все опасаясь каких-нибудь осложнений в состоянии здоровья Джорджа. Но их опасения с каждым днем все более и более рассеивались. Капитан же хлопотал над приведением судна в полный и образцовый порядок.

Между тем, погода, после продолжительного периода тишины и покоя, начала медленно ухудшаться. Барометр со дня на день падал. 29 ноября Кимбалл, сопоставив все атмосферные условия, пришел к заключению, что на ту область, где находилась экспедиция, надвигается ураган.

Джордж теперь часто разговаривал с ним, но их разго-

воры не выходили за рамки морской специальности: говорили о погоде, о предстоящем пути, о необходимости до начала урагана выбраться в открытое море.

30 ноября утром Кимбалл внезапно наткнулся на профессора Макдуфа и его ассистента, тепло одетых и, очевидно, куда-то собравшихся. Он удивился и спросил их, куда они отправляются.

— Да, вот, едем! Вы пока приглядите без нас за нашим пациентом. Нас не будет часа два или три. Съездим к Ледяной могиле. Возьмем с собой Торна и Скотта... Вообразите, зачем мы туда едем! У моего бедного сынка появилась удивительная фантазия. Ему непременно захотелось захватить мешочек земли из пещеры, где он замерз; он хочет поделить эту землю между своей матерью, женой и ребенком... словно паломник к святым местам!.. Ну, что делать! Приходится самим путешествовать за этой землей, а то он сегодня же хотел отправиться туда сам и начать долбить лед, пока не доберется до почвы...

— ...Которая лежит там на глубине 4 или 5 футов подо льдом, — перебил Макдуфа Кимбалл. — Вам надо запастись самыми надежными ломами.

— Насилу удалось уговорить его; он все хотел непременно сам добыть эту землю. Но ведь это безумие! Он не выдержал бы и пяти минут такой каторжной работы. Ну, кое-как его уломали... Вот теперь и отправляемся.

Едва сани с четверьмя путниками тронулись, как Кимбалл пошел в лабораторию к своему другу. Джордж, открыв окно, наблюдал за отъездом отца и его спутников. Когда они отдалились, он запер окно; когда же в каюту вошел капитан, запер и дверь и, усадив своего друга, немедленно заговорил с ним. Сразу стало понятно, что он нарочно отослал отца и Манфреда, чтобы иметь возможность переговорить с Кимбаллом наедине.

— Садись сюда, друг мой, — начал он почему-то не по-английски, а по-французски (быть может, из предосторожности, чтоб никто из случайно услышавших их беседу ничего не понял). — Надеюсь, ты скажешь мне всю правду и одну только правду. Ведь, если бы тебе понадобилось, ты тоже по-

требовал бы от меня правды!

— В чем дело, дорогой Джордж? Ты что-то кажешься мне чересчур уж взволнованным...

— Это верно, друг мой! Я вообще-то человек спокойный, ты это сам знаешь. Но теперь — дело иное... Теперь, брат, все переменилось... Но прежде, чем я расскажу тебе о том, что меня мучает и терзает, поклянись памятью твоего отца и твоей матери, что будешь отвечать на все мои вопросы сущую правду, без всяких уклонений и умолчаний.

— Клянусь, — отвечал удивленный этим торжественным вступлением Кимбалл.

— Ты, может быть, и сам заметил, что я все эти дни искал случая удалить отца и Манфреда, чтобы остаться с тобой наедине.

— Признаться, не заметил...

— Все эти восемь дней, Дуглас, меня терзали самые отвратительные сомнения. Ты слышишь?.. Самые отвратительные сомнения.

— Тебе наболтал каких-то глупостей этот полоумный аргентинец...

— Он не говорил мне никаких глупостей.

— Но ты же сам тогда сказал, что он рассказывал тебе глупости, вздор...

— Да... но я сказал так, чтобы скрыть чувства, которые вызвал у меня его рассказ.

— В чем же дело?

— Дело в том, что мой отец, гениальный ученый, стремясь вернуть меня к жизни, вложил в эту грудь чужое сердце вместо моего, остававшегося мертвым семь месяцев...

— Это так.

— А откуда он взял это новое сердце?

— Как откуда? Конечно, из груди другого человека! Не мог же он сам создать его!

— Из груди другого?.. Значит, другой человек должен был умереть ради моего воскресения?

— Безусловно. Но ты ведь знаешь, что на нашей планете каждую секунду умирает ровным счетом один человек.

— А как звали того человека, чье сердце в настоящую ми-

нуту бьется в моей груди? Сердце, силой которого я живу, хожу, сижу, ем, мыслю, говорю, чувствую, смотрю на тебя в эту самую минуту?..

— Джустус Квоньям. Это был ботаник нашей экспедиции. Но тебе же это известно!

— Хорошо. Остановимся пока на этом. Значит, я живу благодаря тому, что мне было пересажено сердце этого Квоньяма, умершего так кстати и вовремя?..

— Это было случайное совпадение. Покойному Квоньяму, очевидно, было бы все равно: от него здесь ничего не зависело, и он не смог бы ничего изменить.

— Случайное совпадение?..

— Без сомнения. Случаю было угодно, чтобы один из участников экспедиции скончался вскоре после того, как мы нашли тебя в ледяной могиле. Твой отец и воспользовался этим, чтобы провести смелую, отважную, неслыханную хирургическую операцию, которая обессмертит и твое, и его имя.

— Дутлас! Прошу тебя, собери свои воспоминания, припомни все, все!.. Припомни все... и признайся — ведь ты поклялся говорить мне правду! — признайся, что мой отец убил Квоньяма!

— Джордж! Опомнись! Что ты говоришь? О ком ты говоришь?

— Я говорю об отце! Он не колебался совершить преступление из любви ко мне!

— Это невозможно, Джордж! Ты сделался жертвой безумных рассказов этого юродивого. Он с первых дней пребывания на судне начал бунтовать матросов, внушал им, что у доктора Макдуга дурной глаз, что все они погибнут вместе с ним...

— Мендес Лоа все знает, — перебил его Джордж, — и все мне рассказал.

— Все?.. Но что же именно?

— Он подружился с ботаником, поскольку тот один знал испанский. Однажды Квоньям сказал ему, что профессор, под предлогом и под видом лечения, медленно убивает его.

— Бред морфиниста!

— Нет, не бред морфиниста, а разоблачение жертвы, которая чувствует, как она гибнет, беззащитная, под ударами своего палача!.. Но это еще не все!

— Что же еще?

— Так как мой отец всю эту экспедицию затеял именно с целью произвести опыт пересадки и прививки сердца, он заранее озаботился захватить с собой слабого, болезненно-го человека, который не вынесет тягостей пути. Сначала на роль жертвы был обречен Гардинер. Ему уже и начали делать какие-то впрыскивания, подготавливавшие его смерть. Но тут вдруг Манфред Свифт, тщательно осмотрев его, обнаружил, что у него бугорчатка. И вот болезнь, которая уже делала крупные успехи, внезапно остановилась, и он начал выздоравливать. Тогда отец обратил внимание на Квоньяма. Это был крепкий, цветущий молодой человек, у которого слегка помутилось в мозгу от обманутой любви или чего-то в этом роде... Верно ли я говорю?

— И да, и нет. Подробности вполне точны, но суть...

— И суть тоже. Идея, которой был одержим отец, постепенно росла, ширилась, принимала все более и более ужасное направление...

Джордж слабел на глазах от страшного волнения. Кимбалл решил было прервать этот опасный разговор, но Джордж не желал и слушать.

— Правда, — продолжал он, — аргентинец все это понял по-своему, и у него все выходит нелепо. У него на первом плане стоит дьявол и продажа ему человеческих душ. Но из этой нелепости, однако же, ярко выступает бесспорный факт: этот злополучный ботаник был совершенно здоровым человеком, и отец, чтобы овладеть его сердцем, искусственно вызвал его увядание и смерть. Несчастный сперва твердил, что от лекарств, которыми его пользовал отец, ему становится хуже, потом жаловался, что у него от этого лечения по жилам растекается огонь. В последний день жизни он хотел громко прокричать это прямо в глаза отцу, но тот за-гипнотизировал его своим властным взглядом, и жертва не осмелилась восстать против палача! Однако потом он сказал Мендесу: «Этот человек отнимает у меня жизнь для то-

го, чтобы поставить надо мной опыт, как над собакой или кроликом. Отомсти за меня, мой единственный друг!»

— И ты поверил этим рассказам?

— Да, потому что эти рассказы объясняют все остальное. И я восстановил все случившееся, восстановил усилиями разума, который вновь действует — и благодаря чьим стараниям, сердцу, гению?.. Благодаря гению человека, любовь которого я должен благословлять, а жестокость — проклинать!.. То, что я узнал от аргентинца, связало все воедино, скрепило все в стройное целое. Квоньям умирает, и вот под рукой оказывается орган, необходимый для операции, а главное, оказывается как раз в нужный, заранее определенный момент... С той минуты, как его сердце перестало биться, прошло, быть может, всего лишь несколько часов... Но есть еще другое предположение, другая вероятность, о которой я не смею и говорить...

Кимбалл понурил голову. Что-то вдруг ярко сверкнуло в глубине его сознания. Ему припомнились слова Квоньяма у Ледяной могилы, когда тот высказал нетерпеливое желание умереть на следующий день; вспомнил, как старый профессор, услышав эти слова, подхватил и повторил их, словно запасаясь нужной ссылкой. Вспомнил затем и о странной сцене у трупа Квоньяма, когда между двумя врачами начался спор о том, бьется ли сердце пациента или уже остановилось... Неужели жертва была вскрыта живьем, и из ее груди было изъято живое сердце?.. Кимбалл не осмеливался допустить такую догадку. Ведь если это так, то он, Кимбалл, — сообщник злодеяния!..

— Дуглас, милый мой друг Дуглас! — продолжал между тем Джордж, хватая своего приятеля за руки. — Признайся откровенно, по чистой совести, что мне удалось восстановить всю картину совершенного отцом злодейства, по крайней мере, в главных чертах... Ты не отвечаешь?.. Ты отворачиваешься?.. Ты согласен, что аргентинец сказал правду?..

Кимбалл не знал, что и отвечать. Страшное преступление вставало перед его глазами, видение разгоралось и светилось ярким пламенем... Джордж ждал его ответа. Он, возможно, был бы счастлив, начни Дуглас с жаром отрицать

вину его отца; ему так не хотелось верить в нее! Но капитан был прямолинейно честным человеком. Он не умел врать, не умел жонглировать истиной.

— Я не буду спорить с тобой, Джордж, — сказал он, и его глаза наполнились слезами. — Все сказанное тобой возбудило у меня такие подозрения, что я ничего не могу сказать тебе в опровержение... Остается только...

— О, Дуглас, не говори, не прибавляй больше ни слова! С меня довольно и того, что ты уже произнес. Мне только и надо было услышать от тебя подтверждение моих догадок. А дальше я сам знаю, что делать! Отец вернется в полдень, и я буду иметь с ним решительное объяснение.

— Джордж! Ты все погубишь из-за излишней щепетильности. Конечно, она делает тебе честь... Но... Не поздно ли?..

— Сделать то, что следует, никогда не поздно!

Тем временем солнце, до сих пор ярко светившее, вдруг померкло. В каюте стало темно. Послышался свист ветра, а затем вдалеке прогремел раскат грома. В окнах каюты замелькали крупные хлопья снега. То тут, то там раздавались громкие удары дверей, хлопавших от ветра; слышался звон разбивавшихся стекол.

Дуглас Кимбалл кликнул Беннета и наскоро отдал ему необходимые приказания.

— Пожалуйста, капитан, — просил Беннет, — как только сможете, поднимитесь наверх и взгляните сами. На нас, видимо, движется ураган. Не будет ли благоразумнее всего немедленно выйти в открытое море?

— Как так немедленно?.. Я заговорился и прозевал бурю?!..

— Хорошо, если это только буря, — возразил Беннет. — Но мне уже дня три казалось, что собирается нечто из ряда вон выходящее, вроде циклона или урагана.

Капитан выглянул в иллюминатор и увидел возвращавшихся на судно докторов Макдуфа и Свифта, густо запорошенных снегом.

— Я поднимусь вслед за вами, лейтенант, — сказал он Беннету. Потом, склонившись к Джорджу, прошептал: — Умоляю тебя, подожди, молчи, не говори пока ни слова!

ЧУДОВИЩНЫЙ СПОР

Едва старый Макдуф вошел в каюту, едва успел положить мешочек с землей на стол, как Джордж обратился к Манфреду с вежливой просьбой оставить его наедине с отцом для некоторых объяснений, при которых не могут присутствовать посторонние лица.

Манфред сразу побледнел, как мертвец. Шатаясь, он вышел из лаборатории.

— Что это?... — спросил Макдуф. — Почему никто не должен нас слышать? Что может быть таким секретным?

Он, конечно, догадывался, о чем пойдет речь, и это его раздражало и сердило. Он давно ждал объяснения, он чувствовал, что сын недаром потребовал, чтобы его целую неделю не беспокоили. Все это время он что-то обдумывал. И старый профессор угадывал предмет его раздумий.

— Отец, — заговорил воскресший из мертвых, став лицом к лицу с отцом, — ты дважды дал мне жизнь...

— Ну?.. — перебил его Макдуф. — И что же? Ты находишь, что второй раз был лишним?..

— Да.

Несмотря на всю свою твердость и самоуверенность, старик был поражен таким ответом. Он вздрогнул, поправил очки, вперил в сына свои желтые глаза хищной птицы и прямо спросил:

— По какой же причине?

— Причина у меня одна, но такая веская, что ее одной достаточно. О других, пожалуй, можно и не упоминать.

— Не говори лишнего. Это тебя только утомит. Ты бы лучше выпил свою микстуру; должно быть, ты совсем забыл о ней, пока меня не было.

Сын сухо отказался от лекарства.

— Я и так достаточно бодр и крепок для того, чтобы высказать тебе все, отец. Я тебя глубоко уважаю, но и глубоко сожалею о тебе.

— Любопытная сыновняя благодарность!...

— Ты лучше не взывал бы к чувствам! Да, я чувствую к тебе сыновнюю признательность. Ты очень многое для меня сделал и заслужил ее. Да, ты дважды дал мне жизнь, и я знаю, на что ты решился, чтоб дать мне ее во второй раз. Я воссоздал все твои чувства и соображения. Когда ты узнал, что люди с «Проктора» лежат замерзшими в своей ледяной могиле, ты подумал о том, что замороженные трупы, в условиях полярного климата, могут сохраняться без малейшего тления целые годы. «Значит, — говорил ты себе, — мой сын цел и невредим, и его еще можно попытаться воскресить. Хирургия, всеми тайнами которой я владею лучше, чем кто-либо другой на свете, дает мне средства осуществить эту попытку. И я возвращу моего Джорджа и себе, и его старой, больной матери, и жене, и сыну».

— И?..

— И вот ты отправился меня разыскивать и отыскал. Тогда мысль о воскрешении меня из мертвых представилась тебе осуществимой. Тебе нужен был теперь только свежий покойник, чтобы извлечь из него свежее сердце, которое ты пересадил бы своими руками мастера в мою грудь. До этого момента нашей истории ты кажешься мне единственным, удивительным, неподражаемым, достойным моего сыновнего обожания!

— Только до этого момента?

— Да, только до него... Увы, дальше уже начинается злодейство, преступление. Злодейство затмило возвышенную идею... Тебе нужен было покойник, а его не было. Но за этим дело не стало!.. Не знаю, возникла ли у тебя мысль об убийстве еще там, дома, в Филадельфии?.. Вероятно, что так, судя по всему. Иначе зачем было брать с собой бедного Гардинера? Он казался тебе обреченным на смерть, и надо было лишь так рассчитать, чтобы его смерть совпала с обнаружением наших трупов. Только бы эти трупы остались в сохранности!.. Обстоятельства благоприятствовали тебе. И вот мало-помалу, одержимый своей навязчивой идеей, ты утратил всякое уважение к чужой жизни. Зоолог оказался чахоточным; он для тебя не годился. Тебе требовалось серд-

це, полное сил, здоровья; для обожаемого сына нужно раздобыть, что получше! А перед глазами у тебя этот ботаник, крепкий, здоровый, как Геркулес, как каменная скала! Но он разочарован, он ни в грош не ставит свою жизнь, он грезит о смерти, о самоубийстве. Что же лучше? У тебя есть надежный сообщник, Манфред Свифт, одержимый нездоровой жадной научной славой... И вы убили Квоньяма!..

Старый профессор в волнении вскочил, походил по каюте, подошел к окну, залепленному снегом, взглянул в него.

— Вы убили его, — продолжал между тем Джордж. На губах его выступила пена. — И выходит теперь, что это новое сердце, которое я ношу в своей груди, принадлежало не естественно умершему человеку, пораженному слепым ударом смерти, но жертве, закланной ради меня!.. Не соверши вы этого гнусного злодейства, бедный Квоньям был бы жив и здоров!

— Но ты не был бы жив, пойми это! — вскричал старый профессор. — Ведь я должен был выбирать между ним и тобой!

— Вот это-то я и ставлю тебе в упрек, отец! Ты делал выбор, но не имел права этого делать. Если у тебя не было под рукой человека, умершего естественною смертью, ты обязан был отказаться от своего плана и предоставить меня моей неизбежной участи. Воскресить мертвого, да еще собственного сына! Что говорить, идея возвышенная, идея божественная, но ты превратил божественную мысль в адскую! И вот теперь я встаю против тебя во имя попранной справедливости. Ты воскресил мою совесть, и она обвиняет тебя в гнусном преступлении.

— Справедливость! Совесть! Пустые слова! Что мне за дело до твоих нравственных законов? Я знаю только одни законы, законы природы. Какой отец на моем месте стал бы колебаться? Да, я принес чужую жизнь в жертву ради тебя. Но возьми весь баланс человечества, и счет выйдет правильный. Ты со своей риторикой забываешь верховную власть цели, величие результата. Что значит жалкая жизнь этого ботаника, когда мы с Манфредом можем теперь сказать всему свету: смерть перестала быть непоправимым, неодолимым злом! Мы вызвали ее на бой! Мы сразились с

ней и вырвали у нее добычу! Другие последуют нашему примеру и одержат еще тысячи таких же побед. И ты, и Квоньям участвовали в этом блестящем триумфе науки, который затмевает собой все ее прежние победы. Делай из своего Квоньяма жертву; пусть будет так! Но помни, что эта жертва принесена на алтарь науки.

— Я почтительно слушаю тебя, отец, и все же разум мой не принимает твои доводы, и сердце мое не соглашается с ними. Сердце, мое сердце! Украденное сердце, чужое сердце, сердце, принесенное в жертву! О, я слышу, как оно меня укоряет за жизнь, дарованную мне! Оно с негодованием бьется в моей груди! Оно вопиет о правосудии, о мщении! О, отец, если бы ты знал, какой страх и ужас за тебя я сейчас испытываю!

— Страх за меня? Чего же ты боишься?

— Боюсь какого-нибудь ужасного возмездия.

— Благодарю покорно, сыночек милый!

— Ты говоришь, что сгубил невинную жертву ради торжества твоей науки! Это противоречит разуму, совести, правде! Да если бы вы все, со всей вашей наукой, должны были провалиться сквозь землю из-за того, что вам не удалось принести такую жертву, я пальцем не двинул бы, чтобы спасти вас. Мне легче было бы видеть, как вы проваливаетесь, нежели позволять с легкой совестью такое жестокое злодейство! Ради невесты какого грядущего блага человечества, вы принесли в жертву человеческую жизнь! Вы не имели на это права! Все ваши софизмы тускнеют перед простой человеческой совестью. Вы пытаетесь отрицать ее, эту совесть. А я ее-то первой и нахожу в глубине того самого сердца, которое вы ради меня разбойнически отняли у другого! Сердце жертвы и кровь преступника, твоего сообщника Манфреда, — вот чем я был оживлен, вот чем меня воскресили из мертвых! И не удивляйся, что мое первое сознательное слово к тебе после того, как я все узнал, — упрек в злоупотреблении, в страшном злодеянии вашем во имя вашей науки, упрек за смерть бедного молодого человека, который жил, цвел и, быть может, ничего так не желал, как наслаждаться своей цветущей жизнью! Это злодейство, это преступле-

ние!.. Гнусное злодейство, гнусное, гнусное, гнусное!..

Тем временем снаружи началось что-то необычайное. Все судно трепетало, и был слышен яростный скрип якорных цепей. Собаки громко и мрачно выли. Становилось очень опасно оставаться у берега. Нужно было немедленно сниматься и выходить в открытое море.

Встревоженный капитан Кимбалл постучался в дверь лаборатории и вкратце доложил об этом главе экспедиции, спрашивая его приказаний. Профессор отвечал, что предоставляет ему распоряжаться по собственному усмотрению и продолжал свои препирательства с сыном.

— И ты смеешь еще упрекать меня! — воскликнул он. — Ты ли это? Мой ли сын проливает глупые слезы из-за того, что с разбитых часов сняли стрелку? Одним человеком стало меньше! Экая важность! Благодаря смерти этого человека мой сын вернулся к жизни! Еще раз повторяю, Джордж: что значит для меня жизнь неведомого человека по сравнению с твоей? Он сам молил освободить его от тяжких уз жизни; вот я его и освободил. В чем же, позволь полюбопытствовать, тут зло? Он просил, я исполнил его просьбу. Да если бы даже этот Квоньям никогда не просил меня ни о чем подобном, неужели я поколебался бы принести его в жертву ради того, чтобы вернуть тебе жизнь?

— Он мог так говорить, но не надо было его слушать, — твердо ответил Джордж. — Нельзя лишать жизни ближнего, хотя бы он умолял нас об этом на коленях!

— Экий вздор! Над кем же хирургия должна делать свои опыты пересадки и прививки органов? Над тюленями, что ли? Для пересадки сердца человеку нужно человеческое сердце. И сердца будут брать везде и всегда, когда появится возможность, как и было в нашем случае. А ты толкуешь о своих нравственных законах! Что они стоят, эти законы, при сопоставлении их с задачей возвращения человеческой жизни?

Старик оседлал своего конька и теперь уже не оправдывался, а гордился своим величием.

— Науке нет надобности считаться с этими слезливыми жалобами. Оставим бабьи слезы бабам. Будь мужчиной и

вспомни поговорку: «Цель оправдывает средства».

— Есть цели, к которым человек не может стремиться, не запятнав себя бесчестьем.

— Глупости!

— Так говорит мне моя совесть. Прислушайся и ты к своей.

— Ей-Богу, слушая тебя, мне так и вспоминается Манфред, когда он чуть не хныкал и просил меня обождать, не вскрывать грудную клетку и не изымать сердце Квоньяма, пока тот окончательно не умрет!

Мертвенная бледность разлилась по лицу Джорджа Макдуфа.

— Что ты говоришь, отец?.. Повтори, что ты сказал!.. Так значит, аргентинец говорил правду, он не выдумал этот ужас?.. Я не мог заставить себя поверить... Я старался не думать об этом...

— Что там еще напел тебе аргентинец?..

— Он говорил, что вы не дождались смерти ботаника, что вы вырезали сердце у живого человека...

— А ты тоже хотел бы, чтобы мы дождались его смерти?.. Ну, мой милый, тогда нечего было бы и выбирать... Если брать сердце мертвеца, тут уж решительно все равно, кто он — пересадка все равно не удастся. Пойми, что на успех операции только и можно было рассчитывать, располагая для пересадки еще живым сердцем, которое остановилось лишь на короткое время, необходимое для проведения самой операции...

— Так он был еще жив!.. Вы вскрыли живого?.. И вырвали у него сердце, и дали его мне... И это оно теперь бьется у меня в груди?.. Ты в самом деле сделал это, отец?

— Ну, сделал... Что же с того?

— О, какая гнусность!.. Но я этого не хочу!.. Мне не нужно оно, не нужно чужое сердце!.. Я не хочу, не хочу его!..

ХІХ

РАЗГРОМ

Несчастный Джордж, подавленный негодованием, гневом, отвращением, как сноп повалился в кресло.

— Милая Эмми, и ты, мой маленький Тоби, и ты, мама! — кричал он, напрягая остатки своих уже истощенных сил. — Скажите, о, скажите, разве вы допустите, чтобы жизнь вашего сына, мужа, отца была куплена такой ценой! Я слышу, что говорят мне в ответ ваши негодующие голоса! Они повелевают мне исполнить свой долг! И я его исполняю... Прости, отец! Я облегчу твою совесть!

Манфред, находившийся поблизости, услышал эти отчаянные вопли и ворвался в лабораторию. Он бросился к Джорджу, но было уже поздно.

Джордж Макдуф лихорадочным движением схватил нож, лежавший на столе, одним взмахом перерезал все повязки на своей груди, сорвал с себя бинты и отшвырнул их в сторону. Швы давно уже заросли и зажили. Он с мужеством ожесточенного отчаяния разрезал эти швы, и из них потоками хлынула кровь. Он вонзил нож себе в грудь и поворачивал его там, кромсая наудачу артерии, вены, сердце...

Скоро силы оставили его, и он повалился навзничь, бездыханный.

По странному совпадению, почти в тот же миг среди воя разыгравшегося уже урагана грянул страшный удар грома. В это время судно, уже успевшее сняться с якорей, пробиравлось по каналу, шедшему от бухты Воскресения в открытое море.

Тряска судна сразу удвоилась. Корабль то и дело сталкивался с пловучими льдинами, которые бомбардировали его борта.

Молния ударила в судно, свалила бизань-мачту, пробила палубу и мимоходом убила юнгу. На борту поднялась невообразимая паника. Кимбалл, держась за перила своего мостика, кричал слова команд, но их не было слышно. Во-

царился мрачный сумрак, еще усиливавшийся от массы валившего снега. Собаки выли, соперничая с разгулявшимся северным ветром.

В лаборатории все было перевернуто и опрокинуто; слышался какой-то ужасный треск. Старый Макдуф кое-как держался за дверь. Он походил на сумасшедшего — до такой степени потрясли его и катастрофа с сыном, и внезапно налетевший ураган.

Тело Джорджа теперь каталось по полу в лужах крови. Манфред пытался поднять его и посадить мертвеца в кресло, но сам не устоял, повалился и весь запачкался кровью. Он хотел было жестом дать знать профессору, что все пропало, что сын его погиб безвозвратно, но старик, судя по всему, перестал что-либо видеть и слышать. Его охватил какой-то бешеный порыв. Он ринулся к труп своему сына...

В это время страшный вихрь подхватил судно, как ореховую скорлупу, и развернул его с такой яростью, что профессор и Манфред рухнули на пол.

— Выходите наверх! — кричал изо всех сил Манфред. — Выходите, иначе мы погибли!

Но старик явно ничего не соображал. Не слушая, он вновь начал пробираться к труп своему сыну. Кончилось тем, что он весь вымазался в крови.

Манфред громкими воплями призывал на помощь, но среди грома, воя бури, дождя, града, снега, полного разгула стихий, когда каждому впору было только заботиться о собственном спасении, кто мог его услышать и помочь?

Он подхватил старика под мышки и кое-как, с неимоверным трудом, довел его до лестницы, ведущей на капитанский мостик. Кимбалл и Беннет, стоявшие на мостике, случайно заметили их и закричали:

— Не ходите сюда! Вас снесет в море!

Манфред скорее угадал, чем услышал эти предостережения. Он снова повел старика. Беспрерывно оскальзываясь и колотясь о стенки, о двери, спотыкаясь, падая, ползя, они кое-как добрались до какого-то закоулка на носу судна, забились туда и сидели мокрые и дрожащие. Здесь они все же могли укрыться от ветра, снега и града. Вокруг была тьма.

Все огни на судне потухли. Машина, в которую угодила молния, перестала работать.

Все люди были внизу, трудясь у помп — от столкновения с чем-то, вероятно, со льдиной, судно получило пробойну, и в трюм вливалась вода.

И вдруг, в полной тьме, сверкнула ослепительная молния, осветив крутящийся в воздухе снег, и белые гребни волн, и массу пловучих льдин. В тот же миг все судно — очевидно, врезавшись на полном ходу в льдину — содрогнулось от резкого удара с левого борта.

— Днище пробито! — раздались крики снизу, из трюма. — Судно тонет! Мы идем ко дну!

«Эмма Пауэлл» быстро кренилась на левый бок. Снизу, из-под палубы, поднимались обезумевшие от ужаса люди.

Первыми поднялись наверх Черч и Домбартон. Увидев перемазанных кровью Макдуфа и Свифта, они окончательно обезумели и подняли неистовый крик. Поднявшиеся вслед за ними также начали кричать, ничего не видя, просто потому, что слышали, как кричат другие. Вопили во весь голос даже люди, сравнительно более сообразительные и благоразумные, в том числе Торн и Скотт.

Вскоре на сцену явился главный безумец, Мендес Лоа, которого поспешил освободить из карцера повар Смит. Увидав перед собой профессора и Манфреда, он взвыл, как дикий зверь, и бросился на них с револьвером в руке.

Но Торн был настороже. Быстрым и ловким движением он вырвал у аргентинца револьвер.

Тогда Мендес завопил, призывая гнев Божий на головы убийц Квоньяма.

— Слушайте, слушайте!* — кричали Смит и Домбартон, оба полумертвые от ужаса.

А Мендес завывал:

— Я слышу голос, что заглушает рев урагана! Я слышу голос, что заглушает гром! Слышите вы голос несчастного

* О hear, hear, — обычный возглас англичан, когда слова оратора производят на слушателей сильное впечатление.

Квоньяма? Видите его самого? Вот он, вот он!.. Смотрите все!.. Вот он, пришедший с того света, чтобы отомстить за себя! Слушай, старик! Он велит тебе отдать ему его сердце!

Глаза всех матросов обратились в те сторону, куда указывал бесноватый аргентинец, а тот продолжал вопить, словно обратившись в Квоньяма:

— Убийцы, убийцы! Отдайте мне мое сердце! Мое сердце, презренные, которое вы у меня отняли! Отдайте мне мое сердце, прежде чем я, по велению Божию, брошу вас на дно моря со всем вашим нечестивым экипажем!

Американцы, потрясенные катастрофой и мыслью о неминуемой гибели, заразились бредом бесноватого и в один голос завопили:

— Я слышу его! Я вижу его! Вот он, жертва проклятых убийц! Убийцы, убийцы!..

И все эти одержимые, в пароксизме острого помешательства, готовы были ринуться на профессора и его ассистента.

Аргентинец буквально жаждал их крови и возбуждал других. Судно тонуло, ему оставалось несколько минут до гибели, а экипаж готовился к поножовщине, к истреблению друг друга...

Мендес Лоа уже собирался ринуться на Макдуфа, чтобы схватить его за горло. Смит бросился на Манфреда.

Богатырь Торн мощной рукой дважды взмахнул своим ножом, и оба окровавленных фанатика покатались по палубе.

Но все, кто был заодно с ними, в свою очередь накинута на Торна и его кочегаров.

Завязался отчаянный бой, в котором люди успели покончить друг с другом прежде, чем ураган и море покончили с ними и их судном. В реве бури глухо гремели револьверные выстрелы. Но пули летели, куда попало, потому что отчаянная качка не давала как следует прицелиться. Враги поняли бесполезность пальбы и взялись за ножи. А ножами матросы владеют превосходно.

Один за другим пали Скотт, Домбартон, Черч, Адамс. Один Торн стоял твердо.

Макдугф и Манфред, позеленев от страха, молча смотрели на осатаневших людей, на их взаимное истребление. А ураган все продолжал свою разрушительную работу. Среди воцарившейся тьмы невозможно было рассмотреть капитанский мостик. Но Кимбалл и Беннет все еще держались на нем, и кричали слова команд, не зная, слышит ли их кто-нибудь и исполняют ли их приказы...

«Эмма Пауэлл» быстро кружилась, увлекаемая ураганом, и вскоре начала исчезать в бездне океана...

— Профессор, профессор! — изо всех сил кричал Манфред над самым ухом Макдугфа. — Профессор, вы видите его?.. Слышите его голос?.. Слышите?.. Слышите?..

— Кто?.. Что?.. — отозвался наконец старик, щелкая зубами от холода.

— Голос призрака!... Видите, вот он, вот он!.. О, как мне страшно и как стыдно!.. Да взгляните же!.. Неужели вы не видите?.. Ведь это он... призрак Квоньяма!.. Слышите, как он вопит: «Убийцы, убийцы, отдайте мне сердце, которое вы украли у меня!..» Неужели вы не слышите?!..

Старик вперил в него свой острый, хищный взгляд, разразился ужасным хохотом и вскричал!

— А! А!.. Это наш ботаник тут шляется!.. Ну, не прав ли я был, Манфред?.. Я же вам говорил, что он еще не умер!.. И не думал умирать!.. Ха, ха, ха!..

НА ОСТРОВКЕ

Лейтенант Уррубу на своей канонерке «Азуль» долго поджидал «Эмму Пауэлл» у южной оконечности американского материка. Так прошли летние полярные месяцы — декабрь, январь — а судно экспедиции все не появлялось. Предчувствовалось что-то недоброе... Уррубу решил углубиться дальше на юг, хотя это было небезопасно для него самого, так как лето заканчивалось. Надо было спешить, чтобы успеть оказать помощь экипажу «Эммы Пауэлл», да и самому до зимы выбраться из негостеприимных вод Южного полярного моря.

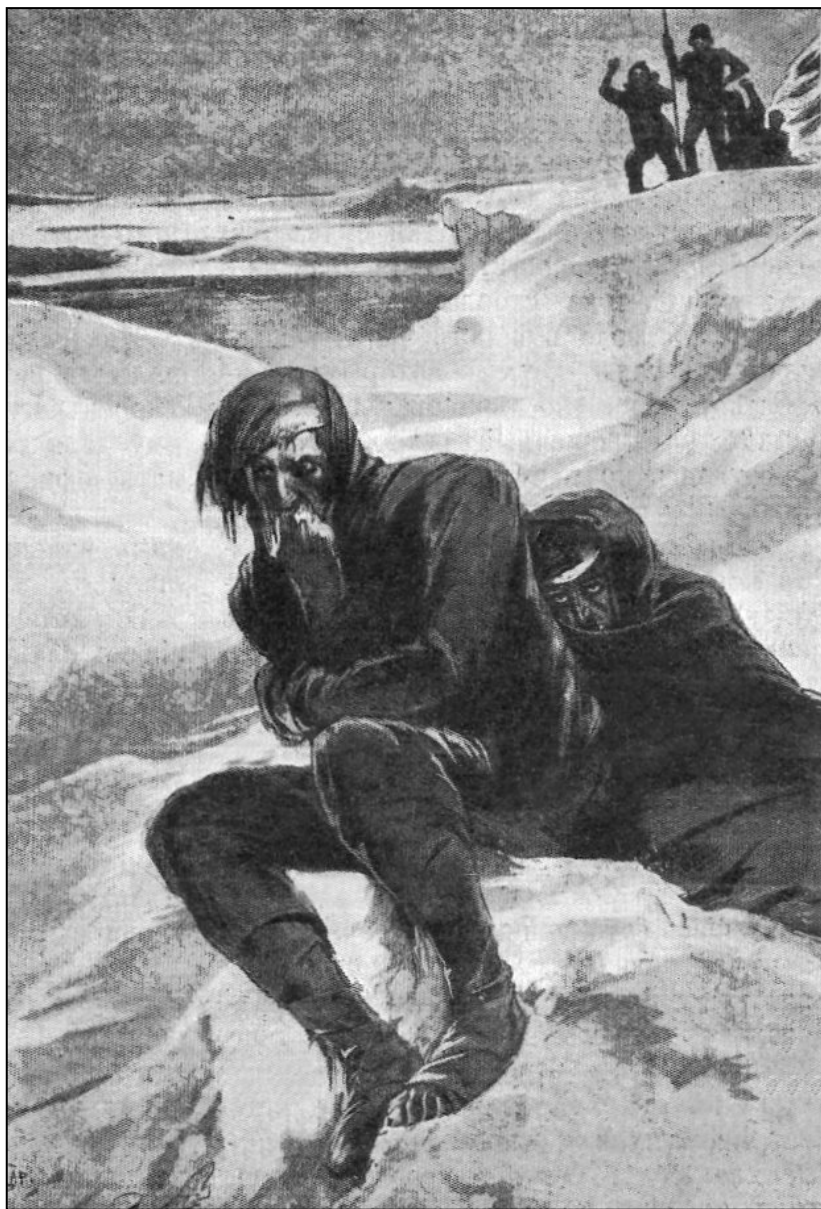
К 9-му февраля «Азуль» зашел уже далеко на юг и углубился до 66° южной широты. Уррубу шел не наугад; он приблизительно знал, какие места должна была посетить экспедиция, знал путь, каким она собиралась пойти обратно, и двигался прямо ей навстречу.

В этот день часовой на мачте дал знать о том, что вдали виден шест с какой-то тряпкой, развевающейся на ветру. Подошли ближе и различили какое-то растерзанное ветром красное полотнище, развевающееся над грудой обломков. Уррубу стал на якорь, а к крошечному обледеленному островку, на котором был водружен сигнал, отправил шлюпку с людьми.

Подойдя к островку, люди увидели темную массу, похожую на часть разбитого судна. Вбежали туда, осмотрели все, но никого не нашли. Пустились на поиски в окрестностях и набрали на двух человек, сидевших рядом на свежеевыпавшем снегу.

Оба они были живы. Это были профессор Макдуф и его ассистент. Старик не обратил никакого внимания на появившихся внезапно людей, не отвечал на их восклицания и вопросы, даже не взглянул на них. Зато его товарищ проявил самое бурное оживление.

— Вы одни?.. — спросил офицер, приведший шлюпку, уга-

Это были профессор Макдуф и его ассистент...

дав в общих чертах всю ужасную драму, приключившуюся с «Эммой Пауэлл».

— О, да, да, одни!.. Он да я! — ответил Манфред в необычайном, почти эйфорическом возбуждении. — Одни, одни!.. Только, знаете, он ведь совсем рехнулся, бедняга!.. Ну, здравствуйте, коли пришли сюда!.. Вот, не хотите ли закусить, выпить?..

И он указал аргентинцам на ящики с консервами и бутылки с напитками. Тут были, среди прочего, два ящика с фигами: в одном их было еще много, в другом лишь две-три горсти.

— Это мой календарь! — с гордостью пояснил Манфред. — Видите ли, я каждый день перекладывал из этого ящика в тот по одной фиге. Вот, сосчитайте, сколько их тут, видите?.. Шестьдесят пять... Ну вот, значит, мы тут живем уже 65 дней.

И он принялся с жадностью пожирать фиги и консервы, запивая их, чем попало. Видимо, он был страшно голоден.

— Мы ведь в последние дни ничего не ели! — объяснял он свой чрезмерный аппетит. — Решили было помереть от голода... Надоело, знаете, торчать тут так, зря!.. Ну, а теперь другое дело...

И Манфред продолжал уписывать за обе щеки.

— Так вы одни только спаслись? — снова спросил офицер, пораженный этой картиной страшного бедствия и убогим видом переживших его людей, очевидно, тронувшихся умом.

— Одни, одни!.. Шестьдесят пять дней!.. Вон, видите, фиги-то!.. Сосчитайте...

— Но что же произошло с судном?..

— Крушение, крушение, полнейшее крушение! — отвечал Манфред своим наводившим страх, оживленным, едва ли не радостным голосом. — Вон обломки-то плавают!.. Как вы на них не наткнулись?..

— Что же, была буря, ураган?..

— Циклон, лейтенант, циклон, и, знаете, великолепнейший, бесподобный циклон! Все переломал вдребезги... Мы

стояли на якоре, вон там, неподалеку от Ледяной могилы...

— Значит, вы ее нашли?

— Ну вот, еще бы не найти!.. А поглядели бы вы на трупы! Один восторг! Так сохранились во льду, что просто заглядение! словно кто-то нарочно приготовил их для нашего знаменитого и славного эксперимента, который обесмертил наши имена!

— Какого эксперимента?

— Опыта пересадки сердца!

— Сердца?..

— Ну как же! Ведь он у нас ожил, и жил больше месяца!.. Он был заморожен... понимаете... Кусок льда!.. Ну, осторожно его отогрели, он оттаял, и затем мы пересадили в него сердце, а сердце взяли у Квоньяма.

Лейтенант переглянулся со своими людьми. Все они поняли, что дальнейшие разговоры с этими людьми были пока что бесполезны. Один молчал, как немой, а другой хоть и разглагольствовал, но от его слов было не больше пользы, чем от молчания его товарища.

Спасенных доставили на судно.

Офицер со шлюпки доложил Уррубу, что «Эмма Пауэлл» погибла во время циклона, что обломки судна еще носятся в проливе, ведущем из бухты, где оно стояло, в открытое море, и что люди все погибли, за исключением этих двоих, которых, вероятно, выкинуло волной на крошечный островок. Они приютились под обломком судна, выброшенным на тот же островок, быть может, вместе с ними; они подбирали кое-какие припасы и напитки и прожили на островке 65 дней. Теперь оба явно и очевидно помешались.

Спасенные были поручены заботам судового врача. Он осмотрел их, поговорил с ними. Физически оба были целы и невредимы, но, увы, только телесно. В ответ на все расспросы врача старик молчал, а Манфред с величайшими подробностями, словно обрадовавшись, что нашел, наконец, человека знающего и понимающего все значение их научного подвига, рассказал о прославленной операции, не умалчивая даже о том, что Квоньям был, в сущности, зарезан и что сердце было извлечено из живого человека. Врач,

человек враждебного научного лагеря, отрицавший возможность и пользу пересадки и прививки органов, отнесся к этому научному докладу об оживлении мертвеца путем прививки ему живого сердца, как к самому заурядному профессиональному бреду помешанного. Он так и доложил Уррубу, о чем рассказал и другим офицерам.

Уррубу послал шлюпки на разведку. Удалось подобрать в воде и на берегах канала много обломков и вещей с «Эммы Пауэлл», совершенно неопровержимо свидетельствовавших о полной гибели и разрушении судна. Оставалось вернуться домой с этими обломками — доказательствами произошедшей катастрофы.

Офицеры судна решили, ради полноты картины, призвать спасенных на общий офицерский совет и попросить их рассказать обо всем.

Макдуф по-прежнему равнодушно молчал, ни на кого не смотрел, ничего не слышал. Казалось, он был погружен в какую-то думу, от которой его было невозможно оторвать.

Манфред бегло и кое-как отвечал на вопросы. Ему, видимо, не терпелось рассказать об операции. Когда ему дали волю, он пустился расписывать офицерам свой «научный подвиг» в таких же подробностях, как раньше судовому врачу. Его слушали в скорбном молчании.

Это смутило Манфреда. Он ждал энтузиазма слушателей, ждал рукоплесканий, восторженных похвал. Его настроение быстро изменилось. Ему стало страшно. Ему вдруг вспомнился Квоньям, лежащий на операционном столе. Он поднял глаза вверх... Перед ним стоял призрак Квоньяма со вскрытой, зияющей грудной полостью...

Манфред побледнел, затем вскочил с места, и, громко крича, вымаливая прощение у Квоньяма, кинулся бежать... Его, конечно, остановили, отвели в каюту, заперли в ней, представили к нему людей.

Вскоре он успокоился и принялся писать. Он составил подробнейшее описание всего «эксперимента» и мечтал о том, как этот мемуар будет напечатан, вызвав бурю восторга в научном мире.

Однажды, когда Уррубу находился на палубе, Манфред подошел к нему и важно и торжественно вручил капитану свою рукопись.

— Мне не дожить до опубликования моего труда. Дни мои сочтены. Поэтому я и передаю его вам! — сказал он.

Уррубу не успел вымолвить слова в ответ, как безумец, сделав громадный прыжок, очутился за бортом, в волнах моря.

Судно остановили, спустили шлюпку. Манфред показался на миг из воды и громко крикнул:

— Он каждую ночь приходит ко мне и велит отдать назад его сердце!.. Это невыносимо!.. Честь и слава моему учителю, доблестному, но злополучному гению!..

Громадная волна набежала на него, и он исчез... Долго еще искали его, но напрасно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По пути в Буэнос-Айрес Уррубу послал из первого же порта, куда зашел, телеграмму своему правительству с извещением о катастрофе, постигшей экспедицию Макдуфа.

При входе в устье Ла-Платы «Азуль» встретила яхта Пауэлла. Передача обломков погибшего судна и единственного уцелевшего участника экспедиции походила на похороны.

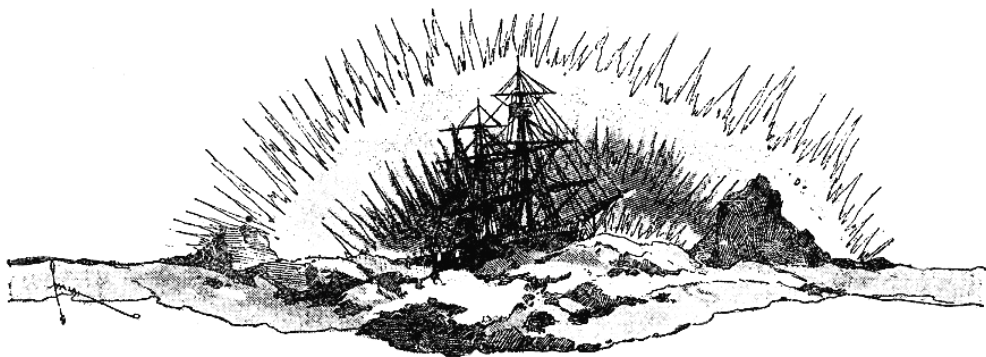
Старый Макдуф, до сих пор буквально ни разу не открывший рта, молча обнял Эмму, и, на минуту вновь обретя дар речи, воскликнул:

— Я его оживил!.. Это был блестящий, небывалый, невиданный научный подвиг!.. Зачем он не захотел жить!..

Эти слова были непостижимы для Пауэлла и Эммы. Не успели они начать расспросы, как старик вдруг повалился на пол. Его подхватили, думали привести в чувство, но он был уже мертв.

Таким образом, на свете не осталось ни единого очевидца и свидетеля блестящей операции оживления умершего, и она свелась к простому бреду сумасшедшего, о котором потом рассказывали офицеры с «Азуля».

Через год лейтенант Уррубу женился на вдове Джорджа Макдуфа. Старик Пауэлл был в восторге от нового зятя. Уррубу бросил службу и сделался деятельным сотрудником тестя в его обширных делах и предприятиях по части изготовления сельскохозяйственных машин.

ОБ АВТОРЕ

Пьер Жиффар (1853-1922) родился в семье юриста и мэра городка Фонтен-ле-Ден. Учился в лицеях Руана и Парижа и в университете в Дуэ. Во время франко-прусской войны записался в армию и получил звание лейтенанта.

В 1872 г., после смерти отца, Жиффар перебрался в Париж и занялся журналистикой. Писал для многочисленных газет и журналов, пока не получил работу в *Figaro*, где публиковал репортажи из многочисленных европейских стран, а также Алжира, Туниса и Египта (на Западе он считается одним из «отцов» современного политического репортажа). В 1887 г. он стал редактором *Le Petit Journal* и в 1896 г. — спортивной газеты *Le Vélo*.

Будучи большим энтузиастом автомобилизма и велосипедного спорта, Жиффар организовал в 1890-х гг. велосипедные гонки Париж-Брест-Париж и Париж-Бельфор, автомобильную гонку Париж-Руан и парижский марафон.

На должности редактора *Le Vélo* он прославился как ярый защитник А. Дрейфуса; анти-дрейфусар и производитель автомобилей граф Ж.-А. де Дион в итоге основал соперничающую газету *L'Auto*, ставшую организатором велогонки «Тур де Франс».

В 1892 г. Жиффар стал кавалером и в 1900 г. офицером ордена Почетного Легиона.

После закрытия *Le Vélo* в 1904 г. Жиффар освещал русско-японскую войну на страницах *Le Matin*, открытие российской Государственной Думы для *Figaro*, сотрудничал и в других изданиях,

в заключительный период журналистской деятельности работал и на своих бывших конкурентов из *L'Auto*.

Несмотря на столь многогранную журналистскую карьеру, Жиффар находил время и для литературных занятий, публикуя популярно-технические очерки, книги путевых заметок, романы — в том числе приключенческие, научно-фантастические и уголовные — новеллы и пр.; выступил он и как автор нескольких пьес. На счету его — около четырех десятков книг.

Наиболее известным научно-фантастическим произведением Жиффара является роман *Адская война*, апокалиптическое и полное прозрений сочинение, замешанное на идее «желтой опасности». Роман издавался сперва в выпусках, а в 1908 г. вышел двухтомным книжным изданием. Его успеху в немалой мере способствовали сотни иллюстраций А. Робида.

Роман *Ледяная могила* (*Le Tombeau de glace*) вышел первым книжным изданием в Париже в 1909 г.

Весьма корявый и потребовавший существенной редакции русский перевод был впервые опубликован в кн. 4-6 журнала *Мир приключений* за 1910 г.

Все примечания, кроме отдельно означенных, взяты из данного издания.

Издательство Salamandra P.V.V. приносит глубокую благодарность DragonXXI за сканы оригинального издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.